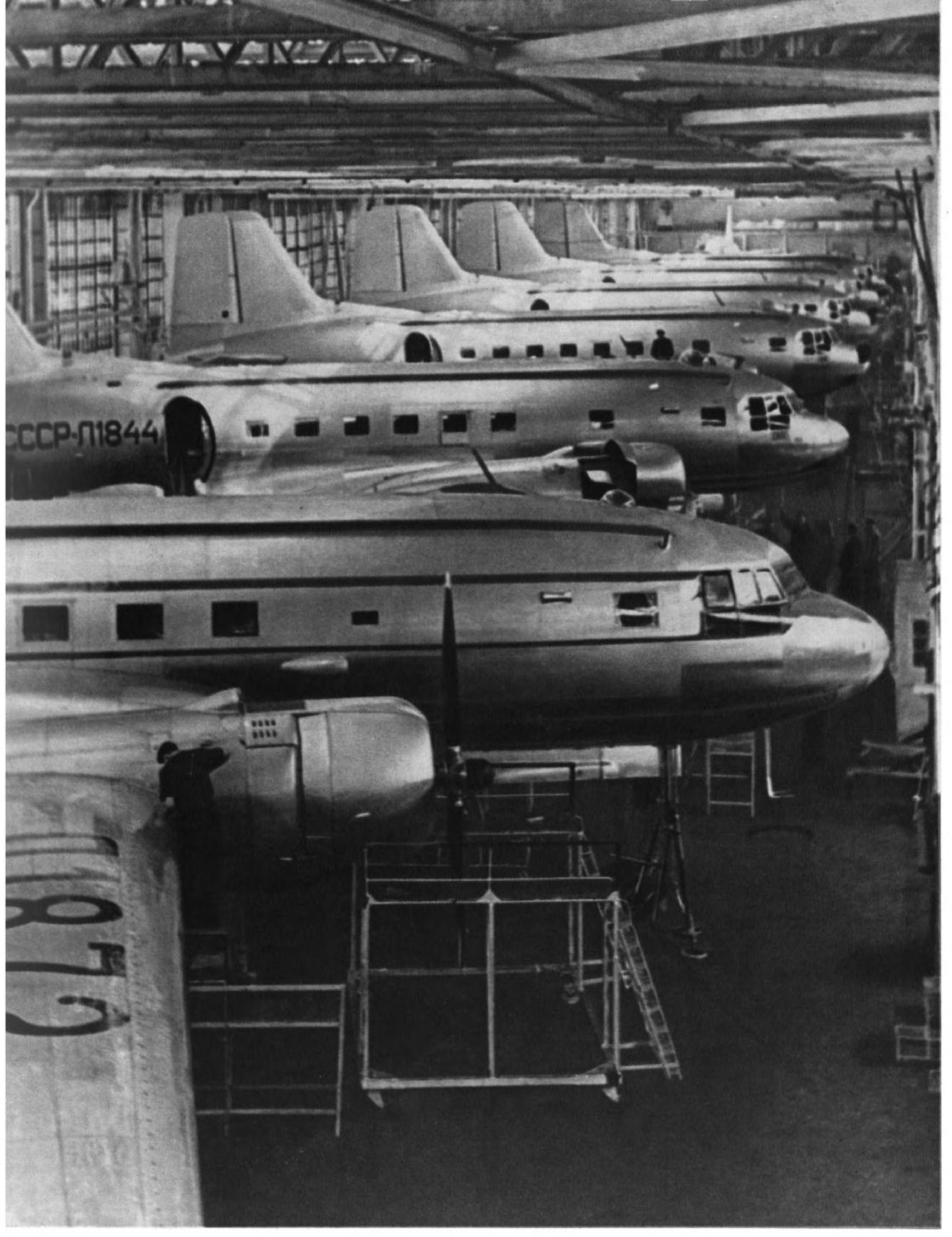

ОГОНЁК
№ 26

Сборка пассажирских самолетов «ИЛ-14» на авиационном заводе.

Фото А. Новикова.

На первой странице обложки: Н-ская авиационная часть. Командир звена капитан А. А. Раков проводит разбор полетов с молодыми летчиками, лейтенантами И. П. Лысенко и Б. А. Лепаевым.

Фото А. Новикова.

На последней странице обложки: Высокогорное озеро Морское око в Закарпатской области.

Фото Н. Козловского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ОГОНЁК № 26 (1515) 24 ИЮНЯ 1956

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДРУЖБА НАВЕКИ

С 1 по 23 июня в СССР с официальным визитом находился Президент Федеративной Народной Республики Югославии товарищ Иосип Броз Тито.

С каким сердечным вниманием следил за этим визитом советский народ, оказавший югославским гостям такой дружеский, горячий прием!

«...Нам трудно будет найти подходящие слова,— говорил товарищ Тито в своей речи на центральном стадионе «Динамо»,— чтобы рассказать нашим людям обо всем, что мы здесь увидели, как вы нас здесь встретили и какую любовь вы питаете к нашим народам».

Двадцатого июня Москва торжественно провожала дорогих югославских гостей — представителей братского народа, с которым нас связывает дружба навеки.

В день отъезда югославских гостей из Москвы в Кремле состоялось подписание советско-югославских документов: Совместного заявления Правительств Союза Советских Социалистических Республик и Федеративной Народной Республики Югославии в связи с государственным посещением Советского Союза Президентом ФНРЮ Иосипом Броз Тито и Декларации об отношениях между Союзом коммунистов Югославии и Коммунистической партией Советского Союза.

Состоявшийся обмен мнениями,— говорится в Совместном заявлении,— выявил широкое сходство точек зрения двух Правительств в оценке развития международного положения и существующих международных проблем, а также общее желание и в дальнейшем углублять взаимопонимание и дружбу между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Народной Республикой Югославией.

На снимке: после подписания советско-югославских документов.

Фотографии Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

У речного вокзала в Сталинграде.

Этот снимок прислал нам читатель «Огонька» Г. Лебедев из станицы Ново-Покровской, Краснодарского края. Он сделал его на станции Ея, где поезд с гостями остановился на двадцать минут. «Я сделал этот снимок,— пишет товарищ Лебедев,— в тот момент, когда тысячи людей вокруг поезда кричали: «Да здравствует дружба Советского Союза и Югославии!»

Жители станицы Кавказская на Кубани встречают гостей на станции. Товарищ Тито стал почетным пионером.

В колхозе имени Сталина. Станица Григориполисская.
— Познакомьтесь с бригадиром школьной производственной бригады Анатолием Любивым, — говорит Никита Сергеевич Хрущев.

Торжественный митинг в станице Григориполисской.

Станица Крымская. На опытно-селекционной станции.

Председатель колхоза имени Сталина Н. Ф. Лыскин показывает товарищу Тито кукурузные поля.

На борту крейсера «Фрунзе». Вице-адмирал С. Е. Чурсин преподнес гостям подарки.

19 июня в Москве, на стадионе «Динамо», состоялся митинг, посвященный дружбе Советского Союза и Югославии. В центральной ложе.

Югославский орден «Свобода».

Иосип Броз Тито вручил Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову высший югославский орден «Свобода».

20 июня на Киевском вокзале в Москве. Последние минуты перед отъездом президента ФНРЮ товарища Иосипа Броз Тито.

Вице-Президент Индии—в СССР

Дружеский визит в Советский Союз Вице-Президента Индии д-ра С. Радхакришнана укрепил связи между индийским и советским народами. В дни ребывания в Москве гость из Индии встретился с руководителями нашей страны.

На снимке: во время беседы Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева с д-ром С. Радхакришнаном. Слева — посол Индийской республики в Москве -н К. П. Ш. Менон.

Фото А. Гостева.

СТУПЕНИ ТВОРЧЕСТВА

Ко Дню Воздушного Флота СССР

Семен КАНЕВСКИЙ

У древних учителей логики было любимое изречение:

«Вот пример, из которого вытекают многие подобные».

Полеты реактивных пассажирских самолетов «ТУ-104» в Англию и Швейцарию послужили тем примером, из которого вытекают «многие подобные». Даже люди, не искушенные в научно-технических вопросах, убедились, размышляя по поводу «ТУ-104», как высоко поднялась в СССР промышленность, инженерная мысль.

И в самом деле! Самолет теперь — это сочетание сложнейших областей научно-технических знаний. Современный самолет — это сплавы алюминия, магния, хрома, никеля, молибдена, бериллия, ниобия, ванадия и титана — самого молодого и заманчивого из металлов. Это синтетический каучук, оптическое стекло, электронные приборы, автопилоты, телемеханика, телевидение.

Скромный, придирчивый к своей работе А. Н. Туполев, будучи недавно в Англии в числе лиц, сопровождавших советских руководителей, лично убедился во всеобщем внимании, которое привлек новый самолет «ТУ-104». С чувством удовлетворения он рассказывает:

— Я встречался с английскими учеными, конструкторами самолетов и двигателей, беседовал с летчиками и командирами королевской авиации. Эти люди, отлично зная, о чем говорят, выражали уважение к советской науке и технике.

На заре авиации

Андрей Николаевич Туполев, академик, Герой Социалистического Труда, начал творческую деятельность в 1909 году. Авиация пребывала тогда в зачаточном состоянии. Многие видные ученые даже утверждали, что самолет не машина и расчетам не поддается.

Молодой Туполев учился у профессора Николая Егоровича Жуковского, отца русской авиации, как называл его Ленин.

Тогда, на заре авиации, простейшие ее вопросы были тайной за семью печатями. Андрей Николаевич с улыбкой вспоминает о том времени:

— Интересно, как в нашем студенческом кружке, который собрал вокруг себя Жуковский, разрешили страстный спор: сжимается или расширяется воздушная струя позади вращающегося пропеллера?

По подсчетам одних получалось, что струя воздуха расширяется. Другие утверждали, струя сжимается. Загадку раскрыл простой опыт. Мы надели маленький пропеллер на вал электромоторчика и, напустив табачного дыму, увидели: воздушная струя за винтом сжимается.

Так в нашем кружке практически было раскрыто важное явление, на основании которого Жуковский вывел «коэффициент сжатия», ставший азбучной истиной в аэродинамике...

У Жуковского и пытливой энергичной молодежи, его окружавшей, было много творческих порывов и намерений, но свершиться им было суждено лишь при Советской власти. Известно, что Жуковский и его молодые соратники долго вынашивали мечту о научном центре по авиации. И вот в декабре 1918 года, в разгар гражданской войны, по указанию В. И. Ленина был создан Центральный аэрогидродинамический институт. Основой его послужило расчетно-испытательное бюро по самолетам, в котором работали Туполев и некоторые другие ближайшие ученики Жуковского.

— Никогда не забуду,— говорит Туполев,— как мы с Николаем Егоровичем отметили этот знаменательный факт. Радостные возвращались из ВСНХ (Высшего Совета Народного Хозяйства), где нам сообщили о решении. Подумать только, наша работа получила наконец государственное признание! Теперь можно уверенно глядеть в будущее. Так думали мы, идя по булыжнику притихших улиц голодающей Москвы. Хотелось чем-то отметить большое событие в нашей жизни. И я вспомнил, что профессор очень любил сладкую простоквашу. Нам повезло: в убогом кафе на Кузнецком мосту за астрономическую сумму нас попотчевали простоквашей с медом. И вот здесь за стаканом кисло-сладкого молока Николай Егорович с воодушевлением обсуждал практические вопросы новорожденного института...

В стенах этого института Туполев и начал конструкторский труд. То было время тягчайших лишений, которые мужественно переносил народ великой, но разоренной страны. При всем желании советское правительство не могло оказать небольшому коллективу зачинателей — энтузиастов авиации необходимой материально-технической поддержки.

В мастерской буквально ничего не было под руками. Но люди не унывали, работали с песней и шуткой. Знали: наступят лучшие дни, и государство обеспечит условия, о которых тогда можно было лишь мечтать.

Все сбылось!

Институт, известный миру под звучным названием ЦАГИ, превратился в средоточие советской авиационной мысли. Множество важнейших проблем, начиная с загадки штопора, которая когда-то страшила авиационных инженеров и летчиков во всех странах, и кончая «звуковым барьером», о который разбивался самолет на высоких скоростях, находило и находит разрешение в лабораториях ЦАГИ.

А. Н. ТУПОЛЕВ.

В полное распоряжение конструкторского коллектива Туполева государство предоставило огромный завод. Он оборудован лучшими станками, прессами, контрольно-измерительными приборами. Любой замысел конструктор может проверить на опыте в металле.

Туполев известен в стране и далеко за ее рубежами как конструктор бомбардировщиков тактического и стратегического действия. Враги нашего государства испытали на себе всю силу этих грозных машин. Приведем исторический факт. В 1930 году четырехмоторный бомбардировщик «ТБ-3» был принят на вооружение советских военно-воздушных сил. По летно-тактическим качествам, мощи стрелкового вооружения, бомбовой нагрузке и дальности действия «ТБ-3» явился первой советской «летающей крепостью».

«ТБ-3», долго продержавшись на военной службе, оказал большие услуги и транспортной авиации. В частности, он усердно потрудился над освоением арктических просторов. Знаменитую научную экспедицию Папанина со всем ее снаряжением доставил на Северный полюс самолет Туполева.

Первые самолеты из дюраля

Одаренный ярким инженерным воображением, Туполев увлекался глиссерами и аэросанями. Он первым у нас строил морские катеры-охотники из металла. Но гораздо больше его интересовали самолеты транспортного назначения.

В понимании Туполева авиация должна служить удобствам жизни человека, а не истреблению человечества.

Он начал творческую деятельность с постройки самолета безобидного назначения — спортивной авиэтки. Следующей машиной был «АНТ-2», самолет для пилота и двух пассажиров. Металлический моноплан развивал скорость в 150 километров в час и без посадки пролетал 750 километров — расстояние, неслыханное для 1924 года, когда он вышел на аэродром.

Применив металл взамен дерева, конструктор отважился на весьма смелое новшество. Маловеры, считая проект металлического самолета «АНТ-2» беспочвенной фантазией, говорили:

— Советская страна лесная, аэропланы надо строить деревянные. Алюминия у нас нет, и металлические «АНТ» — роскошь, для нас недоступная. Смотрите, и за границей редко где найдешь самолет из металла...

Но Туполев смотрел вперед. Поначалу действительно было тяжело с алюминием. Сегодня наша промышленность производит сотни тысяч тонн изделий из этого металла — от кастрюли до троллейбуса. А тогда Туполев, чтобы раздобыть для «АНТ-2» сотню килограммов дюраля, уехал на завод в Кольчугино и налаживал там его производство.

Следующей пассажирской машиной, удивившей страну, был «АНТ-9». Под названием

1925 год. «АНТ-4».

1936 год. «АНТ-35».

1946 год. «ТУ-70».

1931 год. «АНТ-14».

1934—39 годы. «АНТ-20».

«Крылья Советов» он в 1929 году с триумфом облетел столицы Германии, Франции, Италии, Англии, Польши. Его вели известный советский пилот Михаил Михайлович Громов и неразлучный друг Туполева еще со студенческой скамьи конструктор Александр Александрович Архангельский. «АНТ-9» брал на борт, помимо экипажа, десять пассажиров. Летая со скоростью 185—200 километров, он преодолевал без посадки расстояние в 1 000 километров.

В 1931 году на линию выходит самолет «АНТ-14». Это была серьезная попытка создать вместительную машину: она брала на борт экипаж в 5 человек и 36 пассажиров — число весьма внушительное для того времени.

Пора гигантов

Наступала пора увлечения большими самолетами. В Германии, Франции, Италии, США, Англии — всюду конструкторы ломали головы над проектами самолетов, способных поднять на борту 50, 80 и 100 человек. Идеи вспыхивали одна фантастичней другой, но их осуществление сдерживал мотор: его мощность явно не поспевала за развитием самолета. Но вот за границей появился «Дорнье-Вааль» с 8 моторами. «Дорнье» подзадоривал воображение Туполева, и в 1934 году он замышляет «АНТ-26» — самолет с 12 моторами по 750 лошадиных сил каждый. Однако подробные расчеты неопровержимо обнаружили полную несостоятельность замысла: на ватмане и в цифрах возник образ машины с фюзеляжем длиною 39 метров и с крыльями невероятного размаха — 95 метров. Иначе нельзя было разместить столько моторов и найти место для баков с горючим. Словом, нелепый крылатый «бензовоз» едва был способен поднять в воздух самого себя. Чертежи легли в архив, где они хранятся в назидание молодежи.

Тогда Туполев предпринял постройку самолета еще небывалой грузоподъемности, известного в истории авиации под названием «АНТ-20». Напомним некоторые его параметры: размах крыльев — 63 метра, длина фюзеляжа — 32 метра. Он имел 6 моторов по 750 лошадиных сил каждый.

Многие предвещали неизбежный провал. Больше всего смущало мрачных пророков то, что «АНТ-20» задуман как машина «сухопутная»: для взлета с аэродрома и посадки на землю. Виднейшие иностранные фирмы (Дорнье, Капрони и другие) выпускали тяжелые самолеты лишь лодочного типа — для взлетов с воды и посадки на воду.

Туполев вновь проявил творческую находчивость. Он изобрел и применил шасси с воздушно-масляным амортизатором и колесами невиданных еще размеров — 2 метра в диаметре.

Обшитый гладким дюралевым листом вместо гофра, самолет гораздо легче преодолевал сопротивление воздушной среды. Это позволило при 6 двигателях той же мощности увеличить скорость полета до 270 километров, а неумолимая последовательная борьба с излишними запасами прочности, экономия не только килограммов, но и граммов снизили полетный вес «АНТ-20» до 49 тонн. Рассчитанный на 60 пассажиров, он свободно брал 85 человек.

«АНТ-20» продержался в авиации как самый большой в мире из «сухопутных» самолетов до 1951 года. Впрочем, и некоторые другие типы самолетов Туполева подолгу удерживали первенство в своем классе.

В 1936 году на авиационной арене появился пассажирский самолет «АНТ-35». В нем уже явно обозначились черты, возвестившие о приближении новой эры в авиации — скоростной. «АНТ-35» с первого же взгляда подкупал изяществом форм, отбросив далеко назад грубоватые по аэродинамическому облику машины, которые выпускали до того в Советском Союзе и за рубежом.

350 километров в час при двух моторах, 10 пассажиров, дальность полета 1 500 километров — не бог весть что по нормам наших дней. Но двадцать лет назад данные «АНТ-35» воспринимались как ошеломляющее достижение человеческого разума.

«АНТ-35» обнаружил новые резервы скоростей, которые таились в обтекаемости форм и тщательном «зализывании» поверхностей самолета. Пустяк — клепка впотай, но и она прибавляла километры против клепки «шляпками» наружу. Каждый день приносил конструкторам ценные находки в скрытых запасах скоростей.

На подступах к «ТУ-104»

Великая Отечественная война прервала труды коллектива Туполева над машинами для гражданского воздушного флота. Но вот умолк грохот пушек, и советский народ-победитель вернулся к своим мирным делам.

...Однажды на летно-испытательной станции нам показали самолет, предназначенный для перевозки 70 человек на дальние расстояния. Огромный фюзеляж безупречно отточенных линий как бы рвался вперед. Конструкторы предусмотрели для пассажиров все удобства: мягкие кресла с откидными спинками, гардероб, туалетные комнаты с холодной и горячей водой, багажную камеру.

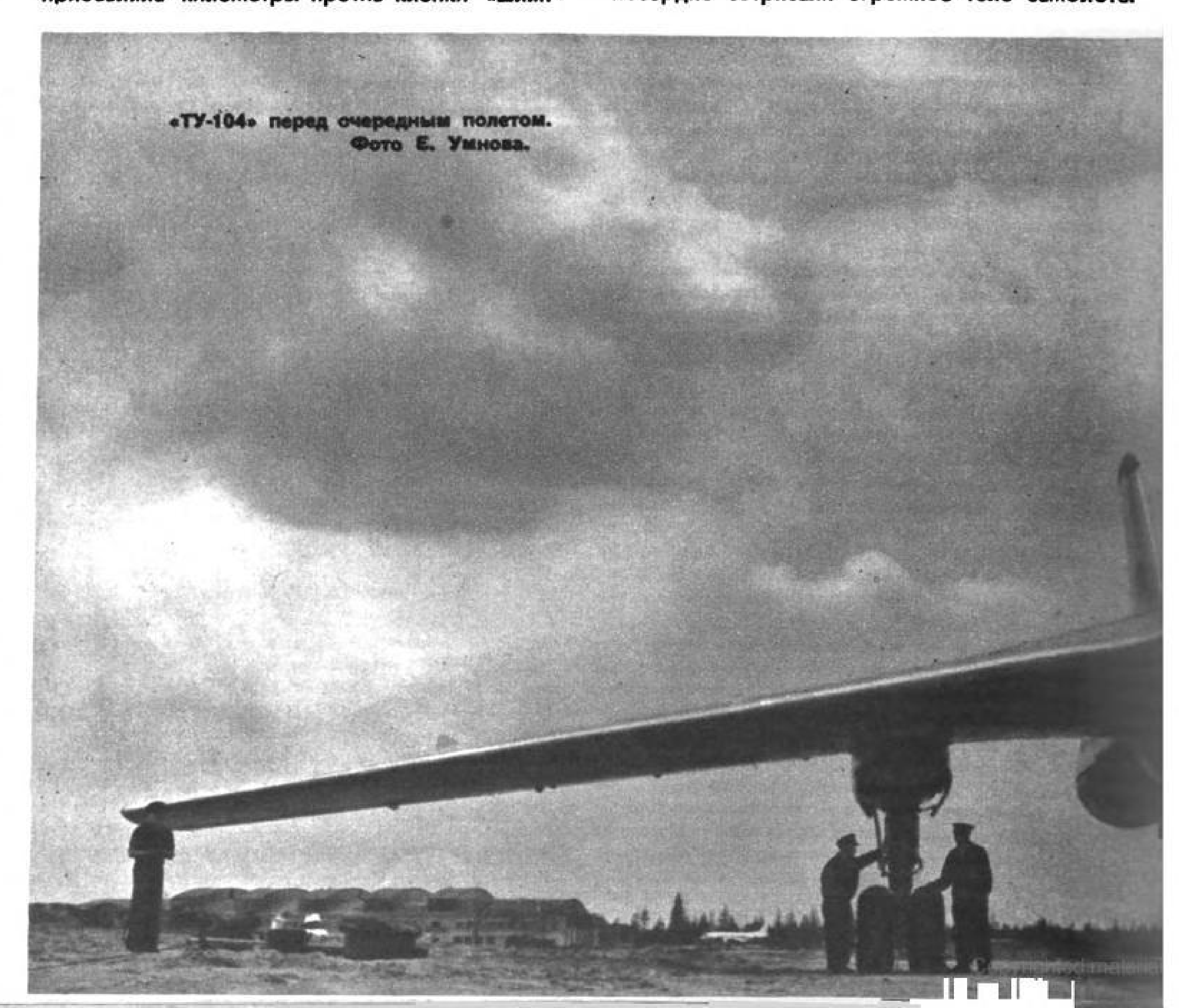
Красавец-самолет приспособлен для работы в любое время года на границе стратосферы, и потому его фюзеляж герметичен. В нем непрерывно поддерживаются нормальное давление и привычная комнатная температура...

— Позвольте! — воскликнет читатель.— Что за новости вы нам рассказываете? Ведь это известный самолет «ТУ-104»...

Ничего подобного! Это был не «ТУ-104», а лишь его прообраз — экспериментальный самолет «ТУ-70» выпуска 1946 года.

На нем стояли 4 поршневых мотора мощностью по 2 200 лошадиных сил. Скорость на высоте 8 000 метров достигала 560 километров в час. Самолет, покрывая без посадки расстояние в 5 000 километров, позволял из Москвы во Владивосток прибыть на вторые сутки.

Эксперимент удался: «ТУ-70» принес ответ на все вопросы, которые ему предъявили. Прочность «ТУ-70» сначала испытали на земле: на него поставили специальные механизмы-вибраторы, и они суток десять подряд немилосердно сотрясали огромное тело самолета.

«ТУ-104» перед очередным полетом.
Фото Е. Умнова.

Другой самолет при таком жестоком испытании богу душу отдал бы... Из него высыпались бы заклепки, но «ТУ» выдержал. Мало того! В его фюзеляж нагнетали под давлением воздух. Другой лопнул бы, как мыльный пузырь, или швы дали бы течь. Но этот выстоял.

Забегая вперед, скажем, что подобный суровый экзамен от начала до конца прошел и «ТУ-104», вновь подтвердив, что советские инженеры и рабочие овладели технологией современного самолетостроения.

Реактивная сила действует

В отечественной и зарубежной печати сказано немало о «ТУ-104», но все же от читателей ускользнули некоторые важные подробности.

Для примера возьмем простой факт: запуск двигателей «ТУ-104». Летчик нажал кнопку. Включился аккумулятор, и остальное последовало само собой, по цепи автоматического действия связанных между собой механизмов. Получив электрический импульс, заработал малый стартер, а затем от него — более сильный. Завертелась турбина, заставив действовать компрессор.

Через входной канал, что виден в передней кромке крыла, компрессор начал всасывать воздух. Мгновенно вспыхнуло пламя в камере, в которой сгорает керосин, подогревая воздух до 850 градусов.

Затем компрессор при помощи сотен лопаток под давлением нагнетает горячий воздух в турбину. Вращение ее лопаток ускоряется до тысяч оборотов в минуту, и воздух со сверхзвуковой скоростью — 500 метров в секунду! — вырывается наружу через реактивное сопло в задней кромке крыла.

Так, собственно, и возникает исполинская тяговая сила: она отрывает самолет от земли, устремляет его в небесные дали.

Для запуска и старта «ТУ-104» требуется всего полторы — две минуты, летом или зимой — безразлично. Какое это облегчение для технического персонала и пилота! Невольно вспоминаешь фронтовые аэродромы в зимнюю стужу, неумолчный рев поршневых моторов, которые непрерывно «гоняли» беззаветные труженики войны — мотористы.

Мы стоим на аэродроме и любуемся маневренностью «ТУ-104» на земле. Он легок и ловок на поворотах, словно автомобиль в руках хорошего шофера.

В чем же «секрет» подвижности «ТУ-104» на земле? Оказывается, пилоту вовсе не нужно для маневров на летном поле сбавлять или усиливать газ попеременно то на одном, то на другом двигателе. Пилот поворачивает самолет в желаемую сторону колесами переднего шасси при помощи рукоятки, которая находится возле сидения.

И еще одну любопытную подробность узнали мы: летчик управляет гигантскими рулями реактивного самолета вручную. Штурвал и хвостовое оперение связаны между собою тягами из дюралевых труб. Туполев считает, что такая система управления проще и надежней, чем принятая в зарубежной авиации. Там на тяжелых машинах летчику помогают ворочать штурвалом так называемые бустеры — особые гидравлические устройства. А если бустер закапризничает, откажет, тогда что? Ведь и самый сильный атлет не повернет штурвал руками без бустера. А для управления штурвалом на «ТУ-104» не требуется феноменов-силачей.

Нашу беседу на аэродроме заглушил рев самолета, уходившего в очередной рейс.

Мы отошли в сторону от горячих воздушных струй, вырывавшихся позади крыльев. Осторожность не лишняя. Реактивная струя, с которой не сравнится самый свирепый ураган, обладает адской силой. Пилотам запрещено летать над городами и селами ниже 200—250 метров, чтобы не вышибить стекла в окнах.

Скупой на похвалы, Туполев от имени своего коллектива, поздравляя конструкторов реактивного двигателя с творческой победой, писал в приветственной телеграмме:

«От всей души мы благодарим вас за этот чудесный двигатель, поздравляем ваш коллектив с блестящим успехом, который мы разделяем вместе с вами.

Твердо надеемся и в дальнейшем успешно сотрудничать вместе с вами в работах на благо великой Родины...»

«Чудесный двигатель» — правдивые слова. Если перевести реактивную тягу двух турбин самолета «ТУ-104» на винтовую, то потребуется 30 поршневых двигателей, каждый мощностью в 2 000 лошадиных сил. Расставить их на крыльях самолета — задача немыслимая. Ведь у «АНТ-26», если помните, при 12 моторах крылья были размахом почти в 100 метров. А при 30 моторах получилась бы нелепая «каракатица», которая едва ползла бы по земле.

Если пересчитать рабочую мощность одной авиационной турбины на киловатты, получим электростанцию, энергии которой хватит для блюминга, рельсобалочного стана и всего остального оборудования прокатного цеха на металлургическом заводе, который Советский Союз строит в Индии.

На новой ступени

Первый поршневой пассажирский самолет «АНТ-2» из «самодельного» дюраля и первый реактивный пассажирский «ТУ-104», построенный из сложных металлических сплавов,— их разделяет целая историческая эпоха, которую преодолела страна в развитии науки и техники. Однако успехи не кружат голову нашим ученым, инженерам, рабочим. Коммунистическая партия неустанно зовет не довольствоваться достигнутым, не ослаблять борьбу за новые достижения.

С упоением трудится коллектив Туполева над созданием пассажирского самолета на 170 пассажиров. Весьма вероятно, будущий «ТУ» поднимет на борт даже 200 человек. Не только по грузоподъемности, но и по дальности беспосадочного полета он превзойдет «ТУ-104».

Советский народ желает победы советским инженерам и рабочим. Он искренне хочет, чтобы смелый проект был как можно лучше и раньше претворен в металл и порадовал нас в ближайшее время возросшей авиационной мощью великой Родины.

Два стихотворения

Лев ХАЛИФ

Впервые

Руки с трудом оторвал
От штурвала.
Раздвинул кабину,
На землю, шатаясь,
Вышел
Взволнованный,
Слегка усталый
Пилот,
Побывавший
Не в небе,
А выше.

Ни ангелом,
Ни богом не был.
В нем просто
Крылатый
Признали
Талант;
Мертвой петлею
Впервые небо
Заарканил юный
Лейтенант.

Рапорт сух
И поздравленья кратки.
Дрожит горизонт,
Напоровшись на рацию.

И на земле
Выходят из палатки
Восходящие
Звезды
Большой
Авиации.

Дорога

Мне эта наука
Давалась не очень.
Я был непутевый,
Я был не путейный,
Я был путевой
Рабочий.

От холода прыгал
Повыше, чем Цельсий.
Смычком молотка
Ударял в струны-рельсы.
И гулкая песня,
Под сталью
Кроясь,
К нам возвращала
Не эхо,
А поезд.

Далекие-близкие
Звездочки встречных,
Милых,
Хороших
Встречных,
Не вечных.

Мы в черствую землю
Врастали по пояс,
Чтобы летел к нам
Безудержный поезд.

Тебя я прошел
И руками потрогал.
Железною песней
Ты стала,
Дорога.

На целую жизнь
Мне отныне полезно
Твоих витаминов
Земное железо.

Йеменские крестьяне на поле.

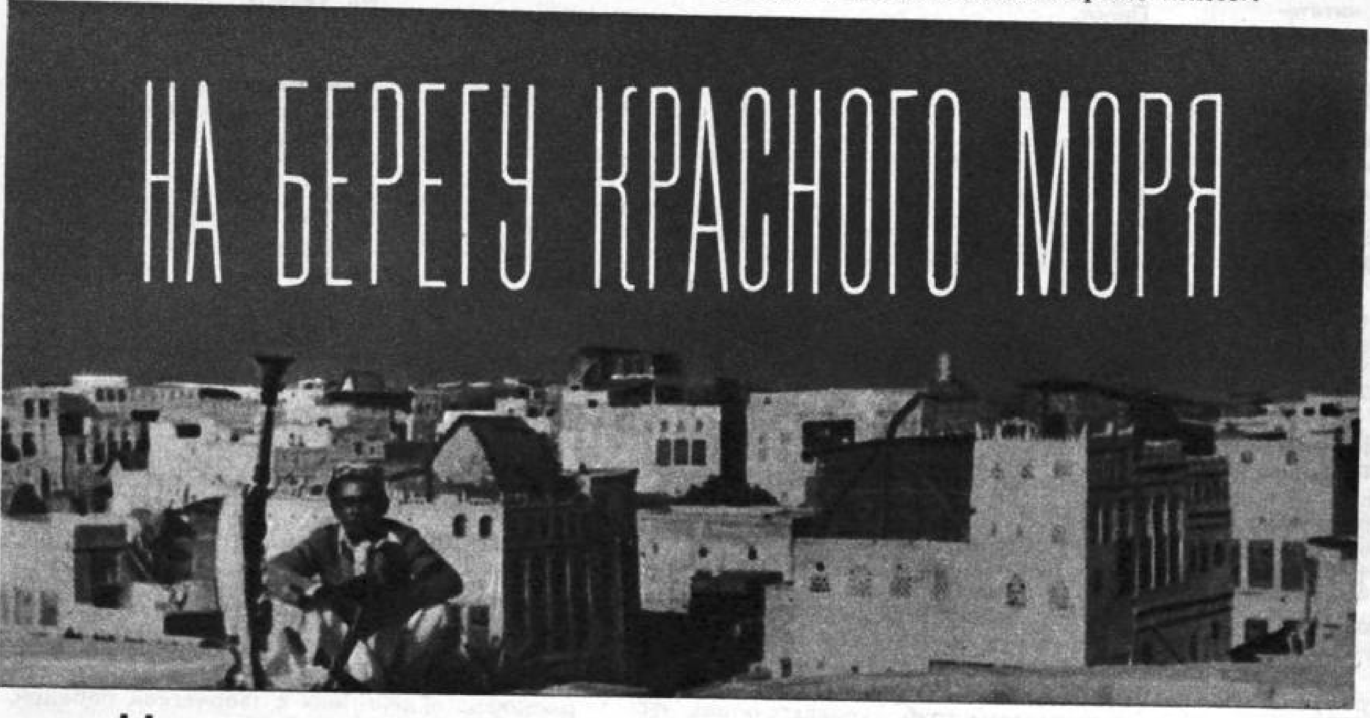

На центральной площади Санаа всегда много детишек. Здесь построено увеселительное «чертово колесо».

Государственный министр, чрезвычайный посланник и полномочный министр Йемена в Египте Ас-Сайед Абдель Рахман Абдель Самад Абу Талеб. Он возглавлял Йеменскую делегацию во время торговых переговоров с представителями СССР, проходивших в Йемене в феврале — марте этого года.

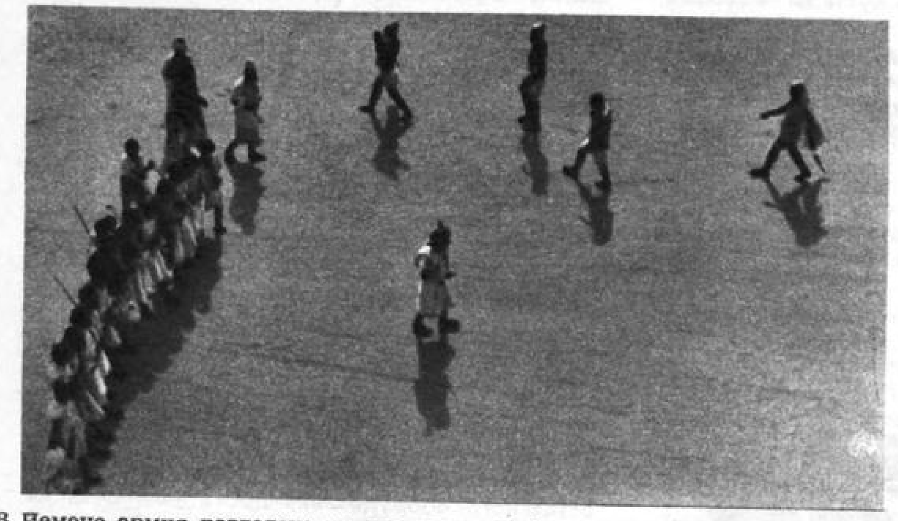
НА БЕРЕГУ КРАСНОГО МОРЯ

← Первый город, который посетили советские люди, был Ходейда — основной порт Йемена. Вот его часть, запечатленная с крыши Дома для гостей. Фотограф побеспокоил здесь йеменца, курившего кальян.

Недавно в Йемене побывал представитель Министерства внешней торговли СССР И. И. Кротов, ведший там торговые переговоры. Мы публикуем снимки, сделанные им во время пребывания в королевстве Йемен.

Целый день по городу разносится мерный скрип: зебу, верблюд и осел ↓ поднимают из глубокого колодца воду.

В Йемене армия разделена на две части: Победоносную, формирующуюся из добровольцев, и Армию обороны, создающуюся в порядке обязательной воинской повинности. На снимке вы видите отряд Победоносной армии.

В порту Ходейды грузят и разгружают прибывающие суда. Суда стоят на рейде километрах в двух от берега, грузы подвозят на парусных лодках — самбуках.

Этот снимок сделан в столице королевства — городе Санаа. Перед нами один из королевских дворцов. Однако король здесь не живет. Постоянная королевская резиденция находится в городе Таизе.

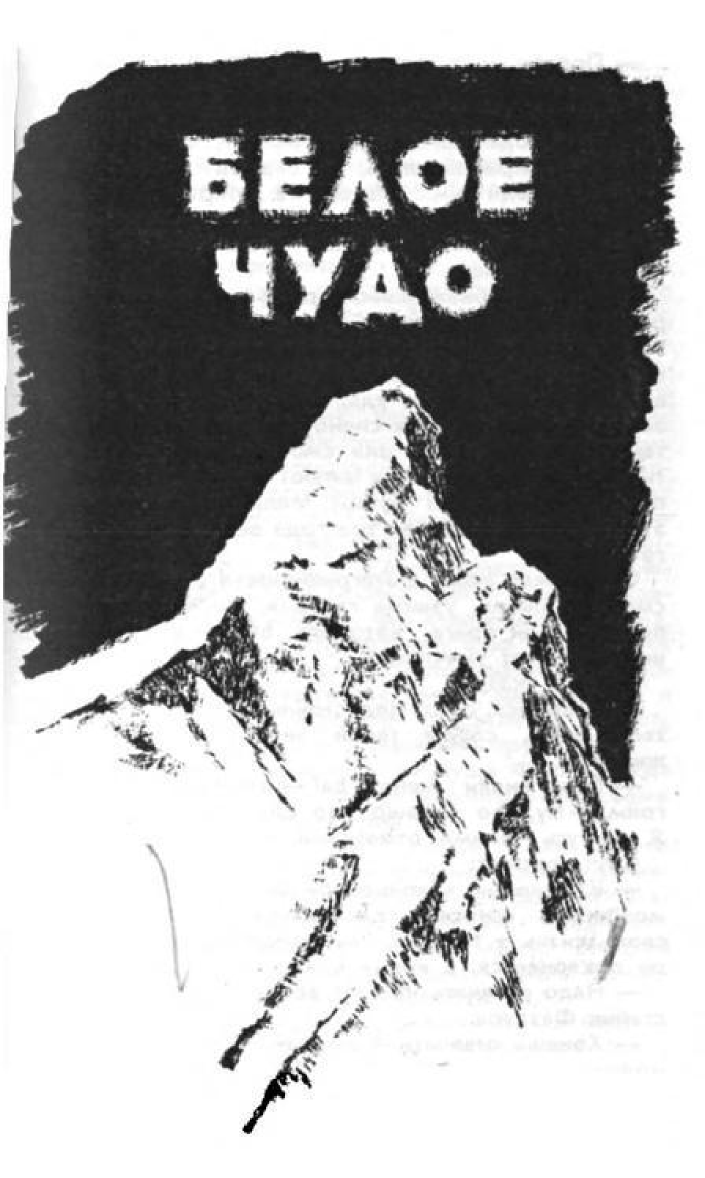
Албания. Рыбачки деревни Нарта в вечерний час идут к источнику за водой.

Фото И. Тункеля.

«Кавказ подо мною».

Фотоэтюд Н. Драчинского.

Повесть

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Если вы хотите снять жизненную сцену для журнала, то вот самая подходящая, — сказал Фазлур.— Для этого стоит остановиться.

— А что там такое? — спросил Фуст, отдавая приказание Умар-Али.

Они вылезли из машины и увидели неподалеку крестьянский двор. Ближе к дороге на железной кровати без матраца сидел, скрестив ноги на веревочной сетке, толстый человек весь в белом. Он был так погружен в свое занятие, что ни остановившаяся машина, ни идущие по дороге пешеходы, ни вереница ослов, везущих дрова, ни всадники, проезжающие мимо, не могли оторвать его толстых темных пальцев от костяшек счетов, от вечного пера, которым он записывал свои подсчеты на длинном листе бумаги.

В его лице была сосредоточенность, гордость, вера в собственную непогрешимость и сознание своей правоты и силы. Его тюрбан был такой белизны, точно с далеких облаков долетел нежный кусочек облачной ваты и обвил его голову. Его туфли стояли под койкой на зеленой траве, и все могли видеть, что это туфли с толстой подошвой, крепкие, новые, такие же полновесные, как их владелец.

За койкой прямо на земле сидел чернобородый крестьянин, и на лице его было написано отчаяние.

— Вот печальное зрелище, — сказал Фазлур, — обычное для наших мест: ростовщик, пришедший за расплатой и подсчитывающий долги. Где-то рядом лежит его палка, оружие пуштуна-ростовщика, которого в народе называют «кабули», и когда он убедится, что не сможет сразу получить долг — а это уже видно по лицу крестьянина,— то он возьмет палку и будет его бить до потери сознания. И будьте спокойны, если не долг, то проценты он выбьет из этого тихого дурня!..

— Но я не буду ждать, пока он кончит свои подсчеты, — сказал Фуст. — А кроме того, такой сцены, дикой и варварской, я не хочу снимать. Не забудь, Фазлур, что я как друг хочу показать Пакистан в своей книге и в журнале.

— Как хотите, — сказал Фазлур, — но если вы ищете характерное, то это очень характерное и очень правдивое. Мне пришлось однажды спасти такого должника, — начал он рассказывать, когда Фуст все-таки сфотографировал эту придорожную сцену и они двинулись дальше. — Вот так же он подсчитывал, и приближался страшный момент, он наступил раньше, чем я успел подъехать на своем муле. Кабули так бил свою жертву, что до меня долетали и удары его палки и хриплые стоны, которые издавал избиваемый. Я сообразил, что, если просто вмешаюсь, из этого ничего хорошего не выйдет. И действительно, когда я подъехал и крестьянин понял, что я заступлюсь, он закричал мне голосом, таким горестным и безвыходным, что и камень бы заплакал. Он закричал: «Не мешайте, добрый сагиб, я чувствую, что злоба его скоро истощится и я освобожусь от его палки, а если вы вступитесь, он будет терзать меня дополнительно, будет бить снова и без конца»

«Дурак! — закричал я.— Неужели ты думаешь, что я буду мешать справедливому действию этой палки на твоей спине и плечах и что для этого я прервал свой путь? Я должен сказать два важных слова доброму Аягляр-хану и прошу его склонить свой слух ко мне».

Ростовщик, видя, что я прямо задыхаюсь от волнения, остановил избиение и ждал. Я сказал: «Я гнал мула, зная, что тебя застану здесь. Я не был бы хорошим человеком, если бы не сказал, что за мной вслед скачет сюда Матин Али и кричит, что он наконец упьется твоей кровью». «Он один?» — спросил, побледнев, Аягляр-хан. «Нет,— воскликнул я,— с ним целый отряд головорезов!»

Сказав, что он мой должник на всю жизнь, Аягляр-хан вскочил на коня и бросился вниз по долине, потому что они были кровники с Матином Али, и если бы тот поймал Аягляр-хана, он бы зарезал его, как овцу. Крестьянин не знал, как благодарить меня, а ведь я выдумал, что кровник гонится по пятам. Но я знал, что они кровники, и действовал наверняка. Тогда я знал почти всех ростовщиков. Теперь их заменили более деловые люди, они бы не поверили в кровника и выпили бы по капле кровь своего должника.

— Ты хитрый, Фазлур! Я это давно заметил! — Фуст посмотрел, не мигая, на Фазлура, но Фазлур оставался совершенно спокойным.

— Мы, горцы, все хитрые. Если бы мы не были хитрыми, нас всех давно бы истребили. Даже когда мусульмане-шииты ездят в Мекку и Медину, никто из них не признается, что он шиит. Он называет себя «шафитом»[1] и так въезжает в святые города.

— Вот ты кстати заговорил о мусульманстве,— добавил Фуст.— Посмотри, такого красочного пилигрима мы давно не видели! Остановимся здесь, чтобы не спугнуть его, я чувствую, что это богатая добыча.— Он показал на холм, где под широкой листвой большого чинара отдыхал, судя по костюму, мусульманский пилигрим.— Мы должны с ним поговорить, Фазлур, и кстати устроим перед Ловарийским подъемом небольшой привал. Но ты иди вперед и предупреди его, что мы хотим с ним поговорить и снять его для журнала, который читает весь мир, его портрет будет известен всему миру. Обязательно скажи это ему, потому что все эти хаджи очень тщеславны и любят поклонение.

Фазлур был зол на это поручение, потому что ему не было никакой радости говорить с фанатиком, который проклянет его и ференги. Но сидевший был так добродушен в своей позе отдыхающего, со своей длинной бородой, давно не подкрашиваемой, так что из красной она стала почти рыжей, и коричневым лицом с глубокими морщинами, с печальными глазами, выглядел так миролюбиво, что Фазлур приветствовал его и сказал, что путешественники, американские ученые, хотят поговорить с ним и поместить его портрет в журнале, который читают во всех странах.

В печальных глазах сидевшего мелькнул какой-то огонек и сейчас же погас. Он сказал, что готов говорить с иностранцами, «хотя мир спустил на их очи покрывало и они ничего не видят». Фазлур вернулся на дорогу и сказал, что, повидимому, этот человек имел дела с иностранцами и готов с ними разговаривать, однако, судя по всему, он фанатик и будет говорить в этом духе.

— Пусть он говорит, что хочет, — сказал Фуст. — Нам все пригодится. И переводи нам, пожалуйста, без сокращений, и даже, если он будет груб, переводи и его грубости.

Они сидели на больших корнях столетнего чинара. Здесь была тень и тишина. На пилигриме, несмотря на полдень, был накинут желто-зеленый плащ, рядом лежала трубка с длиннейшим чубуком и палка темного дерева, небольшой мешок был прислонен к стволу чинара.

— Спроси его, куда он идет. На богомолье?

К этому вопросу Фуста Фазлур не без ядовитости добавил:

— Ты что, идешь на могилу Диваны Шурфахана в Тетте или к Шаху Абдулла Латифу в Бхите или ты держишь путь в Бадшахи Масджид? А может быть, ты хочешь совершить паломничество к самому Джехангиру? — Фазлур называл почитаемые мусульманами места в Свате и в Лахоре, места, куда обычно держат путь паломники, но называл их подряд, несколько пренебрежительно, так как знал, что для подобных пилигримов все равно, куда идти. Лишь бы знать, что они идут в святое место.

Рыжая борода, видя, что иностранцы даже не приветствовали его, произнес с большим достоинством слова корана:

— «Разве не из капли воды негодной создали мы вас? Чего же они гордятся?»

— Они гордятся потому, что считают нас ниже себя, — сказал Фазлур, которому ответ старика понравился. — Мы не помешали тебе есть и пить?..

— Бык насыщается медленнее воробья, — старик лукаво усмехнулся,— я уже насытился и слушаю тебя. Кто это с тобой — англичане?

— Нет, они приехали издалека, из Америки...

— Из Америки? — повторил, не удивившись, старик.— Да, я слыхал, есть такая большая, богатая страна.

Фазлур перевел, и Фуст обрадовался: это не такой глупец, как кажется. Тут старик сам спросил Фазлура, бесцеремонно рассматривая его походный сюртук и штаны:

— А ты идешь проповедовать Али-Аллаи?

Это была насмешка правоверного суннита над исмаилитом, так как в Фазлуре он сразу узнал читральца по произношению.

С тех пор, как в исламе появилась новая секта исмаилитов и раздробилась на множество мелких сект,— а это было тысячу лет назад,— всех исмаилитов без различия называли «Али-Аллаи». В долине Читрала, где родился Фазлур, можно встретить сколько угодно исмаилитов, к которым мусульмане-сунниты относились в старину враждебно, а сегодня относятся вполне мирно, но подчеркивая собственное превосходство.

— Если бы я даже был шиитом, — сказал Фазлур,— то разве я сказал бы перед тобой после молитвы «Аллиун Вели-уллах» — возвышенный Аллахом? Что ты насмехаешься надо мной?

Фазлур знал, что шиит, кончая молитву, дол-

[1] Шафит — шиит-паломник, признающий формально учение одного из четырех известных суннитских богословов Шафи.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25.

жен повторить имя Магомета, обязательно добавив «Аллиун Вели-уллах» (этой добавки в коране нет), знал, что суннит-фанатик выхватывает нож при этих словах, но пилигрим устало вздохнул и сказал:

— Суннит молится при восходе солнца, во время обеда, перед закатом, при закате и через два часа после заката. Ты видишь, я знаю, что отличает истинного мусульманина, а шиит молится только три раза, а сколько раз в день молишься ты, чтобы я знал, кто ты, остановившийся на дороге и расспрашивающий меня?

— Если хочешь знать, то мои родные исповедуют того же бога, что до них исповедовали Авраам, Моисей, Магомет и Исмаил.

— Ах, ты все-таки Али-Аллаи! — сказал, победоносно огладив бороду, пилигрим.

— Я не договорил,— продолжал Фазлур.— И не принимай меня за человека, желающего вступить с тобой в религиозный спор. Если уж Исмаил говорил, что каждый человек должен стремиться улучшить свою жизнь на земле, достичь счастья и иметь радость, то я иду дальше и хочу содействовать тому, чтобы людям действительно жилось хорошо. И не принимай меня ни за фанатика, ни за дурака. Я вижу, что ты достойный собеседник. Но скажи, что я должен передать этому человеку из Америки, который снимает тебя со всех сторон...

— Скажи ему, что я пилигрим, который находится в пути уже много лет...

Фазлур перевел. Фуст был очень заинтересован.

— Кто он? Спроси, кто он?

— Я, — сказал пилигрим, — сын этих гор! — Он обвел пространство рукой, как будто благословляя эти горные просторы. — Я бывший заминдар.

Услышав, что старик бывший заминдар, Фуст даже привстал. Ему пришла в голову неожиданная мысль:

— Бывший заминдар, — это великолепно! Его разорили красные? Крестьяне отобрали его имение? Удивительно! Нам просто повезло. Скажи, что мы выражаем ему сочувствие.

Фазлур перевел старику эти слова, и удивление отразилось на лице пилигрима, затем он слегка поднял руку и сказал:

— Я не помещик, я самый простой крестьянин. Это в Индии заминдарами зовут богатых землевладельцев, а у нас в горах богатые — это ханы и малики, а крестьяне — это заминдары. Я разорившийся крестьянин. Я хамсайя, ты знаешь, кто это?

— Да, я знаю, что «хамсайя» называет себя пуштун, который обнищал, ничего не имеет и просит покровительства богатого человека — наика...

— Да, он как нищий. Я отдал себя под покровительство наика. Мой наик — человек хороший, меня не обижает, но я все хожу. Я должен менять места, но мое странствие не без смысла. Я борюсь...

— С чем же он борется? — спросил, насторожившись, Гифт.— Если он не пилигрим, то он агитатор. За что он агитирует, спроси его...

— Я странствую ради земли и правды, — сказал старик, — я бился за землю в Дире, когда там подняли восстание, и в Малаканде, и в Баджауре, в другом году я сражался за землю в княжестве Пульра в округе Хазара. Если ты не веришь, то я могу показать...

— Прости меня, отец,— сказал Фазлур,— за мои ранее сказанные поспешные слова. Я не знал, что ты старый воин, борец за народ.

Старик подозвал жестом Гифта и Фуста, и когда они приблизились, он сказал:

— Переведи им... Разве не открыли мы сердца своего? А чем вы ответили нам?

Он сбросил желто-зеленый плащ и спустил рубаху до пояса.

— Как, ты обнажаешься при ференги! — сорвалось невольно с губ Фазлура.

— Пусть смотрят, — сказал старик. — Вот пуля ударила сюда, видите ее след, — это Дир; вот шрам, смотри, от удара саблей, — это Хазара.— Он повернулся спиной.— Вот след плетей Баджаура. Пусть они смотрят, пусть, как ты говоришь, их журнал читают во всем мире, пусть снимают! Вот рубцы Малаканда, а вот эти рубцы я заработал три года назад в округе Мардан.

Фуст, сжав зубы, фотографировал его. Гифт смотрел злыми, узкими глазами, точно видел перед собой врага, которого обстоятельства не позволяют уничтожить.

Фазлур сказал:

— Закройся, отец. Недостойны они смотреть твои раны, следы твоей чистой, большой жизни...

— Они сняли меня, да? — ответил пилигрим. — Ну, это хорошо, что они сняли меня. Я горжусь своими отметками, как медалями!

Фуст спросил:

— Кто же он, в конце концов, этот чертов мошенник, который, повидимому, проводил свою жизнь в тюрьме, как бродяга? Кому же он поклоняется, в конце концов?

— Надо отвечать на этот вопрос? — спросил старик Фазлура.

— Хочешь отвечать — отвечай, не хочешь — молчи.

— Нет, скажи ему так: я поклоняюсь земле, ищу правду. И скажи ему еще, что я воин, готовый к бою.

— Он красный? — сказал Гифт.

— Ты красный? — повторил Фазлур.

— Это спрашивает уже другой? Скажи, что я был членом Кисан-джирги, если он понимает, что это такое, боролся против помещиков. Но в красных рубашках я не был. Старая пословица юсуфзаев Свата говорит: если сильный имеет достаточно силы, то земля переходит к нему. Мы не имели достаточно силы и вот копим ее. Я хожу, чтобы видеть своими глазами, как она копится.

Фазлур перевел только часть того, что ему рассказывал пилигрим.

— Спроси его еще, как он относится к Советскому Союзу и кого он оттуда видел последний раз.

Вопрос был провокационный, и Гифт даже наклонился вперед, чтобы слышать лучше ответ, хотя он и не понимал языка. Но ему была важна интонация.

Старик ответил спокойно, что он никогда в жизни не видел советского человека. А к Советскому Союзу относится хорошо. Страна, где у людей есть земля и нет помещиков, уже хорошая страна.

— Он коммунист? — спросил холодно Фуст.

Пилигрим ответил:

— Если коммунисты те, кто хочет дать народу землю, то я коммунист.

— Хорош пилигрим! — воскликнул Фуст.— Хватит этой пропаганды, поехали!

Так как они ушли, не поблагодарив старика за беседу и не простившись, то Фазлур, довольный происшедшим, сам приветствовал пилигрима и расстался с ним очень сердечно. Старик проводил его до тропинки, которая вела вниз к дороге, и, прощаясь, поднял руку:

— Они забыли, что сказано: «Берегись оттолкнуть нищего». И еще сказано: «Будешь ты кусать тыл руки своей». Это про них. А я, что я, я пережил много бедствий. Я потерял семью, друзей. Я похож на деревянную чашку. Сколько ни бей ею об землю, она не разбивается. Вот это — все мое, — сказал он, как бы обнимая дорогу, горы и небо. — Это — все мое. Этого от меня никто не отнимет. Он правильно понял, этот ференги, что я помещик, заминдар. Да, я богат, как и ты, великодушный друг. — Лицо его сморщилось в улыбку. — Эх, ты, Али-Аллаи, ничего, я не смеюсь!

— Так сунниты молятся пять раз в день, а шииты три? — спросил, улыбаясь, Фазлур. — Я благословляю тот час, что встретил тебя.

— Я тоже, — сказал пилигрим. — Приходи

еще в эти края, и жизнь снова столкнет нас. Жизнь — мудрый и справедливый хозяин пути.

Когда пилигрим остался далеко позади, Фуст и Гифт засыпали Фазлура вопросами: что такое хамсайя и что такое Кисан-джирга, что он думает о старике, и не советский ли это агент, пришедший через Вахан?

Фазлур, посмеявшись про себя тревоге, которую они сами же вызвали, разъяснил, что старик — пуштун, местный житель, который, потерпев гонения, потеряв семью, разорившись, может по закону племени просить особого покровительства у человека, имеющего авторитет. Таких лиц зовут наиками. Так как старик явно нищенствует и горд при этом, он принял вид странствующего пилигрима, потому что — это обычай — пилигримам дают еду и приют и относятся к ним с уважением. Кисан-джирга — в год раздела Индии крестьянская организация в Северозападной провинции, крестьянские союзы, требовавшие раздела земли. Но многое, что старик рассказывал, относится не к сегодняшнему дню, а было чуть не двадцать лет назад. За последние годы помещики сами сгоняют с земли арендаторов и батраков, и положение крестьян в Хазаре, Мардане, в Свате и Дире очень трудное.

Эти ответы пришлись по душе Фусту. Когда они с Гифтом шли сзади машины на подъеме к перевалу, Гифт сказал:

— Я думал сначала, что ваши снимки можно бросить в канаву, но мне пришла в голову неожиданная мысль, вы должны ее оценить: старика надо поместить в журнале с подписью, что это мусульманский пилигрим, ставший жертвой красных. Его рубцы и раны свидетельствуют о перенесенных пытках.

— Я думаю тоже об этом,— сказал Фуст,— и ваше предложение меня устраивает. Но у меня есть еще другие соображения, о которых я вам скажу позже.

Они остановились, невольно залюбовавшись широким простором, открывавшимся с Ловарийского перевала. Внизу темнела долина Читрала, над ней, над почти голубыми утренними предгорьями, на которых уже лежали тени облаков, подымались многоярусные снежные глыбы Гиндукуша, и среди них выделялась своими необъятными ледяными стенами одна вершина, которая была, казалось, сложена из отвесных каменных и ледяных плит. Черные пятна обнаженных скал говорили об этой отвесности даже на таком большом расстоянии.

— Это Тирадьж-мир! — сказал Фазлур.— Никто еще не победил этого великана.

Фазлур не мог предвидеть, что спустя небольшое время отважные норвежские альпинисты первыми взойдут на эту неприступную вершину.

Дальше в легком тумане вставал Сад-иштраг, и дрожащая дымка мешала рассмотреть его.

В этот же день начался Читрал. Фазлур изменился. Ощущение родных мест, где каждый шаг был ему знаком; вид Кунара, катившего свои мутные воды, так как наверху, в горах, шли дожди; чистый, прозрачный воздух — все это наполняло грудь Фазлура сознанием, что он дома.

Пусть этот край был беден и селения с квадратными глиняными домами или деревянными маленькими рублеными избушками, стоявшими на узкой площадке на склоне горы или внизу у реки, говорили о скромной, трудолюбивой жизни; пусть просто одетые люди, расчищавшие арыки или ходившие за сохой, могли угостить только хлебом и молоком; пусть не пышные леса встречались на пути в этих долинах, а горный тополь, береза и верба или старый орех стояли над обычной горной рекой,— но это был его мир, полный для него такой отрады, такой радости, что он чуть не выпрыгнул из машины, чтобы почувствовать ногами каменистую, сухую любимую землю.

Над долиной со всех сторон стояли горы. Она была коридором, уводившим в самое сердце хребтов и высоких вершин. Несмотря на дикую суровость пейзажа, все в долине, начиная с уютных садов, где росли яблони, абрикосовые деревья и туты, до тщательно возделанных маленьких полей и аккуратно сложенных из камней оград, говорило о том, что здесь любят тяжелый и благодарный труд, с незапамятных времен украшая эту долину садами и полями, на которых научились выращивать пшеницу, горох, ячмень и бобы.

Фазлур знал, что долину населяют крестьяне, полные суеверий, спокойные и мягкие в жизни, выносливые, неутомимые в работе. Еще недавно мужчины и женщины любили носить разные талисманы, подвешенные к шляпе или пришитые к платью, еще недавно вдова умершего мужа выходила за его брата, как требовал обычай.

Фазлуру хотелось рассказать Фусту и Гифту как можно больше о своем родном крае, о людях, которые тоже хотят жить другой, лучшей жизнью. Фазлур теперь знал, что его спутники совсем не потому избрали этот маршрут, чтобы как ученые видеть и записывать жизнь народа. Все это выдумка, все это ложь! Он знал, что им не нужны ни горы, ни песни, ни встречи. Они служат другому и хотят другого, и все же он рассказывал им о Читрале и не мог удержаться, чтобы не рассказывать. Он говорил, захлебываясь:

— Мы будем строить школы, много школ. Мы будем иметь высшие и низшие учебные заведения. Мы уже начали строить их. Мы имеем в Читрале марганец, медь, мышьяк, свинец, сурьму. Все эти богатства скоро будут разрабатываться. А какой талантливый народ читральцы! Вы посмотрите их танцы, послушайте, как они поют!..

— Мы уже слышали,— сказал Фуст,— мне нравится.

— Где вы слышали?

— Ты же пел нам воинственную, очень красивую песню. Я записал ее.

— А! — сказал Фазлур.— Разве я пою? Наши девушки поют, вот это поют! У них длинные, мягкие, такие волнистые волосы и такие, как ночь, глаза.

— Говорят, около Тирадьж-мира есть озеро, окруженное утесами из белого мрамора? — спросил Гифт.

— Есть и озеро, и не одно озеро, есть и мраморные скалы. Все есть,— сказал Фазлур, продолжая расхваливать родную долину.

День прошел в дороге незаметно, и они подумали о ночлеге, когда горы уже потемнели и свежий ветер пронесся из глубины ущелий. Они были уже в неширокой части долины, перед началом узкого ущелья, и ламбадар — староста деревни — оказал им гостеприимство. Он пригласил их в свой дом, отвел комнату, где даже стояли походные кровати, накормил их отличным пловом и охотно отвечал на все вопросы.

Фуст и Гифт лежали на складных кроватях, отдыхали и курили. Фазлур ушел в селение. Его окликнули. Он оглянулся. Его звали, ему кричали из небольшого дома, в саду которого сидело несколько человек. Перешагнув за ограду, Фазлур радостно удивился:

— Я вижу старого охотника! О, как я рад тебя приветствовать, Селим Мадад! Что привело тебя в наши края?

— Слыхал я, брат, что какие-то иностранцы собираются на Тирадьж-мир. А может быть, на Белое Чудо? А я здесь ходил с одной экспедицией, и она кончилась. Люди поехали в Лахор, а я вот остался. Может быть, понадобятся люди из Хунзы? Мы ходим по горам ты знаешь как... А что делаешь ты?

— Я только что приехал с равнины. Со мной два американца, которые хотят прогуляться к перевалу Барогиль, а может быть, тоже попробовать Тирадьж-мир. У них есть и ледорубы, и веревки, и теплое белье. Я не знаю их планов, но слышал об этом.

Старый охотник нахмурился. Он даже сдвинул на затылок мягкую круглую горскую шляпу. Его исполосованное горным ветром лицо было цвета красного металла, глубокие морщины лежали на лбу, и темная борода покрывала только подбородок. Его всегда прищуренные — привычка больших высот — глаза смотрели, как глаза ястреба, усы были подстрижены. На нем была темная в синюю и белую клетку рубашка с воротом на молнии, альпийские толстые штаны и горные ботинки с тригонями.

— Я видел их сегодня обоих, когда они гуляли по берегу. Я знаю их. Зачем ты идешь с этим страшным волком в образе человека?

— Кто это? Фуст? — спросил Фазлур, которому сразу стало не по себе.— Откуда ты его знаешь?

— Я ходил с ним на Белое Чудо. Но пускай отсохнут мои ноги и руки, если я когда-нибудь еще пойду с ним.

— Я знаю, что там случилось какое-то несчастье...— сказал Фазлур.

Охотник взволнованно растирал песок своим громадным ботинком с тяжелыми набивками.

— Там было убийство, и я тебе расскажу, чтобы ты знал. Они пришли через Гилгит в Хунзу и взяли носильщиков. Просили меня. Я пошел. Там на высоте начались метели. Фуст возвращался в нижний лагерь. Струсил в метель и, чтобы уйти быстрее самому, отвязался от носильщиков и бросил их. Они блуждали в снегах одни. Мы пошли спасать носильщиков. Они чуть не погибли. На другой день я выхожу из палатки. Они сидят такие, как будто у них все в семье умерли. У кого завязана рука, у кого обе ноги в бинтах, у кого руки и ноги. Оттого они и сидят такие. Посмотрят на свои ноги и руки и еще больше мрачнеют. Отморозили. Ночевали без палатки, без спальных мешков. Разве так люди делают? Слушай, я много ходил по горам, но тут было особое дело. Слушай дальше: мы начали ставить лагерь за лагерем, чтобы идти вверх. И так шли до восьмого лагеря. Ты знаешь, какие силы нужно иметь там, наверху. Один я нес груз до вось-

мого лагеря, и с нами был Найт, хороший человек, простой, добрый. Он уже не мог идти вперед. Мы забрали продукты и пошли выше. Трудно идти, очень трудно идти. Ничего не выходит. Продукты кончились. Спускаемся в восьмой лагерь. Опять берем продукты, опять идем вверх. Буря. Занесло выше головы. Отлеживаемся. Опять вышла вся еда. Спускаемся к Найту. А он лежит и не может встать. Мы его спустили в седьмой лагерь, а здесь ни еды, ни спальных мешков. Он не мог спускаться больше. Мы его оставили в седьмом лагере. Фуст спустился со мной в шестой лагерь, а там никого. Он пуст, и все лагери тоже пусты. Одни носильщики, и еще человек с усами, и еще один, а больше никого. Все ушли. Куда? В Китай. «Как в Китай?» — скажешь ты. Я тоже тебе скажу. Шли на гору, а ушли в Китай. Я ничего не понимаю. А тот там, наверху, начал кричать.

Я иду к Фусту, он лежит у палатки, лицом вниз. Я на всю жизнь запомню это. Он лежит, закрыв лицо руками, в толстой своей штормовой куртке, в зеленых штанах, лежит прямо на камнях и не шевелится. Я ему говорю: «Он кричит. Послушайте, как он кричит». Он сел на камнях, смотрит на меня бессмысленными глазами. Я говорю: «Послушайте, как кричит человек. Это Найт, надо его спасать». А он лязгнул зубами и сказал: «Не надо туда ходить, не смей, так ему и надо».

Я не понял, что он хотел сказать, но идут носильщики. Вид у них страшный, очки на лбу, глаза слезятся, лица, как у мертвецов. Говорят, надо идти спасать. Будет буря, и он погибнет. «Он кричит,— говорят они,— слышите, как он кричит!» Мы пошли к Фусту. «Вот носильщики хотят идти спасать. Надо бы и всем другим его спасать. Что же вы лежите?»

Он вскочил и схватил ледоруб и чуть не ударил нас ледорубом, но сжался как-то и говорит: «Если хотите — идите. Я с вами не пойду. Пусть он там подыхает. Так ему и надо».

А тот так кричал, что мы не могли слушать. И носильщики ушли спасать. Мне они сказали: «Ты не уходи, а то и нас бросят наверху». Я еще видел в бинокль, как они карабкались по обледенелым скалам. И потом пришла темнота, пришла буря. Наши палатки завалило доверху. Утром всюду чистый, новый снег и тишина, знаешь какая. Ни одного крика. Никто не вернулся. Теперь слушай, этот волк хотел загрызть того, Найта, но внизу побоялся, загрыз наверху.

— А зачем они ушли в Китай? — спросил один из сидевших крестьян.

— У них были другие дела,— сказал Селим Мадад,— и мы все рисковали жизнью неизвестно за что. Я едва уцелел. Слушай, если бы мы все пошли, как это делают люди, мы бы спасли его. Но у наших людей не было ничего, кроме ледорубов и желания придти на помощь. Того бросили нарочно. Это мне стало ясно, когда мы спустились, и всем стало известно, что люди погибли. «Дураки,— сказал он, этот Фуст,— никто не гнал их туда. Они пошли сами и вот получили». Скажи мне теперь, что это за человек. А он все написал по-другому в книге. Мне рассказывали, что он все написал не так. Он волк. Зачем ты идешь с ним? Куда они идут?

Фазлур хотел сказать: они идут выручать тех, кто тогда ушел в Китай, а сейчас бежит из Китая, но удержался и повторил, что они хотят только сделать небольшую прогулку, пройти по горам и выйти перевалом Дора к Тирадьж-миру и посмотреть на него...

— Смотри, Фазлур, я не верю, что они не имеют других дел, получится, как тогда. Шакалы идут всегда на падаль, эти люди, как шакалы, чувствуют, где гниет. Будь осторожен. Что ты смеешься?

— Я смеюсь потому, что перед отъездом мне эти самые слова сказала одна женщина в Лахоре...

— А теперь это тебе говорит мужчина. Если двое, не сговариваясь, говорят одно и то же, надо верить им.

— Вы хотите ехать до Барогиля на машине,— сказал один из собеседников,— это не удастся. Река начинает разливаться. В горах обвалы и дожди. Не знаю, как вообще вы проберетесь.

— Вы еще сможете пробраться,— сказал другой крестьянин,— но машина не пройдет никак. Мы ждем большого наводнения. Надо собирать караван, если хотите идти на Барогиль. Он еще весь в снегу. Вам туда не проехать.

— Вы думаете, что пора оставлять машину? — спросил Фазлур.

— Еще немного, завтра вы еще сможете проехать, но дальше это будет невозможно. Вы сами убедитесь.

Они сидели дотемна. Фазлур рассказывал о Лахоре, охотник — о своем путешествии по ущелью Сакиз-джары, местные жители делились разными новостями, главная из них была ожидание наводнения, которое в это время года всегда затопляет верховья реки.

— Еще раз говорю тебе,— сказал старый охотник,— брось его! Если бы я знал, что он человек, я убил бы его из своего охотничьего ружья, но так как он волк-оборотень, я боюсь иметь дело со злыми духами,— добавил Селим Мадад, прощаясь с Фазлуром.

Фазлур встретил Фуста на тропинке. Он возвращался с прогулки. Когда Фазлур сказал ему о слышанном от местных людей, что река с каждым днем все более становится мутной — первый признак дождей наверху и будущего наводнения — и что это сигнал большой опасности, Фуст, выслушав, остановился перед Фазлуром, испытующе посмотрел на него и сказал:

— Ты веришь всей этой болтовне?

— Верю, не могу не верить. Так бывает каждый год.

— Что ты предлагаешь?

— Оставить машину, отправить ее в Лахор. Надо делать караван, собирать носильщиков, проводников.

Фуст усмехнулся:

— Ты поешь лучше, чем говоришь. Я сам все знаю. Мы будем продолжать путь. Мои сведения точнее. Но теперь я хочу поговорить с тобой. Ты дошел до своих мест. Ты был хорошим проводником, и кое-что из твоих рассказов я даже записал. Я простил твое своеволие, которое ты проявил несколько раз в дороге. Об этом не будем говорить. Я предлагаю тебе продолжать с нами путь дальше.

— Куда? — спросил Фазлур.

Он не хотел показать, что начинает волноваться.

— Мы пойдем через перевал Барогиль, немного постранствуем по горам Вахана для тренировки и через перевал Дора вернемся в твои места, к Тирадьж-миру. Мы обеспечим тебя теплой одеждой и сговоримся о плате. Ты будешь помогать нашему маленькому каравану. Будешь помогать в охоте и в горах. Эта прогулка не займет много времени.

— Я согласен,— сказал Фазлур,— мне не к спеху возвращаться домой. Я отсюда извещу своих, и все будет в порядке. Хорошо. Я пойду с вами.

Фуст сказал Гифту этим же вечером:

— Дитя природы у нас в руках. Фазлур согласился идти с нами в горы. Теперь мне ясно все...

— Что все? — спросил Гифт.— Все, о чем я вам говорил?

— Возможно,— сказал Фуст заговорщицким тоном.

Когда наступил вечер и под луной в холодном воздухе появились белые осколки звезд и замерцали дальние снега, а деревья стали тихими и черными, ламбадар устроил по просьбе Фуста танцы. Танцевали крестьяне — погонщики ослов, пришедшие из Кали и Дроша. Они ходили по кругу, и в их танце было что-то женственное, отсутствовала та страстная воинственность, какой полон танец сабель у белуджей или афганский военный танец. Поэтому, поглядев немного, Фуст сказал, чтобы они спели. Они пели грустные, лирические песни, которые не доставили ему тоже особого удовольствия, и он сказал Фазлуру:

— Спой ты. Покажи им, как поет настоящий горец. Может быть, они проснутся тогда. Спой что-нибудь дикое, такое воинственное, как будто идет война со всем миром.

Фазлур усмехнулся. Он пел на этот раз песню, которую, повидимому, никто не знал, потому что ее слушали с удовольствием и причмокивали от удовольствия, но никто не подпевал.

Мы не те, что живут в золотых дворцах,
Наше знамя теперь во всех мира концах,
Наше знамя в наших руках!

И ни голод, ни мор не могли нас убить,
Потому что нам нужно трудиться и жить,
Наше знамя в наших руках!

Мы на сговор с врагом никогда не пойдем,
Небеса задрожат, когда мы запоем:
Наше знамя в наших руках!

И мы мира хотим для любой страны,
Все мы мира хотим, не хотим войны,—
Наше знамя в наших руках!

Что нам пушки захватчиков чёрной орды,
Мы смеемся над смертью, сплотив ряды,
Наше знамя в наших руках!

Он кончил и под шум восклицаний сказал:

— Больше петь не буду.

Фуст не знал, о чем он спел, но мужественные слова далеко были слышны в вечерней тишине долины. Фазлур перевел так, что это военная песня, тоже старая, о людях, которые боролись с угнетателями.

— Опять с англичанами? — спросил Фуст.

Фазлур сказал:

— Нет, вообще с угнетателями.

И, сказав, растворился во тьме. Но его остановил полицейский сержант. Он считал своим долгом присутствовать на этом случайном вечере. Тронув свои длинные тараканьи усы, острия которых устремились к небу, он взял за локоть Фазлура и спросил:

— Это что за песню ты спел? Я такой не слышал еще...

— Она не дошла до этих мест,— сказал небрежно Фазлур,— в Лахоре ее поют уже. Народ поет...

И он ушел. Ламбадар, человек с большим носом, в легком суконном пиджачке, в рубашке навыпуск, с умными и внимательными глазками, сказал Фусту:

— Он перевел вам песню неправильно. Он пел не о войне, а о мире.

И он рассказал истинное содержание песни. Фусту и Гифту это содержание вовсе не понравилось.

— Где он? — спросил Фуст.

— Он ушел,— ответил голос Умар-Али из темноты от дома.

— А кто он, в конце концов? — спросил Фуст.

— А разве вы не знаете? — удивился ламбадар.— Он же приехал с вами!

— Мы знаем, что он сын богатого землевладельца, управляющего имением богача. Его отец иногда из особого уважения сопровождает знатных гостей на охоту в горы как знаток гор.

Ламбадар и полицейский сержант захохотали, как дети.

— Он — сын богача! — сказал, отдышавшись, ламбадар.— Так можно насмешить насмерть. Богатый землевладелец, знатные гости, старик-знаток, охо-охо, можно ли так смешить! Он сын нищего. Его отец — охотник, нищий. Кто его не знает? А он, Фазлур, студент. Он сочиняет всякие песенки, очень такие политически острые, да, нехорошие песенки. Власти не бо-

ится, людей тоже. С ним связываться — время терять. Вы же видите, какой вздор он вам наболтал. Я не удивлюсь, если в конце концов окажется, что он коммунист...

— Так,— Фуст почесал бровь и взглянул серьезно на Гифта, мрачно затаившегося за спиной ламбадара,— но это ничего, он славный парень. Мы хотим его взять в горы с собой.

— Не советую вам,— сказал ламбадар.— Вы наши гости, а он человек, прямо сказать, опасный политически. С ним в горах могут быть серьезные неприятности.

Фуст вдруг оживился, точно ему сказали что-то очень его устраивающее.

— Но мы люди храбрые,— сказал он.

— Смотрите,— ламбадар погрозил пальцем в темноту,— будьте настороже. Я бы вас все-таки с ним не пустил. Но вам виднее. Я сказал...

— Вы не можете представить себе, как вы обязали меня вашим разъяснением...— произнес торжественно, как тост, Фуст.

— И я хочу сказать,— добавил полицейский сержант,— вот ведь эта песенка: так посмотреть — как будто в ней ничего нет. А что такое «Наше знамя в наших руках»? Какое знамя? Если наше — пакистанское, это хорошо, но почему мы против войны, не понимаю. Значит, нехорошо. Мы не боимся никого — хорошо, но почему во всех концах мира это знамя, непонятно. А что плохого жить в золотом дворце, но он поет так, что эта песенка, выходит, против богатых людей. Видите, сколько в одной песенке смутного и, я бы сказал, революционного! Мне, пожалуй, надо это записать. А вы хотите с ним в горы идти. Да его нужно было давно запрятать куда-нибудь подальше...

— А вы не можете сделать это здесь? — спросил Гифт совершенно неожиданно.

— Я? — Полицейский сержант немного смутился.— Да ведь что же я с ним буду делать? Он ничего такого особенного не говорил. Я, конечно, это запишу для памяти. Вот если бы в Лахоре решили — это другое дело. А мое дело — вас предупредить, чтобы вы опасались.

— Ага, я понимаю вас,— сказал Гифт,— этого недостаточно для ареста.

— Да, да, вы меня совершенно правильно поняли.— Полицейский сержант поправил ремень своего охотничьего ружья, перекинутого через плечо.

— Ну-с, Гифт,— сказал Фуст, когда они остались одни в комнате,— дело проясняется с каждым днем! Мне понравились слова ламбадара о том, что с Фазлуром в горах могут быть серьезные неприятности. И они будут, правда, Гифт? Вы согласны, что они будут, что они не могут не быть?

— Мы в опасности,— Гифт даже почесал свои усики,— и это реальная опасность. И мы попали в нее благодаря вам, Фуст...

— Благодаря мне?.. Я не понимаю вас...

— Вы упрекали меня за мою неосмотрительность с Гью-Лэмом. Но то были пустяки в сравнении с вашей неосмотрительностью. Вы даже не знали, кого мы везли. И он дал вам сегодня хорошее доказательство. Что будем делать?

— Дайте мне еще двадцать четыре часа, и я вам все раскрою, как на ладони. Не думайте, что я только сейчас узнал, что Фазлур не тот, за кого он себя выдает. Но мне нужно еще одно доказательство, и я это доказательство буду иметь завтра...

— Что это за доказательство? — спросил Гифт.— Не будет ли поздно завтра? Может быть, его надо искать сегодня?..

— Вы забыли, Гифт, что дело не в пояснении, важно, чтобы птичка не упорхнула: ведь мы ее берем с собой. И как хорошо, что он согласился!..

На другом конце селения шофер Умар-Али говорил закутанному в плащ Фазлуру:

— Может быть, самое время тебе смыться, дружок? Я тебе рассказал ведь, что произошло после твоего ухода. Ты лезешь в большую опасность. Уходи домой, Фазлур. А я тоже скоро поеду домой. Все говорят, что машине ходу нет дальше по реке.

— Нет,— сказал Фазлур,— я не уйду домой! Я буду до конца. Это будет хороший жизненный урок, который послужит мне для будущего. Спасибо тебе за доброе слово, Умар-Али!

Продолжение следует.

«БУХГАЛТЕРИЯ» В ПЕДАГОГИКЕ

Опубликованное в «Огоньке» № 22 письмо А. Мостового и П. Халдея «Бухгалтерия» в педагогике» вызвало отклики читателей. Некоторые из них мы публикуем.

Нужна требовательность

Нас, учителей, глубоко взволновало письмо руководителей 330-й московской школы. Авторы этого письма поднимают очень важные вопросы об оценке подвижнического труда учителя.

Часто требовательность педагога вызывает недовольство руководящих органов народного образования, приходится слушать упреки и со стороны родителей, ощущать неприязнь учеников.

Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко говорил, что принципом советской педагогики должно быть «как можно больше требовательности к человеку и в то же время как можно больше уважения к нему». Но, к сожалению, у нас мало по-настоящему требовательных педагогов. Да это и не удивительно: быть требовательным педагогом — это значит сознательно обречь себя на ряд неприятностей.

Выходит, что требовательный педагог сам снижает оценку своей работы, так как о ней судят по количеству неуспевающих в классе. Если неуспевающих нет или их мало, учитель работает хорошо, а много неуспевающих, значит, учитель плох и о нем создается отрицательное мнение, его начинают критиковать на различных совещаниях как отстающего. Бывало и так, что «проработанный» возьмет и «исправится»: перестанет быть требовательным. Жить ему становится легче, начальство уже не теребит обследованиями, его не ругают на собраниях и совещаниях, а, наоборот, хвалят. Дескать, теперь «лучше стал человек работать», нет неуспевающих. А результат плачевный.

В вузах нет столь явного давления на процент успеваемости, хотя и нам достается: если сдавших экзамены на «отлично» и «хорошо» окажется меньше 90 процентов, значит, делается вывод, что такой преподаватель мало работал со студентами в году. А как лучше работать, если иной студент заявляет: «Главное — не знать, главное — сдать». К сдаче экзаменов некоторые студенты готовятся накануне сессии, надеясь на то, что преподаватель не сможет поставить плохую оценку: сам себе процент испортит.

Как-то после зимней экзаменационной сессии мне пришлось быть свидетелем одного разговора в поезде. Студентка Харьковского инженерно-строительного института беседовала с пожилым колхозником. Он ее спросил: «Как успехи в учебе, дочка?» «Хорошо. Все экзамены сдала на «пять». «Наверное, много занималась?» «Да нет, один раз прочитала и сдала». Колхозник удивился. Потом, после долгого раздумья, спросил: «Дочка, а что бы тебе поставили, если бы ты не один раз прочитала?..»

Нужно значительно повысить требовательность педагогов всех звеньев советской школы. Либерализм педагога наносит серьезный ущерб подготовке специалистов.

А. МАРЧЕНКО,
преподаватель Харьковского пединститута

Слово за министерством

Под письмом А. Мостового и П. Халдея «Бухгалтерия» в педагогике» подписалось бы подавляющее большинство педагогов и родителей. О «процентомании» давно уже говорилось на учительских собраниях и конференциях. Но Министерство просвещения РСФСР до сих пор не прислушалось к мнению общественности, предпочитая отмалчиваться.

Мы надеемся, что министр просвещения РСФСР товарищ Афанасенко выскажет свое мнение по вопросам, затронутым в письме тт. Мостового и Халдея.

Б. ХОТИМСКИЙ,
учитель 225-й средней школы Москвы

Писатели и книги

Советы старшего

В литературе есть хорошая традиция — писатели старшего поколения делятся своими взглядами, своим жизненным и творческим опытом с молодыми товарищами. За последние годы вышли из печати «О поэтическом мастерстве» М. Исаковского, «Золотая роза. Книга о писательском труде» К. Паустовского, «О художественном мастерстве» С. Сергеева-Ценского, дневники М. Пришвина. К этому же разряду книг относится и сборник статей Ф. Гладкова, в который входят речи, статьи по вопросам литературы и воспоминания.

В первом разделе сборника Ф. Гладков рассказывает о работе над романами «Цемент» и «Энергия», разбирает вопросы литературного мастерства, говорит о методе социалистического реализма, о ведущем герое эпохи, о правильном и точном словоупотреблении, о культуре речи.

«Писатель — это мастер высшего порядка, и добиться этого мастерства очень и очень нелегко»,— пишет Ф. Гладков.

История литературы свидетельствует, что писательское мастерство завоевывается многими годами огромного труда, необычайно упорной работой над собой. Художник обязан быть прежде всего сам к себе очень требователен. «Я работаю как писатель уже много лет, но еще до последнего дня мне кажется, что я совершенно не умею писать. Говорю это с горестной беспощадностью к себе».

Чтобы стать настоящим мастером, писатель должен стоять на высоте культуры своей эпохи, а «для этого надо учиться каждый день до гробовой доски. Малограмотных, невежественных писателей нет и быть не может»,— пишет автор.

В выступлениях на съездах писателей и в своих статьях о социалистическом реализме Гладков говорит, что задачи нашей литературы — это прежде всего коммунистическое воспитание молодежи. Именно поэтому необходимо создать ведущий тип нашей эпохи.

Гладков предупреждает, что не надо бояться романтической приподнятости героя. «Наше время не чуждо романтики,— пишет он.— Наша эпоха — это эпоха обыкновенных людей, но людей-героев, потому что сама действительность по существу героична».

Особенно интересны в сборнике статьи о чистоте литературного языка и культуре речи. Язык — это орудие мысли, могучее средство общения между людьми. К нему надо относиться внимательно и бережно, не засорять и не обеднять его. Гладков говорит, что «язык неизбежно подвергается всякого рода вредным влияниям. Но художник призван преображать его в прекрасные формы, как подлинный мастер и поэт. Будем же взыскательны!»

Писатель призывает быть взыскательным не только к литературному, но и к разговорному языку. «Когда-то у китайцев, благородного народа, в каждой хижине было изображено иероглифами: «Говори хорошо!»,— пишет Гладков.

К сожалению, в нашей литературе почти отсутствуют книги о культуре разговорной речи. Это тем более обидно, что и школа, как замечает Ф. Гладков, «плохо воспитывает чуткость к языку, к его красоте, музыкальности и живописности».

Во втором разделе книги собраны воспоминания автора о встречах с М. И. Калининым, И. И. Скворцовым-Степановым, с писателями А. С. Серафимовичем, А. Г. Малышкиным, А. С. Неверовым, П. П. Бажовым.

В третий раздел книги входят речи Гладкова по поводу юбилеев Гоголя, Мамина-Сибиряка, Короленко.

Сборник «О литературе» представляет большой интерес не только для молодых писателей, критиков, редакторов, но и для широкого круга читателей.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Федор Гладков. О литературе. Статьи, речи, воспоминания. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1955. 243 стр.

Мы едем на дачу...

Вл. РУДИМ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

...Итак, москвичи, дождавшись окончания занятий у ребятишек, устремились к зелени, к рекам, к лугам. Кто — на все лето, захватив детей, кто — на воскресные дни, кто — в собственные или кооперативные дачи, а кто (и таких большинство) — в чужие, уплатив вперед по таксе, зависящей от дороги, от характера хозяина, от вида, открывающегося из окон террасы, и других весьма неопределенных факторов.

На телеграфных столбах возле загородных железнодорожных платформ все еще пестрят объявления: «Сдается комната с террасой», «Сдаются верхи», «Комната возле пруда», «Терраса в саду», «Продается два щинка, один щинок сродо-словный»... Последнее, впрочем, нас не интересует. Хотя что это? Еще одно объявление с тем же адресом: «Сдается временная пристройка». Уж не то ли помещение, которое освободится от «щинков»? Иные ретивые хозяева ни перед чем не останавливаются. В Малаховке кто-то решил даже сдавать... лето. Он так и написал: «Сдается на дачу лето».

Вот вы подобрали по сходной цене комнату с террасой, колодцем и даже радио; правда, оно включается не у вас, а на соседнем участке, но так, что «обслуживает» всю округу.

Ежедневно четырнадцать диспетчерских пунктов столицы принимают заказы на таксомоторы для выезда на дачи. Выезд в субботу или воскресенье. В такой день выйдь на трассу, чей рев раздается: идут таксомоторы, министерские грузовики, закрытые машины с надписями «Техпомощь», «Авторемонт», автобусы с красными крестами. А внутри укрывшиеся от взоров автоинспекции дачники.

Вам автоинспектор не страшен: вы едете на таксомоторе, под флагом адмирала. «Адмирал» — это пятиклассник Толя, а флаг — сачок, надуваемый встречным ветром.

И вот вы на месте. Осталась позади «морская качка» на глухих дачных закоулках, куда, к сожалению, не заглядывают еще дорожники. Всюду зелень — яркая и чистая до неправдоподобности, тихо шумят ели, за ними голубеет речка, такая свежая и манящая, отовсюду несется неумолчное птичье пение...

Пенсионеры Николай Петрович Никулин и его жена Анна Ивановна выехали на лето в деревню Рассказовку к племяннику. Как

только устроились, поставили самовар (на углях — чтоб шумел на столе), а их внук Сашко начал знакомство с деревенскими сверстниками.

Как видим, в первые минуты разговор не очень ладился с Вовой Галкиным, но помог мяч — дружба начата!

Теперь у ребят никаких забот до самого сентября. Но у родителей хлопот достаточно: прежде всего предстоит перестроиться на «керосиновый век» и освоить агрегат, именуемый керогазом; нужно запастись керосином, для чего в иных случаях придется преодолевать значительный путь пешком к лавке райпотребсоюза или даже на соседнюю станцию «за горючим». Отец будет приезжать на дачу после работы, и ему необходим сезонный билет, что займет недели две: процедура получения билета довольно сложна, потребуется неумеренно большое количество справок. По вечерам вся семья будет встречать на платформе папу, гнущегося под бременем всевозможных покупок.

«Дачный муж» — сколько печальных ассоциаций вызывает этот столь распространенный в наши дни «титул»! Уезжая утром на работу, такой муж и отец всегда кладет в карман минимум две авоськи.

Один из наших друзей выдержал уже двенадцать дачных сезонов и настолько смирился с такой своей участью, что заявил:

— Когда я отойду, как говорится, в мир иной, со мной положите и авоськи: пусть, как у древних, рядом будет то, с чем человек никогда не расставался.

Сынок его с ужасом спрашивает:

— Неужели и мне, когда я стану папой, придется снабжать дачу покупками из города? Почему в дачных местностях не построить больше магазинов и хорошо их снабжать?

Здесь можно было бы задать еще тысячу почему: почему пригородные поезда опаздывают и иногда, как недавно случилось на Московско-Рязанской, не ходят несколько часов подряд? Почему очень поздно поступает в продажу летнее расписание поездов? Почему в большинстве дачных поселков нет телефонов-автоматов, многие улицы не освещены, дороги не починены, мосты такие, что ходить по ним могут только эквилибристы? Хозяйская рука нужна многим подмосковным «голубым дорожкам», в которых все меньше возможностей для купания: они засоряются и высыхают.

Еще дачники предлагают: хорошо бы открыть возле железнодорожных платформ камеры хранения для велосипедов и мотоциклов! Это очень удобно для тех, кто живет далеко от станций: утром, уезжая на службу в Москву, можно велосипед сдать, а вечером получить обратно и быстро добраться до дачи.

...Завечерело. Тихо, как перед сотворением мира. «И звезды над первобытною тишью распороты первой летучей мышью...»

На террасе зажжен свет, за вечерним чаем собралась вся ваша семья. Вы, вдыхая полной грудью настоенный на хвое воздух и вдруг почувствовав себя поэтом, восклицаете:

Тот не знает наслажденья,
Кто на даче не живал!..

Семья Полозовых

«В нашем доме» Г. Федорова. Постановка Горьковского государственного театра имени Горького. Фото А. Горнштейна.

В Москве проходит показ лучших спектаклей периферийных театров РСФСР. Честь открыть этот своеобразный смотр выпала Горьковскому государственному театру имени М. Горького.

История Горьковского (Нижегородского) театра насчитывает 158 лет. Возник он из крепостной труппы князя Шаховского. На сцене этого театра выступали Щепкин и Ермолова, Ленский и Станиславский. Свыше двадцати лет руководил театром известный режиссер Н. Собольщиков-Самарин. Среди актеров были такие мастера, как И. Слонов, А. Хованский. Еще до революции театр стремился своим репертуаром прежде всего отвечать на запросы демократического зрителя. В советские годы театр прочно вошел в быт массового зрителя.

Большое внимание наш коллектив уделяет советской пьесе: все лучшее, что было создано советскими драматургами, показано горьковчанам. Последние годы здесь ведется большая работа с местными авторами. Особенно плодотворной оказалась творческая связь с писателем Геннадием Федоровым. В 1948 году была поставлена его первая пьеса «Пути-дороги», спустя четыре года вторая — «Знатный гость». И, наконец, третью — «В нашем доме» — москвичи увидели на открытии смотра.

Пьеса «В нашем доме» рассказывает о династии кузнецов Полозовых. Дед Григорий, девяностолетний кряжистый старик, помнит еще замечательное мастерство старых русских умельцев, среди которых он сам был не последним. Отличный кузнец и сын его Тихон. Один из внуков — Алексей — тоже завоевал славу первоклассного мастера, но зазнался, перестал уважать людей, труд стал для него лишь средством собственного возвеличения. Рабочая семья, живущая интересами завода, не смогла пробудить в нем совесть. Только исключение из партии заставляет Алексея осознать свое падение. И зритель уходит со спектакля с мыслью, что Алексей все же поднимется, будет другим человеком. К этому выводу подводит вся пьеса, привлекающая глубоким раздумьем автора над судьбами людей.

Федоров работал над пьесой несколько лет. Вместе с ним режиссер-постановщик Н. Н. Аноева и художник В. Я. Герасименко ездили на заводы, в рабочие поселки — знакомились с обстановкой, в которой действуют герои пьесы. На Сормовском заводе и на Автозаводе состоялись встречи рабочих с актерами — это очень помогло и драматургу и театру.

Интерес, проявленный москвичами к спектаклю,— свидетельство того, что наша работа достигла цели.

Н. ПОКРОВСКИЙ,
народный артист РСФСР

Борисов в „Пучине"

Ленинградский театр драмы имени Пушкина показал в Москве спектакль «Пучина» А. Н. Островского. В центральной роли Кирилла Кисельникова выступил народный артист СССР А. Борисов.

Пьеса «Пучина» и при своей первой постановке в Москве в 1866 году и при возобновлении выдержала всего 12 представлений. За этим произведением великого драматурга — небольшими четырьмя «сценами из московской жизни» — упрочилась слава далеко не лучшей пьесы Островского. И когда Тамбовский театр имени А. В. Луначарского несколько лет назад включил ее в свой репертуар и весьма удачно сыграл, это могло посчитаться случайностью.

Нынешняя постановка Ленинградского театра показала, что все эти сомнения были напрасны. А. П. Чехов когда-то писал о «Пучине»: «Пьеса удивительная. Последний акт — это нечто такое, чего бы я и за миллион не написал». О такой оценке не лишне сейчас напомнить.

Режиссура, исполнители и прежде всего А. Борисов, играющий Кисельникова, показали на сцене жизненно правдиво и глубоко драму рядового человека, неспособного в условиях предреформенной эпохи противостоять засасывающему болоту.

Психологически тонко раскрывая постепенную деградацию своего героя на протяжении семнадцати лет его жизни, А. Борисов воссоздал жуткую и обычную в те времена историю неудавшейся жизни человека честного и совестливого, но слабого.

В первой сцене спектакля Кирилл предстает перед зрителем самоуверенным юношей, упоенным тем, что ему досталось от умершего отца «порядочное состояние» и он может «воспользоваться свободой, немного развлечься, погулять». Дальнейшая судьба суетливого, легкомысленного и безвольного молодого человека, который «мало-помалу отстал от университета» и к тому же влюбился в невежественную купеческую дочку, решив на ней жениться, очевидна. Недаром предсказывает ему университетский товарищ Погуляев: «Свалишься в пучину, и она тебя поглотит». Талантливая игра А. Борисова, не оставляя сомнений в будущности Кисельникова, сразу заинтересовывает зрителя. Актер умело выполняет требование Островского: «...главное дело — показать, на основании каких психологических данных совершилось какое-нибудь событие и почему именно так, а не иначе...»

Но если под впечатлением первого действия можно было усомниться, взволнует ли зрителей дальнейшая судьба Кисельникова, то уже со второго акта Кирюша вызывает сочувствие. С захватывающей силой передает А. Борисов тот мучительный стыд, который Кирюша испытывает за родителей жены, цинично и грубо требующих от него, чтобы он брал взятки. Почти с отчаянием он пытается переубедить родных:

«Понятия у меня, маменька, другие... Нет, стыдно мне взятки брать...»

Мещанское болото глухого Замоскворечья постепенно засасывает бедного Кисельникова. Зритель теперь с нетерпением ждет дальнейшего — сумеет ли задерганный нуждой труженик сохранить незапятнанной свою совесть? Когда Кисельников сравнивает себя с загнанной почтовой лошадью, которая плетется нога за ногу, повеся голову, безнадежное отчаяние вкладывает исполнитель в эти слова. Разоренный тестем и им же высмеянный, бедный Кисельников находит еще в себе силы: «Примусь я теперь трудиться. День и ночь работать буду»...

Но уже больной и вконец измученный, Кирюша не может противопоставить своей воли властным требованиям опытного дельца, вынудившего несчастного бедняка на подлог и взятку. И зритель понимает: совершить служебное преступление Кисельников мог, лишь находясь на грани безумия. Сознание всей тяжести проступка обрушивается на ослабевший мозг.

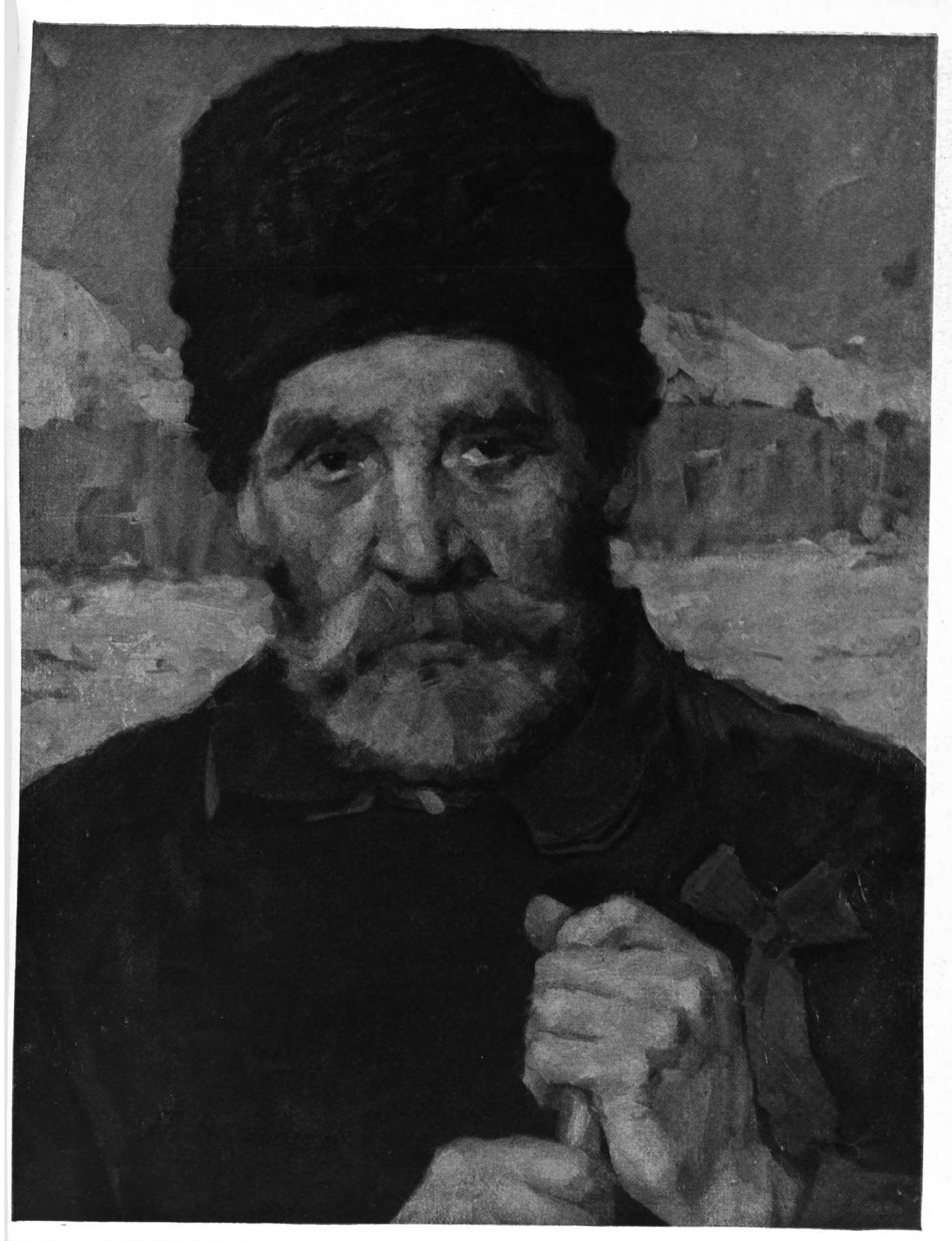
Талантливый актер, работая над ролью Кисельникова, стремился — как этого и хотел Островский — из нескольких черт, намеченных в пьесе, создать законченный тип, полный художественной правды. Борисов убедительно показывает, что светлое начало, присущее Кисельникову, он сумел пронести через все жизненные мытарства.

Благодаря такой трактовке центральной роли в спектакле отчетливо звучит главная и постоянная тема творчества Островского — разоблачение и обличение бесправия, угнетения и произвола дореволюционной России.

«Пучина» А. Н. Островского в Ленинградском государственном академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Кисельников — народный артист СССР А. Ф. Борисов.

Вл. ФИЛИППОВ

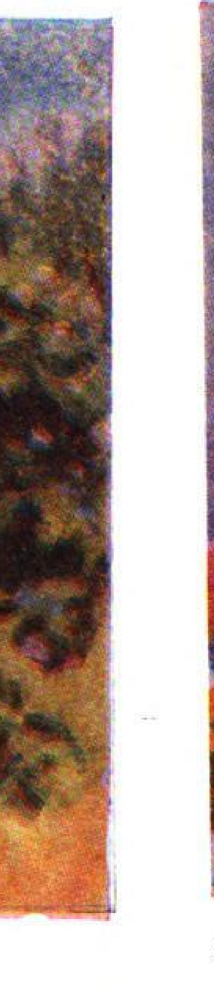

П. В. Васильев. ПОРТРЕТ СТАРОГО РАБОЧЕГО. 1923 год.

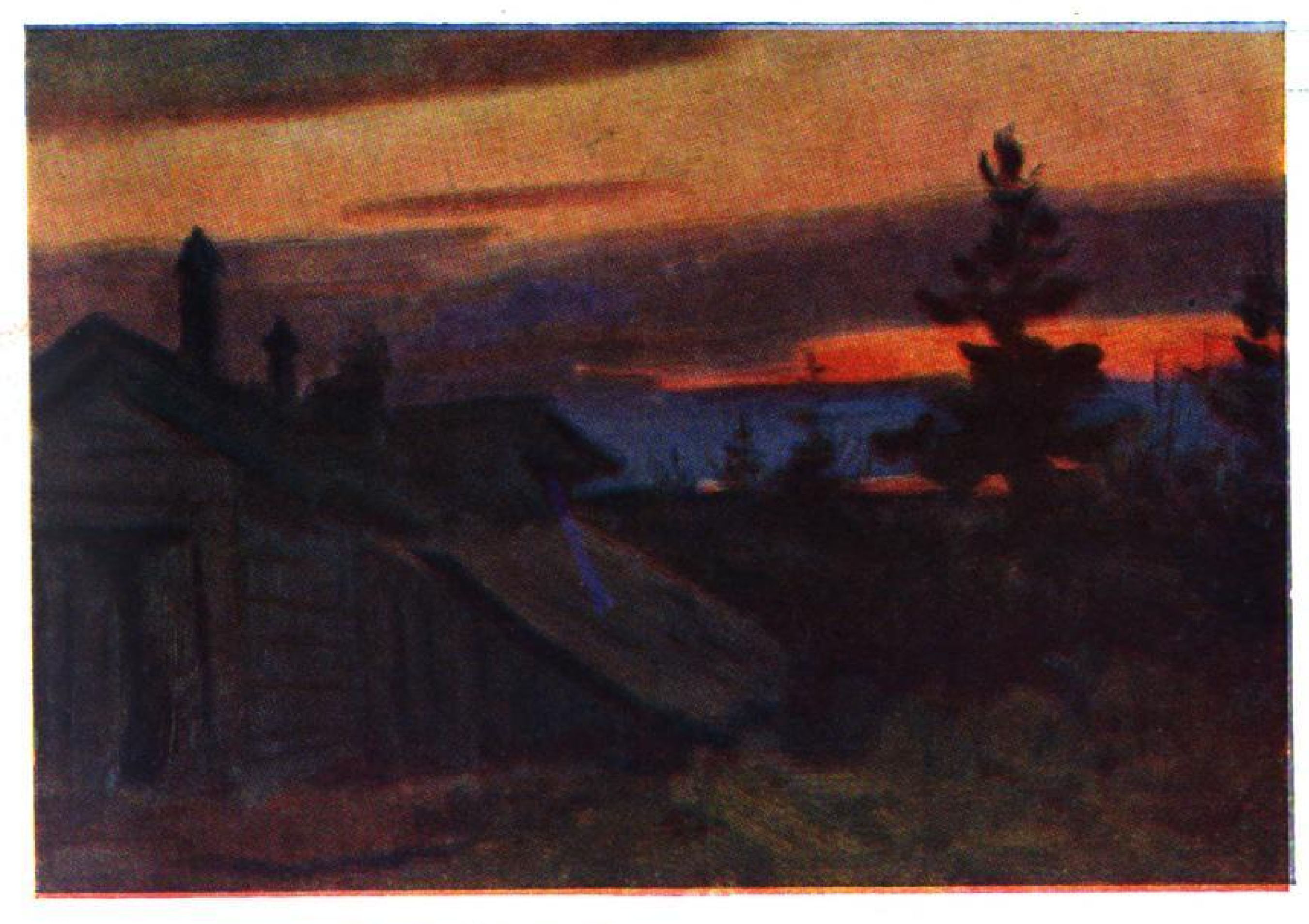
«Огонек». 1956.

А. А. Кокорекин. КРЫМ. КУСТ ШИПОВНИКА.

А. А. Кокорекин. КОКТЕБЕЛЬСКАЯ БУХТА В

А. А. Кокорекин. ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ. ИСТРА.

А. А. Кокорекин. МОРОСИТ.

Второе рождение художника

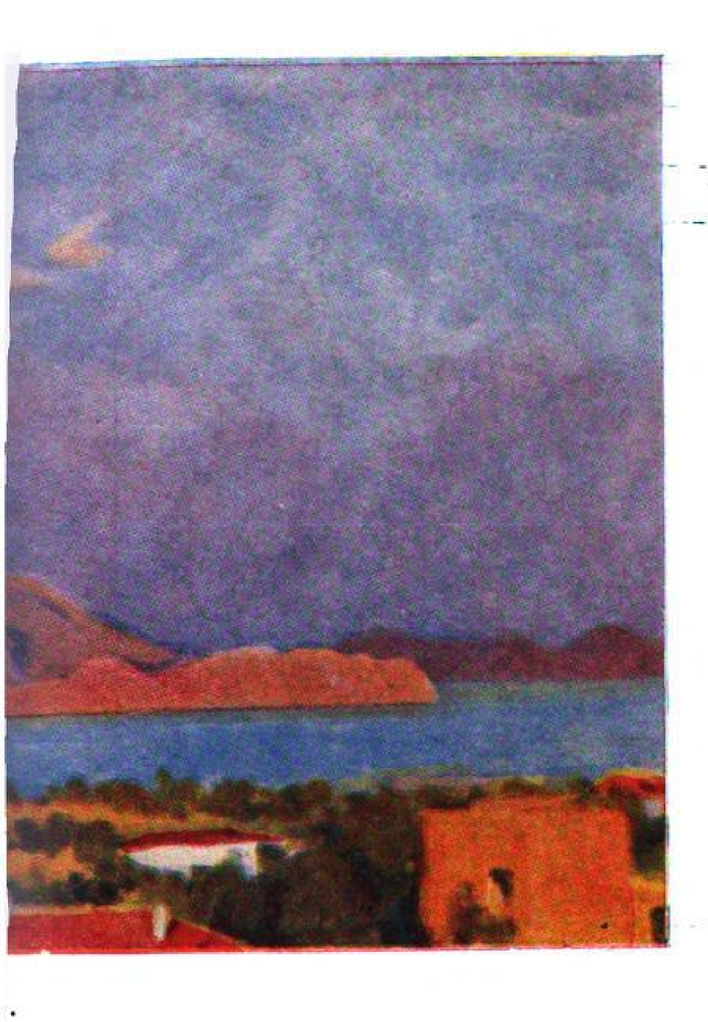
Художник Алексей Алексеевич Кокорекин известен как один из лучших мастеров боевого агитационного искусства — политического плаката.

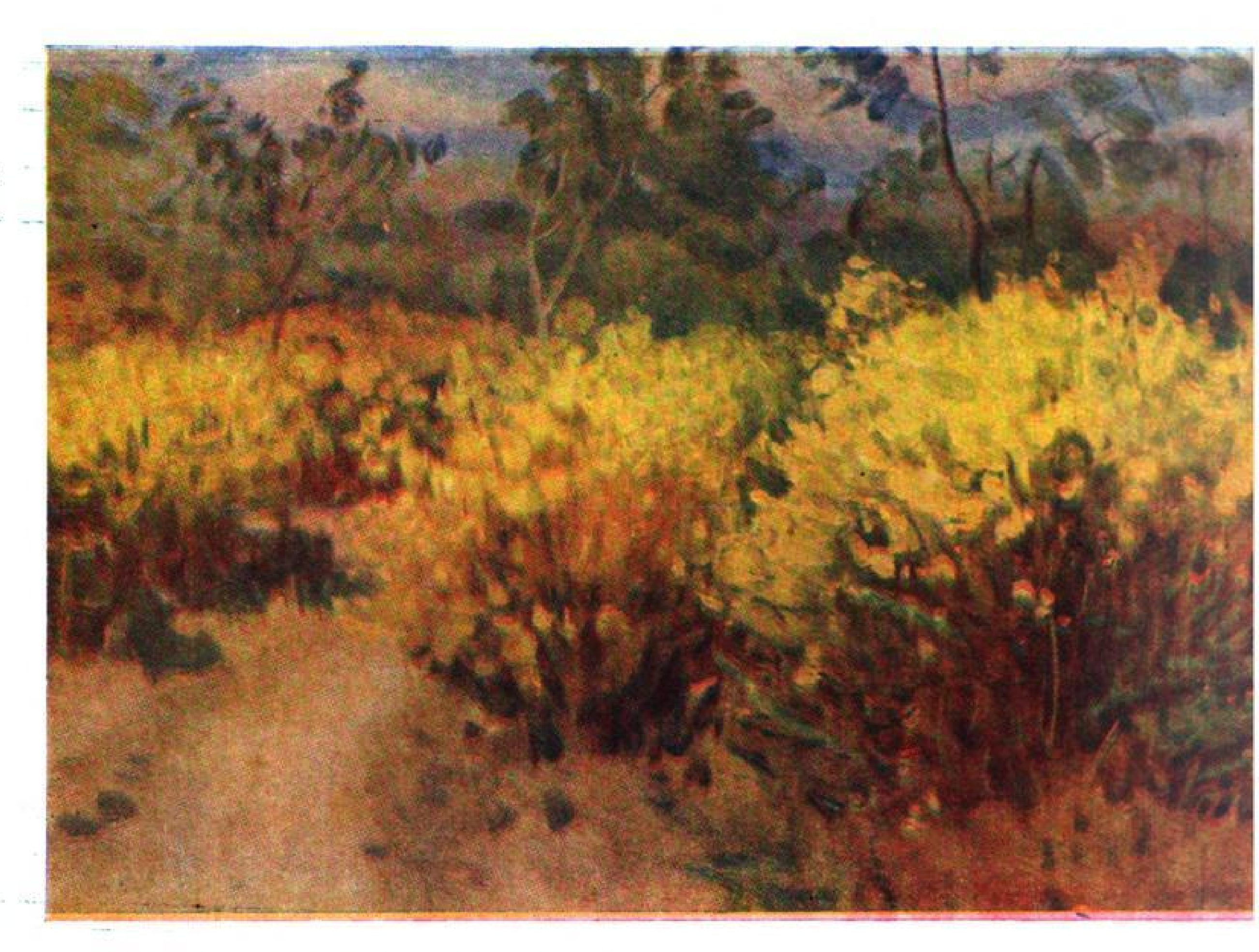
В первые же дни Великой Отечественной войны по всей стране на улицах городов и прифронтовых сел были расклеены его плакаты «Смерть фашизму, свободу народам!», «За Родину!». Его плакаты советские воины видели в блиндажах и на огневых позициях, в кубриках и землянках, где опаленные боем солдаты коротали свой недолгий отдых.

И даже нас, военных художников студии имени Грекова и товарищей Алеши Кокорекина, всегда радовали встречи с его плакатами на бесконечных военных дорогах... Словно бы мы встречались с ним самим. Смотришь, бывало, на его плакат «Когда бронебойщик стоит на пути, фашистскому танку никак не пройти!» — и хочется крикнуть: «Правильно, Алеша!»

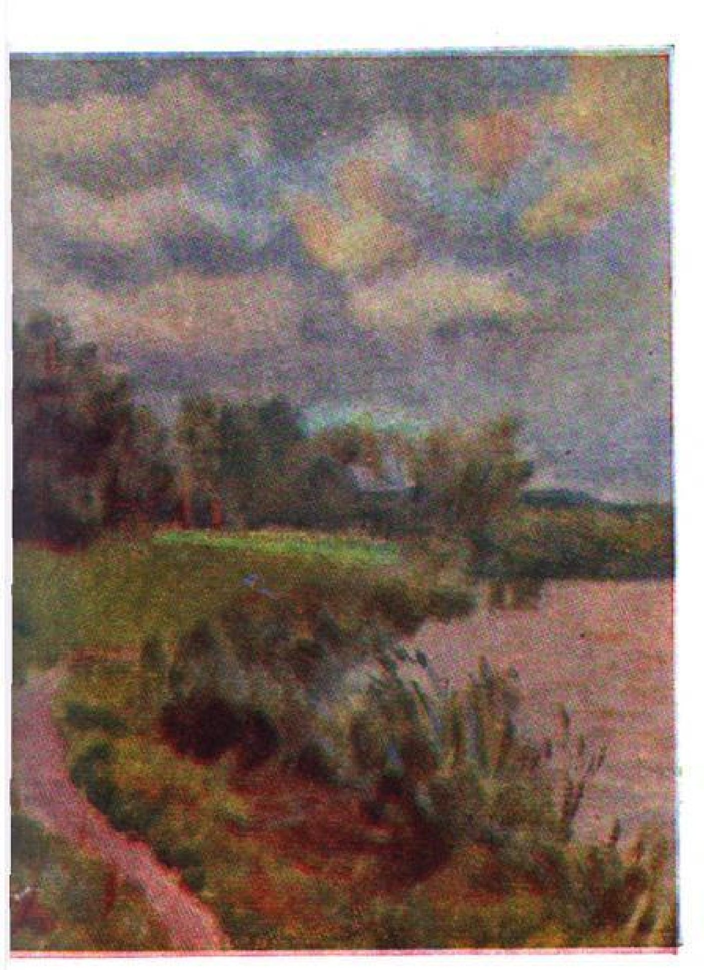
И вот через одиннадцать лет после окончания войны на персональной выставке в Центральном доме работников искусств в связи с тридцатилетием творческой деятельности художника мы встречаемся снова.

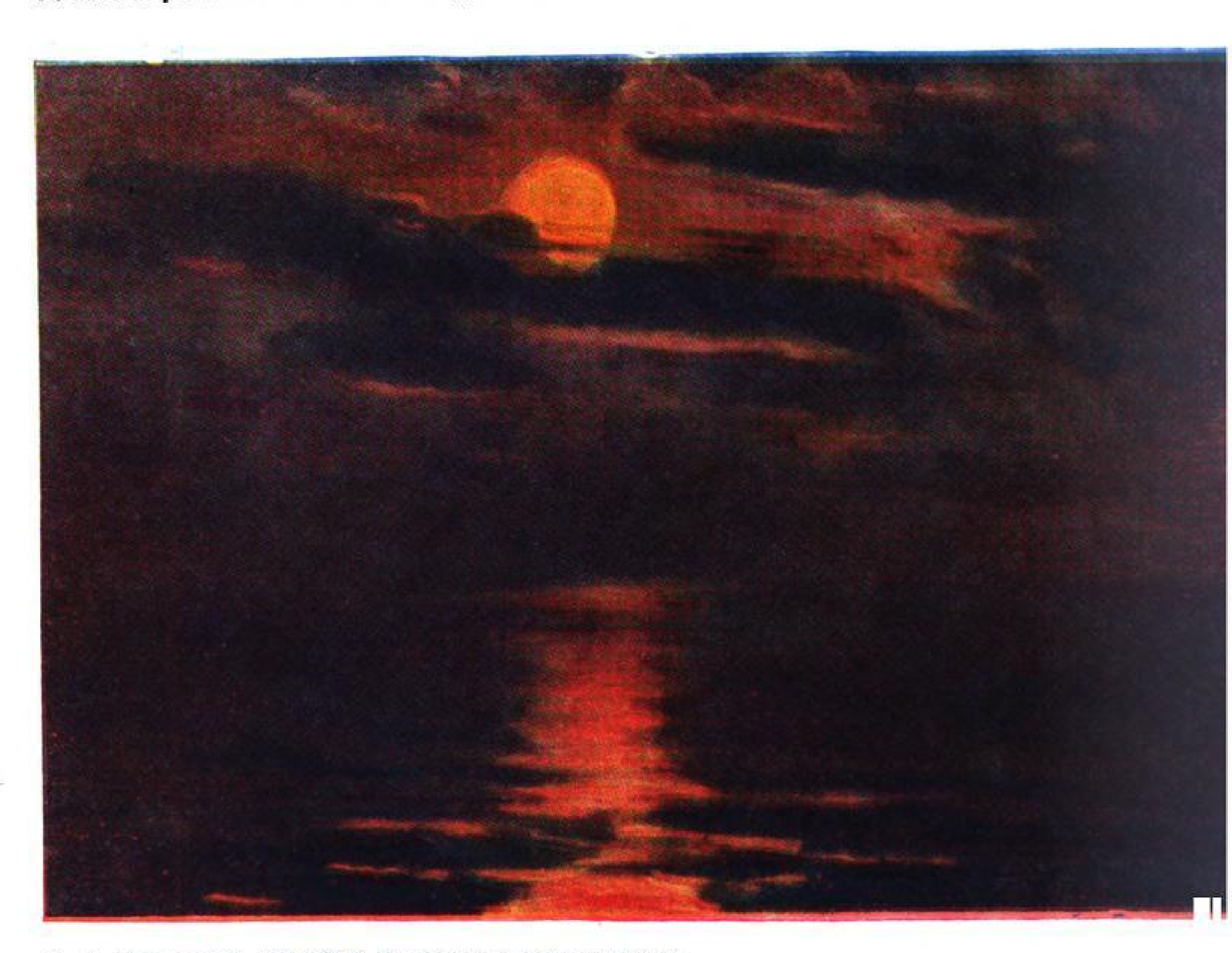
Казалось бы, что все уже знаем о своем товарище: и дату дня рождения, и чем были заполнены пятьдесят прожитых лет, и трудные годы

А. А. Кокорекин. КРЫМ. ЗОЛОТЫЕ ДРОКИ.

А. А. Кокорекин. ВОСХОД ЛУНЫ НА ЧЕРНОМ МОРЕ.

юности, когда жизнь заставляла Кокорекина быть то слесарем, то молотобойцем, то счетоводом, то железнодорожным рабочим. Но... сначала познакомимся с выставкой.

В четырех больших залах собрано все лучшее из работ художника: плакаты, иллюстрации, журнальные рисунки, наброски и неожиданно... около двухсот живописных полотен! Это качество Кокорекина было совсем незнакомо даже его товарищам «по оружию». Произошло как бы второе рождение художника, открылись новые грани его творчества: художник-плакатист предстал живописцем.

Беседуем. И Алексей Алексеевич рассказывает:

«Мне всегда казалось, что в искусстве нет разницы в жанрах, художник должен изучать все. Можно выражать любовь к Родине и монументальным жанровым произведением, и плакатом, и лирическим пейзажем. Писать, изображать нужно только то, что волнует твое сердце.

Я, например, люблю юг, море, горы, буйное цветение весны в Крыму, свет и тепло солнца. Природа на юге как бы сама ставит себе все новые, трудные и неповторимые цветовые задачи. В этюде «Золотые дроки» хотелось написать золотистые тона, разлитые в природе, в этюде «Куст шиповника» — зной, тепло, солнце. А «Восход луны на Черном море» я делал ночью, в темноте, подсвечивая начатую работу фонариком и совершенно не веря в успех дела. Наутро посмотрел,— кажется, удача! Оттенки моря перед штормом, показалось, переданы верно. Кстати, здесь я обошелся без белил.

В этюде «Моросит» хотелось запечатлеть типичное русское — элегию осени. Когда наблюдаешь такое состояние в природе, будто слышишь музыку Чайковского. Возможно, что сделанное сейчас у меня «выльется» потом в картину. А пока... хочется работать и работать, писать небо, море, город, дороги, солнце, юг, свою Родину».

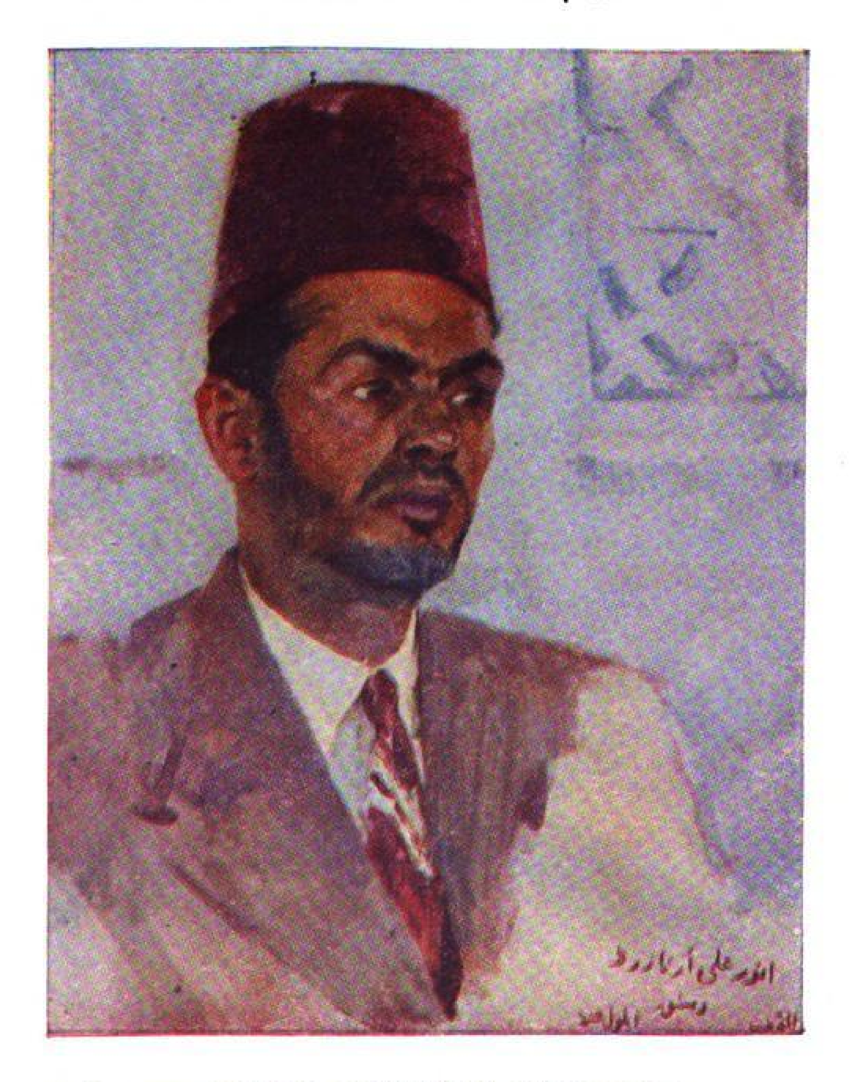
В связи с публикацией работ А. А. Коксрекина на вкладках «Огонька» я попытался кратко передать и разговор с художником.

В. КЛИМАШИН

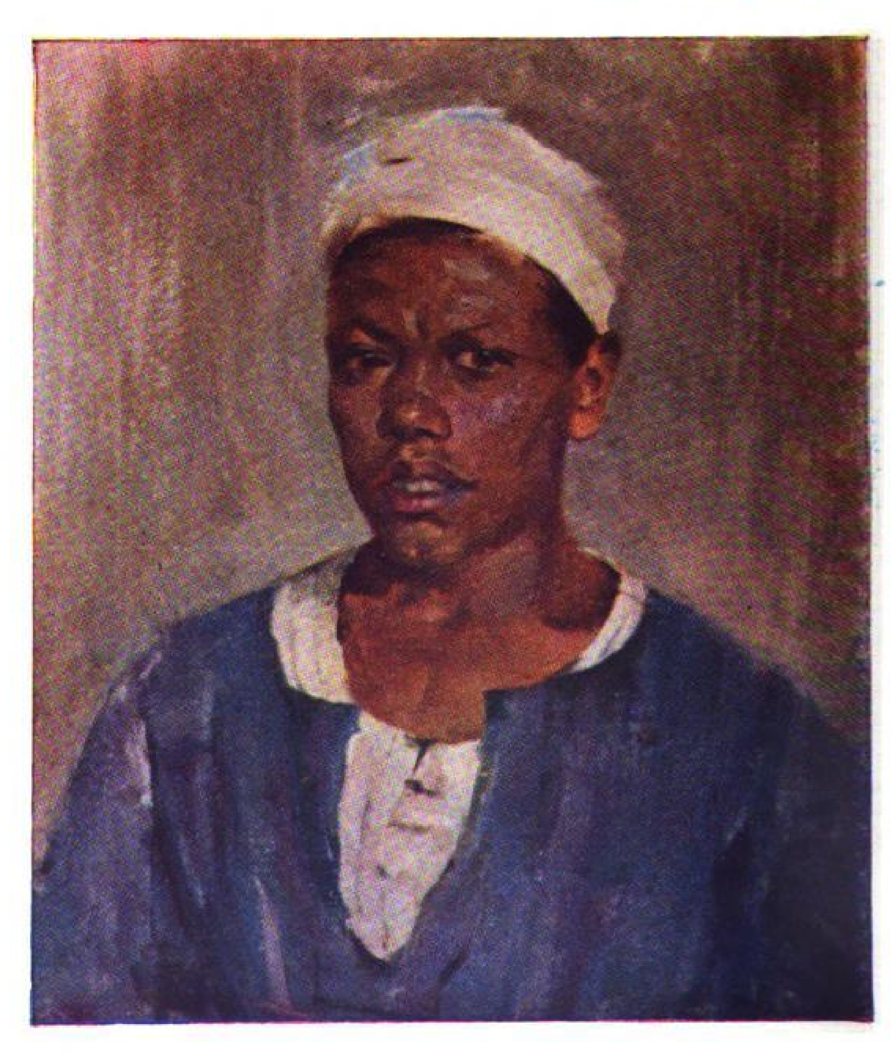
В. В. Руднев. РАЗВАЛИНЫ ПАЛЬМИРЫ. Сирия.

Из поездки художника по Сирии и Египту

В. В. Руднев. ПОРТРЕТ СОТРУДНИКА ДАМАССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ.

В. В. Руднев. ЮНОША-ЕГИПТЯНИН.

СЕСТРЕНКА

Рассказ

Нора АДАМЯН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Дядя Акоп проснулся от какого-то странного шороха. На него будто пахнуло свежим воздухом. Старик открыл глаза и ужаснулся. С потолка свисал человек — растопырил руки и ноги и двигал ими, как огромный паук.

Дядя Акоп считал себя бывалым, умудренным человеком. Его трудно было удивить, так хорошо он понимал все явления жизни. Но тут он испугался и крикнул постыдным, сдавленным голосом, больше похожим на куриное кудахтанье, судорожно дернул одеяло и присел на кровати. От его движения Марануш заворочалась и облокотилась на подушки. Ее глаза были на пятнадцать лет моложе. Или, может быть, матери видят своих детей и во тьме? Она сразу крикнула: «Хачик, дитя мое!..».

Старший сын, Арсен, прибежал из своей комнаты, когда мать уже стояла на столе, стараясь схватить болтающиеся в воздухе ноги. Арсен зажег свет, подхватил мать на руки и поставил на пол. Потом он поднял голову и сказал негромко:

— А ну, спускайся!

В потолке зияла черная дыра. Оттуда на веревке свисал Хачик. Он был перевязан поперек туловища и отчаянно извивался всем телом.

Арсен поставил на стол табурет, легко вспрыгнул, ухватил Хачика за ноги и подтянул к себе. Видимо, кто-то наверху бросил веревку. Равновесие нарушилось. Табуретка зашаталась, вылетела изпод ног Арсена, и братья свалились на пол.

— Собаки, собачьи дети! — загремел голос дяди Акопа.

Он вскочил с кровати, сунул ноги в старые шлепанцы без задников. Мать быстро накинула ему на плечи пиджак. Старик хлопнул рукой по карману. Арсен проворно поднялся и положил перед отцом смятую пачку сигарет и спички. Отец сел за стол и закурил.

Виновник переполоха лежал на полу. Он не ушибся, но ему было невыносимо плохо. Ребята, конечно, удрали. Как только зажегся свет, на крыше свистнули. Это Гено дал знать ребятам, что все провалилось. Теперь Шот подумает, что Хачик так подстроил нарочно. Для чего лезть в свой дом с крыши? Проще было потихоньку вынести вещи. Или открыть дверь, впустить Гено, а самому лечь в постель. Шот так и велел. Но почему-то через крышу казалось интересней. А теперь надо молчать.

Хачик зажмурил глаза.

— Вставай,— сказал Арсен.

Мальчик крепче прижался к полу. Арсен поднял его за шиворот. Хачик расслабленно повис на руке брата, изо всех сил сжимая веки. Мать вздыхала. Отец натужно кашлял.

— Стой! — закричал Арсен.

Хачик приоткрыл один глаз. Арсен размахнулся, как будто собирался локтем ударить его в лицо, а потом медленно опустил руку и обернулся к отцу.

— Ну? — спросил отец.

Хачик вздрогнул и низко опустил голову.

— Говори, не то я скажу! — пригрозил Арсен.

Мальчик быстро, судорожно вздохнул.

— Долго буду ждать? — спросил отец.

— Ничего не скажу! — отчаянно прошептал Хачик.

— Я сам знаю! — закричал Арсен.— С кем ты возле кино шатался? Настоящая шайка, карманщики! Ты, как муха, пропал, если с ними связался!

Он перевел дыхание, глядя на брата. Но Хачик не пошевелился. Он стоял, маленький, худенький, свесив голову. Арсену было и жаль брата и хотелось его ударить, избить до крови.

Отец затушил в пальцах окурок сигареты и встал, сбросив с себя пиджак.

— Говорить завтра будем. Жена, потуши свет.

Хачик натянул одеяло на голову. Так он был один, сам с собой, отгороженный от всего. Что ему теперь оставалось? Осуждение близких, презрение и, может быть, смерть от руки товарищей. Как хорошо было жить еще вчера! А ведь он сам предложил план ограбления своего дома. Это казалось таким легким и сразу вызвало бы уважение друзей и одобрение самого Шота. А что будет утром? Его отведут в милицию. Самое главное — никого не назвать. Кажется, иногда люди проговариваются нечаянно. Лучше всего просто молчать. Ни слова не говорить.

Будущее было беспросветно и страшно. Хачик, набрав в себя воздух, затаил дыхание и весь напрягся. Так он готовился к завтрашнему допросу. Ему казалось, что он всю ночь пролежит без сна, но через полчаса он уже крепко заснул и ничего не видел во сне.

Арсен заснул позже. Он курил и сердился на себя. Давно надо было поинтересоваться, где этот мальчишка шляется, с кем водится. Еще тогда, возле кино, Арсену все это не понравилось. Очередь в кассу была большая и беспорядочная. Арсен шел с девушкой из своего техникума. Им обоим очень хотелось в кино.

— Что смотрят милиционеры? — возмущалась рядом какая-то дама.

В толпе у кассы по головам людей двигался мальчишка. Ребята постарше подкидывали его на руках, как мячик. Добравшись до кассы, мальчишка уцепился за ободок окошечка и бросил кассирше кучу смятых бумажек. Арсен не узнал Хачика. Мальчишка сам подбежал к брату, встрепанный, возбужденный.

— У тебя билетов нет? — спросил он деловито и тотчас, пронзительно свистнув, заорал: — Ада, Шерож!

Независимой походкой, засунув руки в карманы, приблизился паренек постарше. Мальчишки посовещались, и очень довольный Хачик выдал брату два билета, широким жестом отказавшись от денег. Счастьем сияли его близко посаженные черные глазки.

— Хорошее кино,— сказал он,— я три раза смотрел!

Не надо было тогда брать этих билетов! Надрать бы мальчишке уши, прижать к себе, увести домой! Избить смертным боем, сказать: «Малыш, дорогой, что ты тут делаешь ночью, у кино? Кто твои товарищи? Сиди дома, щенок!..»

Арсен тоже заснул. Только отец и мать в эту ночь не спали.

2

Через год Хачик при случае говорил:

— Моя жизнь — это не просто как-нибудь жил человек...

Он так многозначительно и грустно при этом покачивал головой, что каждый понимал: судьба у Хачика была сложной и трудной.

Трудности жизни начались после неудачного ограбления собственного дома. Хачика допрашивал собравшийся семейный совет. Дядя Петрос, младший брат отца, хлопал килограммовым кулаком по столу и зычно требовал:

— Назови вдохновителей и руководителей этого черного дела!..

Дядя Петрос редактировал стенную газету своего завода. Слог у него был великолепный.

Хачик быстро, исподлобья взглядывал на дядю и, поморгав, снова опускал глаза. Тогда в действие вступала жена Петроса, тетя Гаюша. Она убеждала сладким, проникновенным голосом:

— Дитя мое, разве мы, здесь собравшиеся, тебе враги? Ты еще маленький, сам не можешь понять, что плохо, что хорошо. Послушайся старших, скажи честно, открыто: «Дорогой папа, дорогая мама, меня втянули в компанию испорченные, скверные мальчишки». Скажи, как их зовут, где они живут. Совесть твоя будет чиста, и тебе многое простится...

От этих слов Хачик корчился и жалобно морщил свое узкое смуглое лицо. Все, что говорила тетка, было страшной неправдой. Никто Хачика не втягивал. Он сам бегал за ребятами из шайки Шота и был счастлив, когда на него обращали внимание. Нет на свете другого такого человека, как Шот. Он и сильный, и бесстрашный, и ловкий — необыкновенный. Например, ребята его видели одновременно в разных концах города. Он все может!

А сказать родителям так, как советовала тетя Гаюша, было совершенно немыслимо. Хачик вообще таких слов никогда не говорит. «Цирк, что ли?» — думал он.

Голос тети Гаюши делался все более задушевным. Он звучал строго, осуждающе, но проникновенно, со слезой. Дядя Петрос слушал жену с серьезным, внимательным лицом, в особо возвышенных местах поворачивался к Хачику и приговаривал:

— Слушай эти золотые слова, слушай!.. Ни одна птица в своем гнезде не гадит, а ты...

Дядя Акоп молчал. Ему до сих пор подобием утешения казалось именно то, что Хачик лез в собственный дом. Страшно было представить себе сына, ворующего у чужих людей. А кто знает, может, и так бывало?..

«Ну, пусть я простой мастеровой, сапожник,— думал дядя Акоп,— но меня всю жизнь кормили мои руки. На чужую копейку не зарился!..»

Он встал, прерывая рассуждения тетки:

— Легкую жизнь имел. Теперь свой хлеб будет есть. Работать пойдет.

Все замолчали. Отец прошел мимо Хачика, как будто его не было в комнате. Он надолго перестал замечать сына.

С четырнадцати лет Хачик ел свой хлеб. Сперва он был вечерним курьером в редакции газеты. Прямо из школы отправлялся на работу и до ночи бегал в типографию с «материалом» — так назывались напечатанные на машинке и потом сильно исчерканные листы бумаги. Из типографии он приносил гранки — длинные полоски, от которых остро и не очень приятно пахло краской. Уроки Хачик учил в редакции, за столами сотрудников.

Жизнь очень изменилась. Не оставалось времени сбегать даже на футбол. Как-то раз Хачик на все махнул рукой и отправился на стадион. Игра была волнующая, но лично ему не доставила никакого удовольствия. Он все время помнил, что в кармане у него гранки, что в редакции его ждут. И в самый разгар игры побежал на работу. Бежал и потихоньку плакал. «Как жить человеку, если его не жалеет родной отец! Когда у меня будут дети, ни за что не стану так поступать с ними...»

Однажды Хачика страшно избили. Вечером он возвращался домой; его догнали двое ребят из шайки Шота и пошли рядом — с одной и с другой стороны. Когда прохожих поблизости не оказывалось, парни поочередно, коротко размахиваясь, ударяли Хачика по лицу, по груди, по бокам.

— Продал нас? Под тюрьму подводил? Шутки шутил? — говорили они.

Хачик знал, что кричать нельзя. Около своего дома он упал. Гено сказал:

— Имей в виду, это еще не все! А стукнешь — убьем! Привет от Шота!

Хачик немного полежал: ему было очень больно дышать. Потом умылся во дворе под краном и, отказавшись от еды, заполз под одеяло. Ночью его тошнило и рвало желчью. Этого скрыть бы-

ло нельзя. Мать тихо щупала руки и ноги: не сломаны ли?

Утром доктор допрашивал:

— Кто тебя бил?

— Упал,— тихо объяснял Хачик,— в яму упал.

В первый же раз, когда он снова пошел на работу, вечером возле редакции ему повстречался Арсен.

— Ты домой? Я тоже домой,— сказал брат.

С тех пор Арсен встречал Хачика каждый вечер. Хачику было стыдно, но спокойно. И он притворялся, будто верит, что эти встречи происходят случайно.

Арсен, как всегда, с удовольствием слушал болтовню младшего брата, трепал его черные космы, затевал с ним борьбу. Мать тоже не переменилась. Она старалась кормить малыша как можно вкусней. Он плохо рос. Отец и Арсен были высокие, широкоплечие, с большими руками и ногами. «А этот может пролезть в кольцо»,— горевала мать, не замечая, что и хрупкость и удлиненные линии тела младший сын перенял у нее.

Отец с Хачиком не говорил, будто мальчика вовсе и не было на свете. Каждые две недели Хачик клал перед ним свою получку. Отец молча убирал деньги во внутренний карман пиджака. Иногда он громко и значительно говорил жене:

— Доброе имя замараешь — семью реками не отмоешь.

Или:

— Если у кого-нибудь брюки износились, пусть купит новые,— и оставлял деньги на столе.

Хачик очень старался заслужить прощение. Он приносил из типографии домой еще сырые оттиски газеты, напечатанные на одной стороне листа, и важно говорил, обращаясь к матери:

— Люди это только завтра читать будут.

Мать газетой не интересовалась. Но дядя Акоп, как будто между прочим, придвигал к себе листы. О своей работе Хачик рассказывал матери только в присутствии отца:

— Если я на десять минут запоздаю отнести передовую или подвал, то газета на десять минут позже выйдет. На полчаса задержусь — на полчаса опоздает. Верстку или гранки потерять можно, их снова хоть сто штук отпечатают, а если «материал» потерять, газета без передовой останется...

Он с удовольствием выговаривал редакционные слова: «верстка», «подвал». Мать кивала головой, отмечая причастность сына к делу создания газеты. Отец все молчал и только раз вдруг рассердился:

— Это что за слова: «запоздаю», «потеряю»?.. Попробуй потеряй хоть один раз!

Хачик обрадовался и этому проявлению внимания.

— К примеру говорю. Я еще ни одной гранки не потерял. Вот хочешь, у редактора спроси. Я за три минуты до типографии добегаю...

Он готов был объяснять без конца. Ждал, сейчас отец что-нибудь ответит, хотя бы: «Ну, ну, хватит. Слишком много хвастовства слышу...» Но дядя Акоп прервал мальчика на полуслове и обратился с каким-то вопросом к Марануш.

Иногда отец читал газету вслух. Так он прочел о поимке и осуждении Шота. Хачик лежал на своей тахте и засыпал. Сквозь дрему он услышал какие-то знакомые и очень важные слова. Он с усилием переборол сон и выглянул из-под одеяла. Его глаза встретились с глазами отца. Дядя Акоп держал перед собой газетный оттиск и смотрел на Хачика. Потом начал читать заметку сначала, медленно и внятно выговаривая каждое слово.

За Шотом числилось много преступлений, но последнее, на котором его изловили, было ужасно. Бандит взломал двери квартиры, зная, что дома только дети, перерезал горло одному мальчику, оглушил ударом другого. Когда Шота задержали, он, надеясь смягчить наказание, выдал всех членов банды.

Хачик судорожно плакал, натянув подушку на голову. Он сам не знал, почему плачет. Ему было страшно, как человеку, которого оттащили от пропасти.

Наутро он проснулся с чувством облегчения и сказал брату:

— Ты за мной больше не приходи. Не маленький.

Весной Арсен закончил строительный техникум, и Хачик стал работать с братом на строительстве большого дома. Ему не очень хотелось уходить из редакции, но отец и Арсен решили, что на строительстве Хачик приобретет специальность.

Сперва он был подсобным рабочим, потом учеником каменщика. В один из дней, когда он уже самостоятельно выложил ряд камней в стене дома, Арсен сказал брату:

— Ну вот, теперь ты уже оставил след своей жизни...

— Какой след? — не понял Хачик.

Братья стояли на строительной площадке. Был конец рабочего дня. Летнее солнце ярко освещало высокую пустоглазую коробку строящегося дома.

Арсен посмотрел вверх.

— Такой дом лет сто простоит. Старым дедом будешь, придешь, посмотришь: «Ведь в этой стене и мои камни есть!»

Хачику это понравилось. С тех пор он приносил на работу кусок мела и помечал каждый выложенный им камень. Уходя домой, подолгу с удовлетворением рассматривал рядок камней, на которых белели меловые галочки. К тому времени, когда дом облицевали туфовыми плитами, Хачик уже точно знал, в каком месте заложена его кладка.

К концу лета мать все чаще вздыхала и, будто между прочим, говорила:

— Не каждый может и работать и учиться. У некоторых здоровья не хватает.

— Кто не может, пусть не учится,— отрезал отец.

Хачик перешел в вечернюю школу. Занимался зимой по ночам. Весной и осенью поднимался с зарей. Он не чувствовал себя больше несчастным: привык, да и некогда было.

Настал день, когда он положил перед отцом квадратную коробочку с серебряной медалью.

— Конечно, лучше бы золотую,— сказал он, как всегда, обращаясь к матери,— но не получилось. Чересчур старался — в сочинении две лишние запятые поставил...

Мать тихо плакала.

— Что плачешь? — легонько толкнул ее в плечо отец.— Поставь нам вина на стол.

В этот день они выпили — трое мужчин этого дома. Отец и Арсен пили молча, поднимая стаканы и чуть наклоняя головы. Но Хачика распирала радость. Он не мог молчать.

— Думал на архитектурный пойти,— говорил он, стараясь держаться солидно и с достоинством,— но не получается архитектурный. Рисовать не умею. Наверное, скорее всего строителем буду...

Отец кивал головой и смотрел на Хачика прямо, в упор, как не смотрел уже очень давно.

3

Алла держалась с большим достоинством, но было в ней что-то детское, растерянное. Хачик сразу заметил, что ей не по себе у них на вечере. Она стояла одна и оглядывалась по сторонам.

— Вы не наша студентка? — спросил Хачик.

— Нет,— доверчиво улыбаясь, сказала Алла,— я из консерватории.— Она тут же спохватилась. Молодых людей, особенно незнакомых, полагалось осаживать пренебрежительным остроумием.— А вы всех девушек в политехникуме знаете? — спросила она, стараясь говорить насмешливо.

Хачик насмешки не заметил.

— Конечно. Я им всем как отец.

Алла посмотрела на невысокого, узколицего юношу и весело засмеялась.

— Нет, правда,— убежденно сказал Хачик,— каждая ко мне бежит: «Хачик, я зачет не сдала», «Хачик, я с товарищем поссорилась». Как-нибудь улаживаю их дела. Дети! Жизни еще не видели.

— А вы видели?

— Я? — значительно переспросил Хачик.— Про мою жизнь можно вот такую толстую книгу написать!

Аллу пригласили танцевать. Она нерешительно оглянулась.

— Не знаю, право, я здесь с подругой...

Но Хачик видел, что потанцевать ей хочется. Он взял из ее рук красную сумочку и кивнул:

— Ничего, иди. С этим парнем можно...

Издали он смотрел, как она танцует. Невысокая, крепенькая. Что-то непонятно трогательное было в том доверии, с которым она сразу отдала ему сумочку. Только посмотрела черными ясными глазами и улыбнулась.

— Это чья у тебя сумочка, Хачь? — спросил товарищ.

— Сестры,— важно ответил Хачик.

Ему всегда хотелось иметь сестру. Опекать ее, заботиться о ней. Почему бы Алле не стать его сестренкой?

Возвратившись с вечера, Алла рассказывала подруге, с которой они вместе снимали комнату:

— Я с таким забавным мальчиком познакомилась! Представь себе, он в детстве был вором, почти бандитом. А по виду этого никогда не скажешь: славный. Вот он к нам придет, ты его увидишь...

— Очень приятно,— ответила Муся,— нам именно бандита не хватает.

Она опять сердилась. Значит, Виген прошел мимо и не поздоровался или, еще того хуже, разговаривал с филологичками. Когда Виген садился в аудитории рядом с Мусей или говорил с ней, у Муси бывало совсем дру-

гое настроение. Тогда, не успев еще войти, она с порога кричала Алле:

— Большие новости!..— И рассказывала: — Знаешь, я стояла у раздевалки, ни о чем не думала, смотрю: он! Проходит мимо, вдруг останавливается, понимаешь? И спрашивает: «Ты вчера в кабинете занималась? Много народу было?». Слушай, почему он именно у меня спросил? И какое ему дело, была ли я вечером в кабинете? Нет, для меня ясно: это намек, чтоб я сегодня опять пришла. Как ты думаешь?

— Я тоже так думаю,— без особой уверенности подтверждала Алла. Ей хотелось, чтоб у Муси все было хорошо.

— Конечно, он заинтересован, еще бы! — небрежно и гордо говорила Муся.— Ничем мы не хуже других!

Она становилась перед небольшим зеркалом и то отходила от него подальше, рассматривая свою худенькую, высокую фигуру, то приближала к зеркалу лицо и щурила глаза.

Алла не находила подругу красивой. У Муси были нескладно длинные руки и ноги, слишком смуглое лицо. Бесспорно хороши были только глаза — большие, выразительные. Но...

— Красивые глаза для армянки не качество. Глазами у нас никого не удивишь,— говорила сама Муся.

А в конце концов, разве любят только красивых?

Муся прямая, добрая, правдивая. Почему бы этому Вигену в самом деле не обратить на нее внимание? Сам он тоже не красавец!

Алла видела Вигена раза два и то издали. Но девушки, забравшись с ногами на тахту, часами обсуждали его достоинства и недостатки. Подробно оценивалось каждое сказанное им слово. В самых простых фразах всегда отыскивался иносказательный смысл.

— Он сказал: «Ну, мы это потом обсудим». Как это понимать: «потом»? Наверное, надеется встретиться, но не рискует прямо сказать.

Долго разбирали, в каком смысле могло быть сказано слово «потом». Алла спохватывалась первая:

— Скоро сессия, о чем я думаю!

Она садилась за пианино, которое почти вдвое удорожало стоимость их маленькой комнаты. Хозяйка поставила условие — не бить слишком сильно по клавишам. Когда Алла занималась, хозяйка входила и становилась около инструмента. Но своих обязательств она не выполняла. Комнату совершенно не топила. Алле приходилось играть в старых шерстяных перчатках, у которых она срезала пальцы.

В первое свое посещение Хачик все заметил: и перчатки и старую керосинку, которая больше отравляла воздух, чем давала тепла. Он деловито и требовательно расспросил, сколько хозяйка берет за комнату, почему девушки не живут в общежитии.

Муся сидела, изображая независимость и презрение. Когда Хачик ушел, она набросилась на Аллу:

— Что ты ему исповедуешься, как на экзамене политэкономии? «Мы из Ленинакана, у меня брат — агроном!..»— Муся скорчила смиренное лицо, передразнивая Аллу.— А потом что? Может быть, он разнюхивает все... Сама говорила, кем он был!

Алла обиделась.

— Во-первых, я жалею, что это тебе рассказала. Во-вторых, он сейчас секретарь комсомольской организации курса, если хочешь знать!

— А может быть, он тебе нравится? — подозрительно спросила Муся.— Может быть, ты с ним дружить собираешься?

— Именно дружить,— подчеркнула Алла.— Между нами будет дружба, а не то, что у нас теперь называется этим словом.

— Ну и поздравляю! — окончательно рассердилась Муся.

А Хачик и не предполагал, что может стать причиной ссоры подруг. У него были свои планы. В этот же день он отправился к брату на очередное строительство. Легкий, как белка, побежал он по лесам высокого здания будущей гостиницы. Брат стоял в пролете третьего этажа.

— Арсен,— сказал Хачик,— мне нужны какие-нибудь обрезки, доски — на дрова. Можешь обеспечить?

Арсен ни о чем не спросил. Он не любил много разговаривать.

— Сколько надо, я заплачу,— добавил Хачик.

Под вечер он привез полгрузовика деревянных обрезков и небольшую жестяную печку. Девушек дома не было. Хозяйка квартиры, старушка, похожая на кузнечика, внимательно живыми глазками следила, как Хачик выгрузил и сложил дрова. Потом, когда грузовик уже уехал, она быстро сказала:

— В комнате топить не позволю.

— Почему? — спросил Хачик.

— От тепла пианино потрескается.

— Бабушка,— убеждающе сказал Хачик,— а летом? В августе тридцать пять градусов жары бывает.

— Топить не позволю! — настойчиво повторила хозяйка, видя, что Хачик с жестяной печкой направляется к комнате.

— Ну, знаете,— вежливо заявил Хачик,— я тоже не могу позволить, чтоб моя сестра заболела воспалением легких. Мне моя сестра все-таки дороже вашего пианино.

— А мне мое пианино дороже! — твердо объявила старушка.

Хачик готов был ударить ее печкой по голове. Но он был человек выдержанный. Кроме того, хозяйка как-то странно посматривала на печку. Надо было выяснить, что у нее на уме.

— Ничего не сделаешь,— смиренно сказал Хачик,— завтра заберу дрова обратно.

Старушка помолчала, потом вздохнула.

— Зачем обратно? Не надо обратно.

Из-за ветхого шкафа, стоящего в передней, она проворно достала большой лист асбеста и постелила его на пол в передней.

— Вот! Печка у нас всегда здесь стоит. В стене дымоход есть. Дверь в комнаты откроем — всем будет тепло,— деловито говорила хозяйка, искоса поглядывая на Хачика. А он уже разгадал ее хитрость: в переднюю выходила дверь и старушкиной комнаты.

Когда Аллочка и Муся пришли домой, Хачик сидел у хозяйки и пил чай с вареньем.

— Скажи, как быстро втерся в доверие! — не утерпела Муся.— Мы второй год живем, а такой чести не удостоились.

Допив свой стакан, Хачик вошел в комнату к девушкам.

— Я там немного дров привез,— степенно сказал он,— печка пусть в передней стоит, как я ее установил. Будете топить — дверь к бабушке открывайте. Пусть и ей тепло будет.

И скоро к Хачику все привыкли. Он не требовал много внимания. Приходил тихий, сосредоточенный, приносил книги и занимался, пока Алла сидела за пианино. Музыка ему не мешала.

— Ах, самый трудный вуз — консерватория! — жаловалась Алла.— Предметы, как всюду, да еще специальность.

— Зато потом интересная жизнь. Концерты будешь давать,— утешала Муся,— или лауреатам аккомпанировать станешь. «У рояля концертмейстер Алла Савоян!» А я в какой-нибудь сельской школе прижмусь к репродуктору, чтобы послушать. Хачик тебе цветы преподнесет...

— Я в Россию поеду. Где-нибудь в России, в Сибири буду...— мечтательно заявлял Хачик.

— Бедная наша Армения на три года траур объявит! — язвила Муся.

Хачик часто ссорился с Мусей. Нельзя же над всем издеваться! Зато на Аллу он никогда не сердился. Алла спрашивала, потянув его за лацкан пиджака:

— Почему ты хочешь уехать, Хачь?

Трудно было это объяснить. Он мечтал оставить след своей жизни всюду: в Армении, в России, на Урале, на Дальнем Востоке. След его жизни должен быть вещественным, объемным. Это будут сооружения, воздвигнутые им на сотни лет. Под старость он объедет места, где строил дома. Они останутся памятью его жизни.

— Вот что! — сказала Алла.— Так нельзя рассуждать. А если человек — учитель или доктор? Выходит, он зря живет? Какой след я смогу оставить?

— Не беспокойся. Тебя на пластинку запишут,— мрачно сказала Муся.

Она последнюю неделю ходила грустная и сердитая. Все перемены Виген проводил на третьем этаже у филологов. Филологички — стиляги, модницы, сплетницы, маменькины дочки, это известно. Конечно, Виген уделял им внимание специально для того, чтоб позлить Мусю. Ей это было ясно, но все же неприятно. Настолько неприятно, что Муся даже занятия забросила.

Хачик уже давно был посвящен в историю этих отношений. Он только не был знаком с Вигеном и все удивлялся:

— Как это я его не знаю? Просто не может быть, чтоб я его не знал! Объясни, какой он из себя!

Познакомиться с Вигеном для Хачика не составляло никаких трудностей. Возле университета он подошел к группе студентов-биологов, среди которых был и Виген, поздоровался со знакомыми ребятами,— кого только Хачик не знал! — заодно пожал руку и Вигену. С этой минуты Хачик уже считал себя вправе потащить его за собой.

Они шли по нагорной части города, где по соседству стояли университет, медицинский и политехнический институты и целые кварталы студенческих общежитий. Тут же раскинулся нарядный садик — место свиданий и подготовки к весенним сессиям. Сейчас сквозь голые сучья деревьев садик просматривался насквозь, и было видно, что он совсем маленький.

— Значит, ты из Гориса? — осведомился Хачик.— Хорошие места. У вас там село Караундж. Знаменитую водку готовят. Лучше коньяка. Ты вообще выпиваешь? — спросил он Вигена.

— Как все,— ответил Виген.

— Тогда зайдем,— предложил Хачик, кивнув на маленькую закусочную,— кстати, один разговор есть.

Разговор предстоял не простой, но Хачик не смущался. Не то чтоб ему очень хотелось лезть в это дело, но другого способа помочь Мусе он не видел.

— Ты, конечно, еще не знаешь, какой я человек,— сказал он, наливая Вигену пиво,— потом у ребят спросишь, они тебе объяснят. Я только одно скажу: для меня дороже всего — товарищ. Девушка, парень — этому я значения не придаю. Лично я ни на какую девушку вида не имею. Это ты тоже должен знать. Теперь будем говорить.

Виген все больше мрачнел.

— О чем говорить? — спросил он.

— О жизни. Вот, например, ты

нравишься девушке. Она тебе тоже нравится. Вместо того, чтоб дружить, как ты поступаешь? То разговариваешь, то нет, то смотришь, то отворачиваешься...

— А ты кто такой? — угрюмо спросил Виген.— Тебе до этого есть дело?

— Я никто! — сказал Хачик.— Ты меня в счет не бери. Я просто хочу этот узел распутать для вашей пользы. Я могу плюнуть и уйти. Но ты мне скажи, для чего намеки? Девушки любят прямой разговор, а не намеки.

— Я намеки не делал,— возразил Виген,— наоборот, я прямо сказал...

— Ну, это я не знаю. Она со мной настолько не откровенничала,— немного удивился Хачик.— Только твое поведение непонятно. Зачем мучаешь человека?

— А я не мучаюсь? Если на то пошло, я больше мучаюсь. Пусть этот разговор останется между нами. Понимаешь, у меня в Горисе девушка есть. Давно с ней дружу. А здесь вот так получилось. Теперь не знаю, что делать. Каждый день себе слово даю: не пойду наверх. Все. А потом иду.

— Куда идешь? — осторожно спросил Хачик.

— На третий этаж. У нас филологический там. Иногда вовсе и не говорю с ней. Только посмотрю — и назад. И не знаю, что делать. А уже всем известно. Наши девчонки, знаешь, какие? От них не скроешь.

— Так, кое-кого из ваших знаю,— сказал Хачик.— У вас эта Муся Никосян учится?

— Самая главная змея! — решительно ответил Виген. Хачик вздохнул.— Всем прозвища дает. Один — «курица», другой — «столб». Меня «дубль-шесть» называет. Спросишь что-нибудь, как человека, глаза сощурит, смотрит на тебя, будто ты ее хлеб ешь.

Вечером Хачик пришел к девушкам. Алла сидела за столом и составляла конспект по марксизму. Муся полулежала на кровати, накинув платок, на котором были изображены крупные розы. Платок назывался «цыганским», и считалось, что Мусе он очень к лицу. Она гадала на истрепанных картах, на которых уже и фигур нельзя было разобрать.

Хачик встал посредине комнаты, держа руки в карманах пальто и не снимая шляпы.

— А ну, встань! — строго крикнул он Мусе.— Доводят человека черт знает до чего, а сами потом киснут. Садись, занимайся!

Муся подняла голову. Хачик сорвал шляпу и с ожесточением швырнул ее на тахту. Оперся рукой на стол.

— Был в одном месте,— сказал он сурово.— В компании. Выпили. Случайно с одним человеком разговорился. Что могу сказать? Человек был заинтересован девушкой, а что видел в ответ? Насмешки были? Обидные прозвища были?

Муся спрыгнула с постели и бросилась к нему. Цыганский платок волочился по полу.

— Милый, дорогой! — просила она.— Что он сказал? Что-нибудь про меня, да?

Хачик еще больше насупился:

— Человек сказал: «Чувство я похоронил в своей душе. Пусть буду несчастным, но уже все кончено. Я от нее, кроме насмешек, ничего не видел...»

— Правда, правда! — горестно соглашалась Муся.

— Больше парня не растравляй. Он уже с другой девушкой дружит. Совсем выкинь его из головы. Не подходи, не заговаривай. А не то что-нибудь плохое случится — и ты виновата будешь.

И горько и сладко было слушать Мусе эти слова. В ее воле было осчастливить человека — она его оттолкнула. Она для него недосягаемое счастье. Бедный, что ему оставалось делать, как не утешаться слабым подобием убитого чувства?!

Алла обняла подругу.

— Ну, все-таки, может быть, именно теперь надо с ним поговорить?

Хачик испугался. Но Муся подняла глаза, испытующе взглянула на него. На секунду ему показалось, что она все понимает. Муся тотчас затрясла кудряшками:

— Нет, нет, нет! Сама виновата!

— Так вот,— сказал Хачик,— теперь самолюбие выше всего. Сделай весь упор на занятия. Когда у тебя первый экзамен?

В этот вечер он ушел степенный, строгий и все же больше, чем всегда, похожий на довольного мальчишку.

4

Алла часто думала: как он к ней относится?

— Совершенно как брат,— уверяла она Мусю, но при этом немного кривила душой.

А как она сама к нему относилась?

Иногда Алла спрашивала:

— Неужели никто из девочек тебе не нравится?

Хачик усмехался:

— Ты вроде моей мамы. Она целый день ворчит: «Хоть бы кто-нибудь из моих сыновей женился!..»

Но Алла совсем не хотела, чтоб Хачик женился. Она даже не хотела, чтобы он дружил с какой-нибудь девушкой. Было даже странно, что она когда-то обходилась без него. Он давал ей конспекты, которые Алла предъявляла на зачетах, доставал билеты на концерты в филармонию, водил ее в кино. Было и спокойней и веселей, когда он появлялся в их комнате.

На время сессии Хачик пропал. Хотя он всегда гордился тем, что у него «система», что он каждый день по два часа занимается, а перед сессией только повторяет, тем не менее он засел за основательную зубрежку. Только раз забежал в консерваторию, когда Алла сдавала экзамен по «специальности». «Поболел» за нее в коридоре, успокоился и опять исчез.

Муся целые дни сидела на тахте, поджав ноги, и бормотала главы из физиологии растений и разделы органической химии. Иногда она вдруг начинала колотить себя книгой по голове и вопила, что совершенно ничего не знает. Однако экзамены сдавала на пятерки. О своей любви Муся вспоминала как о большом чувстве, похороненном по ее собственной вине. Алле казалось, что вот именно это и тяжело, но Мусю такая позиция устраивала.

Кончились экзамены. Муся уговаривала подругу поехать на каникулы в Ленинакан, но Алла не согласилась. Брат был в командировке в Москве, с ним все равно не увидишься. Чем зря тратить деньги, лучше купить туфли на каучуковой подошве, потому что лакированные прохудились.

Проводив подругу, Алла возвратилась с вокзала домой. В комнате было пусто и холодно. Бабушка-кузнечик отправилась гостить к одной из своих бесчисленных племянниц. Предварительно старушка перетащила все дрова в свою комнату и заперла их на замок. Алла залезла под одеяло. На вокзале было тревожно-весело, как всегда бывает на вокзалах. Студенты разъезжались на каникулы. Сейчас едут в поезде радостные, шумные. Дома их ждут не дождутся. А здесь ничего хорошего. Во-первых, в сессию Алла получила две четверки. Во-вторых, если купить такие туфли, о которых мечтаешь, то денег на жизнь определенно не хватит. И очень холодно, хотя она укрылась двумя одеялами — и своим и мусиным. Ноги просто ледяные.

Она немного поплакала. Сразу разболелась голова. Потом задремала, и ей стало жарко и тяжело. Все время засыпала и просыпалась, лицо горело, болели глаза, и было очень неудобно лежать.

Хачик пришел на второй день каникул. Он явился нарядный, в серой мягкой шляпе и новом костюме. В квартире был холодный, нежилой дух. На хозяйкиной двери висел чугунный замок. Он постучал. Алла тихо сказала: «Войдите». Увидев Хачика, сразу горько заплакала. Она заплакала от жалости к себе — больной, одинокой — и от счастливого чувства облегчения: раз Хачик здесь, все будет устроено, больше ни о чем не надо думать.

Он воскликнул:

— Что с тобой, девочка?

Алла лежала под одеялом одетая, в своей обычной красной вязаной кофточке. Всегда такая ладненькая, аккуратная, она сейчас казалась взъерошенным беспомощным зверьком. Волосы тяжелыми прядями выбились из прически, щеки пылали. Хачик присел на край кровати и взял ее маленькую, широкую руку, с коротко подстриженными ногтями. Рука была горячая и вялая, будто безжизненная.

Девушка больше не плакала Она забылась. Невытертые слезы высохли на ее глазах, склеив длинные ресницы в стрелочки.

Хачик думал, сдвинув брови и оттопырив губы. Затем он осторожно спрятал руку девушки под одеяло и встал.

— Хачь,— тихо сказала девушка,— ты не уходи.

Он не сразу ответил. От жалости и нежности у него срывался голос. Сердито пробурчал:

— Заболела, так уж лежи молчи!

Алла закрыла глаза. Он выбежал на улицу. Остановил такси, вернулся за Аллой, укутал ее с головой в одеяло и отнес в машину. Потом снова забежал в комнату, захватил ее пальто и туфельки, которые стояли у кровати, запер дверь и повез Аллу к себе домой. Она лежала на сиденье, а он стоял на коленях, поправлял одеяло и тихо повторял, уговаривая ее, как ребенка:

— Вот сейчас приедем, и все будет хорошо, немного, совсем немного потерпи.

У тети Марануш не хватило времени даже удивиться.

— Мама,— заявил Хачик,— это моя сестренка. Она заболела. Что надо сделать?

Тетя Марануш хорошо выхаживала больных. Аллу положили в комнате Арсена. Из старого комода тетя Марануш вынула простыни. Они нежно пахли айвой. Мать всегда клала айву в ящики с бельем.

Хачик сидел в кухне, прислушиваясь к легким шагам матери и чуть слышному голосу Аллы. Ему очень хотелось расположить всех к девушке.

— Ни отца, ни матери,— сообщал он, когда тетя Марануш заходила в кухню,— заболела, лежит одна. Что делать? Не бросишь. Привез к себе.

Мать слегка кивала головой и давала приказания:

— Досыпь в печку угля. Чайник долей. Ступай в аптеку: сушеной малины спроси.

Арсена не успели предупре-

дить. Он пришел с работы и сразу открыл дверь в свою комнату. На его кровати лежала очень румяная девушка с черными волосами. Она испуганно посмотрела на него блестящими, даже сияющими глазами.

Арсен отступил к двери, вбежал в кухню и наклонился к матери.

— Это что там такое, мама? — спросил он растерянным шепотом.

Мать тихо засмеялась.

— Хачикина сестренка,— сказала она и добавила, вздохнув: — Сирота. Заступника, охранителя над головой нету...

Хачик был охвачен жаждой деятельности.

— Ты будешь спать на моей тахте. Я на полу лягу,— объявил он брату.

Перетащил кровать тети Марануш в комнату Арсена, покрикивал на всех в доме. Даже сам дядя Акоп подчинился новым порядкам: ходил на цыпочках и совсем перестал разговаривать.

На третий день, когда Алла уже поправлялась, отец заглянул в дверь, вошел и протянул девушке руку. Алла смутилась, робко пробормотала: «Савоян» — и прикоснулась ладонью к жесткой руке дяди Акопа.

— Значит, болеешь? — сказал дядя Акоп.

— Я вам столько хлопот наделала! — попыталась улыбнуться Алла.

— Об этом не думай,— строго приказал старик, нагнулся и поднял с пола туфли. Он внимательно осмотрел их со всех сторон, черкнул ногтем по изношенной подошве. Потом сложил обе туфли вместе и молча унес с собой.

В этом доме говорили немного. Если за обедом дядя Акоп замечал, что на столе чего-нибудь не хватает — соли, маринада или его любимого стакана,— он поднимался и начинал ходить по комнате, пока мать не догадывалась, чего он хочет.

— Для чего лишнее говорить? — объясняла Алле тетя Марануш.— Слова беречь надо. Я и так все знаю. Придет, дверь откроет, меня глазами ищет,— значит, все хорошо. Если сразу в комнату проходит, ни на кого не глядит,— это или с председателем артели не поладил, или еще что-нибудь. О плохом спрашивать не надо. Ночью дети заснут — потихоньку расскажет. Если у него что-нибудь болит или нездоровится, я опять без слов знаю.

— А с сыновьями? Тоже знаете?

— Пока маленькие были, знала. Теперь уже не знаю. Теперь про них другие знать будут.

Через два дня дядя Акоп принес и поставил у кровати починенные туфли. Алла уже поправилась, вставала и даже пробовала помогать по хозяйству. Тетя Марануш сердито отталкивала ее от таза с грязной посудой, вырывала из рук веник, а Хачик рассудительно говорил:

— А что ж, пусть немного поможет, постарается,— и подмигивал Алле.

Он все эти дни сидел дома. Если уходил, то ненадолго. Где-нибудь на улице или у товарища счастливо думал: «У нас дома Алла» — и торопился к ней. По вечерам втроем играли в подкидного дурака. Алла никогда не могла выиграть, сколько бы у нее ни было козырей. Оставшись в дураках, сердилась по-настояще-

му. Тогда Арсен начинал поддаваться, но ей и это не нравилось. Она смешивала карты. Мать приносила на тарелке веточки сморщенного винограда, который с осени гроздьями висел в кладовой,— «подсластить рты».

Алле уже можно было выходить на улицу. Простуда прошла совсем. Хачик купил билеты в театр. Они отправились все трое. Алла шла между братьями — маленькая сестренка с длинными ресницами и румяными щеками. Ее надо было беречь от всего плохого. Хачик придирчиво требовал:

— Закутай шею, не разговаривай на улице!

После театра Алла повернула к своему дому.

— Нет, довольно! — сказала она твердо.— Сколько можно стеснять людей? Я уже поправилась. Большое, большое спасибо за все!

Хачик даже растерялся. Он не думал, что это чудесное ощущение теплоты и счастья может так быстро кончиться.

— Нехорошо ты поступаешь,— уговаривал он Аллу,— так нельзя. Ты маму и отца обидеть хочешь, да? Еще немного поживи, потом попрощайся, как человек.

Алла решительно помотала головой:

— Я специально приду к тете Марануш и дяде Акопу — поблагодарю за все.

— Разве в этом дело? Ну хорошо, сегодня ты еще можешь остаться? Арсен, а ты что молчишь, скажи ей!..— рассердился Хачик на брата.

Арсен развел руками:

— Что я могу сделать?

Алла улыбнулась и сразу будто отдалилась, перестала быть своей, домашней. Даже улыбка уже была другая, кокетливо-официальная, и голову она нарочно склонила к плечу.

Братья шли домой. У Хачика ко всему пропал интерес. Он ворчал:

— Свет не видел такой упрямой девчонки!..

— Нет,— сказал Арсен.— Она очень правильно поступила.

Хачик обиделся:

— Чем она тебе помешала?

— Честное слово, ты как ребенок! — сказал Арсен.— Ничем она мне не мешала. Украсила она наш дом. Но о девушке надо подумать? Соседи спрашивают: кто такая? Тетя Гаюша вчера прибегала, ты видел, какое у нее лицо было?

— Да черт с ней и с ее лицом! Плевал я на этих мещан!

— Ты можешь плевать. И я могу. А девушка — другое дело. Девушка за каждым своим словом должна следить. Тем более, Алла — сирота.

— Ну, знаешь! — сказал возмущенный Хачик.— Я этого от тебя не ожидал. Какие-то ветхие рассуждения! Она мне товарищ, сестра, понимаешь? Могут быть между нами товарищеские отношения?

— А у тебя к ней товарищеское отношение? — спросил Арсен.

— Ясно! — гордо ответил Хачик.

Они уже входили к себе во двор. Арсен размахнулся и со смехом ударил брата кулаком в плечо. Хачик мгновенно ответил ударом и весь напрягся. Брат схватил его за пояс, но не смог оторвать от земли. Раньше Арсену это удавалось легко, а теперь они долго топтались по двору, как заправские борцы.

5

Во втором полугодии у Аллы переменились часы занятий. Профессор занимался с ней по вечерам. Хачик терпеливо простаивал у консерватории, но почти всегда получалась какая-нибудь путаница: то Алла не пришла, то она уже ушла. Он отправлялся к ней домой. В передней у самой печки обычно сидела еще больше похудевшая Муся. Она кипятила воду и угощала Хачика жидким чаем и грустными разговорами.

— Главное — независимость,— рассуждала Муся.— Надо добиться чего-нибудь в жизни, чтоб все вокруг тебя уважали, ценили. А без любви как-нибудь проживем.

«До сих пор страдает»,— думал Хачик и примирительно говорил:

— Человек один не остается. Для каждого кто-нибудь находится.

— Мне «кого-нибудь» не надо! — яростно возражала Муся.— Если б мне мог просто «кто-нибудь» понравиться — ха, ха, пожалуйста! Десятки есть! В том-то и беда, что у меня требования высокие!

«Верно говорят, у любви золотые глаза,— думал Хачик,— я этого Вигена и вместо кошки в доме не стал бы держать!»

Иногда у Хачика хватало терпения дождаться прихода Аллы. С ней все менялось.

— С ума сошли! В такую жару сидите у печки! — кричала она, накрывала стол скатеркой, заваривала свежий чай и весело объявляла: — Печенья у нас нет, зато хлеб тоненько нарежем.

Она была приветливой и безразличной.

Чего ждал от нее Хачик? Нет, не благодарности! Его возмутила бы даже мысль об этом. Но ведь могла возникнуть между ними какая-то близость после того, как он на руках отнес ее в машину и несколько дней она жила под крышей его дома? Раньше она иногда трепала его за волосы, тащила за рукав, называла: «Хачь, милый!». А сейчас это все будто куда-то ушло. Исчезло что-то маленькое, почти незаметное, о чем даже и сказать нельзя, но очень важное...

«Наверное, Арсен прав,— рассуждал Хачик,— сейчас она за каждым своим словом следит». И все-таки он спрашивал:

— Когда ты к нам собираешься? Скажи, я за тобой зайду.

— Обязательно на той неделе,— обещала Алла,— обязательно!

Она пришла, когда Хачика не было дома. Он сидел с Мусей и ждал ее. Как он мог подумать, что Алла отправилась к нему? И Муся об этом не знала!

— Раз навсегда прошу, не спрашивай ты меня, где Алла, мне это неизвестно,— объявила она.

Но Хачику нравилось сидеть в этой комнате. Пестренький халатик Аллы висел на стене, от туалетного столика пахло ее духами, на столе стояла ее красная чашка.

— Каждый человек может подавить в себе любовь. Говорят, душа от этого становится богаче. Надо только силу воли иметь,— рассуждала Муся и внимательно смотрела на Хачика.

— Тебе еще не надоело? — сказал Хачик.— Слушай, я тебя прошу, займись полезным делом. Спортом, например. У тебя такие длинные руки и ноги, что, может быть, даже чемпионом станешь. Прославишься!

— За меня не беспокойся,— ответила Муся,— я как-нибудь без спорта прославлюсь. А свои советы ты запомни. Может, они еще тебе пригодятся.

Хачик встал. Не было смысла сидеть тут и слушать мусины разговоры. Когда он уже спускался с крылечка, Муся выскочила за ним в одном платье.

— Ну, что тебе? — не очень ласково спросил он.

— Хачик,— тихо сказала Муся,— ты на меня не сердись. Я не хочу, чтоб тебе было плохо.

Она взяла его за отворот пальто.

— При чем я? — спросил Хачик.— О тебе речь идет. Мне зачем сердиться?

Муся чуть оттолкнула его и убежала.

Дома на столе лежали остатки большого торта. Мать собирала стаканы, чашки, блюдца из-под варенья.

— Кто был? — спросил Хачик, не снимая пальто.

— Алла была,— тихо ответила мать,— вон торт принесла. Потратилась, бедная.

— Давно ушла? — Хачик метнулся к двери.

— Не догонишь, не беги,— сказала мать,— с полчаса как ушли. Арсен с ней.

«Как же я их не встретил? Ах, дурак, дурак! — злился на себя Хачик.— Сидел бы дома!»

Он дождался прихода брата.

— Проводил?

— Конечно, проводил.

— До самых дверей?

— Иди, малыш,— сказал Арсен,— я спать хочу.

Конечно, он не мог понять Хачика, которому надо было знать, что говорила Алла, как она улыбалась, как вошла с этим тортом. Не выходить бы Хачику в этот вечер! Он все топтался в комнате брата. Арсен будто не замечал его. Снял пиджак, аккуратно повесил его на вешалку, расправил рукава, отогнул ворот.

На пороге появилась мать.

— Отец зовет,— сказала она,— обоих зовет.

— Сейчас? — удивился Хачик.

Арсен невозмутимо снял с вешалки пиджак, снова надел его, подтянул галстук и пошел в комнату родителей. Хачик поплелся следом.

Отец сидел на кровати одетый, свесив ноги, обутые в шерстяные носки.

Они стояли в комнате, а отец делал вид, что их не замечает.

— Пришли? — спросил он у матери.

Она наклонила голову.

— Ну, вот что,— сказал отец,— я уже постарел. Когда был молодым, построил этот дом. Что смог, я сделал. А вы что сделали? Чем украсили свой дом? О чем позаботились? К вам люди приходят, на что им смотреть? Никакой обстановки нет. О чем вы думаете?

Он замолчал. Сыновья не трогались с места.

— Идите,— кивнул в их сторону отец,— я все сказал.

Они вышли. За дверью Хачик спросил у брата.

— Сен, что я должен сделать?

— Спать, — сказал Арсен и ушел к себе.

В воскресенье утром на большом грузовике Арсен привез мебель. Буфет и новенькое, блестящее пианино. Арсен догадался купить пианино! Он давно откладывал деньги на сберкнижку, но Хачик никогда не думал, что он собирает на пианино.

Хачик готов был на своей спине потащить инструмент в комнату, где не так давно ночевала Алла. Вот будет сюрприз для нее! Теперь и мать, и отец, и Арсен услышат, как она играет. Такая маленькая, а ударяет по клавишам, словно мужчина.

Отец сидел насупившись, будто его ничто не касалось. Только когда вещи были расставлены по местам и мать размещала в буфете посуду, он подошел, постучал пальцем по стеклянной створке буфета и спросил:

— Сколько отдал?

К пианино он не подошел.

Хачик быстренько оделся и выскочил из дома. Обычно в воскресенье днем он к Алле не ходил. В этот день с утра девушки устраивали уборку, стирку, купанье. Но сегодня все получалось удачно. Алла сидела дома и читала.

— Ничего не спрашивай, пойдем со мной, что-то увидишь, — пообещал Хачик.

Он вел ее по улицам, болтал о пустяках и представлял себе, как она войдет в комнату, увидит пианино, удивится, обрадуется. Потом удобнее усядется на стуле, положит маленькие руки на клавиши и, как всегда перед игрой, на секунду задумается.

Сдерживая счастливую улыбку, Хачик ввел Аллу в дом. Она неторопливо сняла пальто, шапочку, поцеловалась с тетей Марануш, за руку поздоровалась с отцом. Потом долго осматривала буфет, обсуждала, вместительный он или нет. Хачик не выдержал.

— Что буфет! Ты лучше сюда посмотри! — Он потащил ее в комнату Арсена, распахивая дверь, заглянул ей в лицо.

Алла не удивилась, не обрадовалась. Она улыбнулась своей милой улыбкой и пошла к письменному столу, за которым сидел Арсен. Спросила у него:

— Хорошо довез? Не поцарапали?

Хачик совершенно не понял смысла этих слов. Потом Алла подошла к пианино, несколько раз ударила пальцем по какой-то жалобно звучащей ноте и сказала:

— Я еще в магазине поняла, это ничего. Просто струна ослабла.

Она смотрела на Арсена, слегка улыбаясь, и у нее на щеках то появлялись, то исчезали глубокие ямочки. Потом тихо опустилась на стул и сразу заиграла что-то легкое, певучее, не глядя на клавиши.

Ее лицо было поднято к Арсену. Брат стоял, облокотившись на пианино. А Хачик должен был ждать, пока руки Аллы перестанут бегать по клавишам. Не мог же он уйти из комнаты, пока она играет.

Он стоял и ждал.

6

Тетя Гаюша твердо знала, в каких случаях жизни что принято.

— Плов с мясом на свадьбу? Ни в коем случае. Это не принято.

— Что же делать?

— Конечно, шашлык. А плов — со сладкой верхушкой. На верхушку кишмиш, сухие абрикосы, персики, чернослив. Рыбу и закуски само собой.

Арсен говорил:

— Я на все согласен, делайте, как хотите.

— Что значит «как хотите»? Как надо! За невестой с музыкантами поедете. Ах, вспоминаю былые годы, свою свадьбу! Какие музыканты были! Как гости танцевали! По улицам ехали — песни пели! Всему городу спать не дали!

Перед свадьбой работы хватало и женщинам и мужчинам. Товарищ Арсена дал ему на это время свою «Победу». Хачик съездил на Севан за свежей рыбой и в Аштарак за душистым, терпким вином и персиковой водкой.

В дороге было хорошо. Шоссе бежало вперед и вперед. Хачик бездумно следил, как мелькали оголенные деревья.

Дома все было сдвинуто с места, по комнатам сновали чужие женщины, и всем распоряжалась тетя Гаюша.

— Хачик, раздвинь столы!..

— Хачик, сбегай к соседям за стульями!..

— Хачик, наколи дров!..

Ничего! Все можно было делать — бегать, работать. Только одного Хачик не мог и не хотел — поехать вечером за невестой. Отправиться на машине с зурной и подарками к тому маленькому дому, в ту комнату...

Он думал об этом с самого утра и знал, что нельзя ему не ехать: он единственный брат жениха, ехать надо.

К вечеру толчея в квартире немного утихла. В самой большой комнате были накрыты длинные столы. Во дворе над тлеющими углями возвышался огромный котел, в котором доходил рассыпчатый плов. Шкура накануне зарезанного барана лежала перед порогом. Мясо, нарубленное на куски для шашлыка, выдерживалось в пряностях. Металлические острые шампуры были тщательно начищены и натерты сырой луковицей.

Как будто все готово, но для Хачика находились дела. Он сидел в маленьком погребе под домом и переливал вино и водку из бочонков в графины и бутылки. Это было долгое занятие, такое долгое, что Хачик не успел все закончить до того времени, как пришли музыканты и товарищи Арсена, чтоб ехать за невестой.

Музыканты заиграли еще во дворе. Яростно забил бубен, завизжала зурна, застонала тара.

Кто-то затопал, затанцевал. Тетя Гаюша кричала:

— А где зеленый платок? Подарки надо завернуть!..

Вчера Хачик видел эти подарки на столе у Арсена. Маленькие золотые часики, колечко с камушком, какие-то материи. И ему не верилось, что все это имеет отношение к Алле и больше он уже никогда не увидит ее такой, какой она была раньше,— в красной вязаной кофточке с заштопанными локтями.

Когда он так стоял и смотрел на подарки, в комнату вошел Арсен. В эти дни Хачик его почти не видел. Арсен стал рядом. Было очень трудно молчать.

— Она не любит голубого цвета, — хрипло сказал Хачик и тронул кусок шелка.

Арсен тронул его за плечо.

— Хочешь папирос, малыш? Я тебе купил.— Он сунул в карман хачикиного пиджака коробку «Казбека».

Сейчас, сидя в погребе, Хачик вытащил эту коробку и закурил.

А наверху волновались:

— Хачик! Где Хачик?

Тетя Гаюша кричала:

— Как это без младшего брата ехать за невестой? Где это видано?

Кто-то выбежал на крыльцо, чтоб спуститься в погреб. Хачик весь съежился. Но в это время раздался голос отца:

— Не надо. Поезжайте без Хачика.

С отцом никогда никто не спорил. Зашумела машина. Все звуки заглушила резкая музыка.

Уехали.

Хачик вылез из погреба. Наверное, еще что-нибудь надо сделать, уж во всяком случае переодеться. Он поднялся по ступенькам на балкон и остановился, прислонясь к столбу.

Был теплый, сыроватый февральский вечер, когда и земля и воздух уже не зимние и еще не весенние. Шаркая ногами, на веранду вышел отец. Он стал рядом. Хачик вопросительно посмотрел на отца.

— Сынок,— сказал отец,— вот я тебе говорю, и верь мне и запомни: ты еще на этот день оглянешься — улыбнешься.

Хачик молчал.

— Одному одно дается, другому другое. Не сажай свое сердце в клетку, сын!

— Нет, отец! — сказал Хачик.

В комнатах тихо двигались женщины. Мать тоже вышла на балкон.

— Ну,— сказал отец,— иди, сын, надень новый костюм. Встретим как следует твою сестренку в ее новом доме.

ВЕНЕЦИЯ — ГОРОД ТРУЖЕНИКОВ

Борис ПОЛЕВОЙ

Фото А. Новикова.

Вряд ли в Италии, стране очень богатой архитектурными памятниками, найдешь город, о котором было бы столько написано, рассказано и спето, сколько о Венеции. Рим со своими античными руинами, как бы вправленными в современные архитектурные ансамбли, поэтический Неаполь с Везувием, лениво курящимся на горизонте, шумный, деловой, музыкальный Милан, прекрасная, живая и веселая Флоренция — все они уступают этому удивительному городу, словно поднявшемуся однажды силою какого-то волшебства со дна голубой лагуны да так и застывшему на века, стоя по колено в воде.

Мы приехали в Венецию, чтобы принять участие в заседаниях Европейского общества культуры. Поезд из Австрии подходил к городу по неширокой дамбе, и издали показалось, что тут случилось невиданной силы половодье: закопченные здания окраин поднимались прямо из воды, и вода плескалась у самых стен. Потом мы вышли из большого красивого вокзала и тут же убедились, что никакого половодья нет. Широкая лестница спускалась к воде, волны омывали нижние ее ступени. Как троллейбусы, деловито и буднично двигались по каналу маршрутные катера. Точно такси, толпились у причалов на специальных стоянках черные гондолы, красиво выгибая тонкие лебединые шеи.

Вода канала с точностью отражала в перевернутом виде величественные очертания старинных дворцов, храмов, общественных зданий. У пловучих будочек, заменяющих автобусные и троллейбусные остановки, стояли очереди нетерпеливых пассажиров.

Город готовился к пасхе. Неистово звонили колокола, и в их звоне, напоминавшем звон старорусских церквей, чувствовалось влияние, которое в свое время оказала древняя Византия на культуру этого города. Расторопные продавцы бойко продавали туристам открытки с видами, пестрые бусы, изготовлением которых славятся местные мастера-кустари, пакетики с кукурузой, которые тут приобретают для кормления голубей. Загорелые женщины из пригородов с грубыми, обветренными лицами выгружали из гондолы на берег большие корзины с букетиками белых и синих подснежников. Весна на гондолах и лодках вплывала в этот город, где нет бульваров и парков, а садики при домах такие маленькие, что их можно накрыть скатертью, как стол.

Тут, в районе Большого канала, этой центральной городской магистрали, Венеция предстала перед нами во всем своем древнем великолепии, именно такой, какой она описана во всех туристских справочниках. Используя каждый перерыв в заседаниях, с волнением осматривали мы бесценные сокровища музеев, хранящих полотна великих мастеров Возрождения, чудесные мозаики порталов собора Святого Марка, пронесшие сквозь века неувядаемую свежесть своих красок, тихо бродили по залам Дворца дожей, наслаждаясь картинами Тициана, фресками Веронезе, Тинторетто.

Мы были очень благодарны нашим новым друзьям из Европейского общества культуры — образованным, широко эрудированным венецианцам, которые с чисто итальянским радушием помогали нам знакомиться с архитектурными, скульптурными и живописными шедеврами этого удивительного города. Дружеская помощь этих людей, влюбленных в свой город, в родное искусство, помогала нам увидеть и постичь то, чего не заметишь при беглом обзоре, торопливо двигаясь в потоке туристов, щелкающих затворами своих фотокамер.

Своеобразная и богатая история Венеции, ее борьба, ее старинные и новые обычаи, живые образы венецианцев прошлого — мужественных, энергичных, предприимчивых, искусных и в ремеслах, и в творчестве, и в войне — вставали перед нами со старых полотен, мозаик и изваяний.

И, рассматривая все это, мы не уставали дивиться тому, как искусство Возрождения, еще в значительной мере скованное религиозным сюжетом, было близко народу и как художникам даже в дни особых свирепств инквизиции удавалось в бесконечно разнообразных образах Христа, мадонн, святых или библейских персонажей рисовать своих современников, родных, соседей, наделяя каждый образ живыми, острыми, тонко подмеченными характеристиками.

Народный тип жителей Венеции с годами мало изменился. И, выйдя из музея, мы вдруг узнавали в современном венецианце, нашем коллеге по совещанию, в профессоре искусств, добровольно вызвавшемся проводить нас по музеям, в загорелом гондольере, в торговце голубиным кормом на площади Святого Марка или в карабинере, что в треуголке наполеоновских времен и в парике чинно прогуливается по Пьяцетте, в веселой подавальщице крохотной траттории или кофейни — во всех этих людях Венеции наших дней мы узнавали черты мадонн, святых Иоаннов, дожей, каких только что видели на полотнах великих мастеров.

Так на глазах настоящее искусство перебрасывало мост через века.

Путешествуя потом по городским каналам, бродя по улицам, таким узеньким и тесным, что хозяйка, живущая в доме напротив, передает подруге через улицу на щетке понадобившуюся к столу горчицу или соль, мы поражались тому, как сам этот город пронес через столетия, через годы побед и поражений, через наполеоновскую оккупацию и господство Габсбургов свой неповторимый облик, свой полный своеобразия быт.

Однажды во время таких прогулок мне необыкновенно повезло. Я познакомился с Галилео Борини, художником, литографом и гравером; у него была на одной из этих улиц-щелей крохотная, как спичечная коробка, мастерская. Этот венецианец — большой друг Советского Союза. Влюбленный в свой город, в его старину и, что особенно важно, в его современность, он помог мне рассмотреть за музейной внешностью Венеции то, чего не найдешь в туристских путеводителях и справочниках,— трудовое лицо города, его окраины, их обитателей. И, ей-богу, это обычно скрытое от чужеземцев лицо, которое турист почти никогда не видит, оказалось не менее привлекательным и захватывающе интересным.

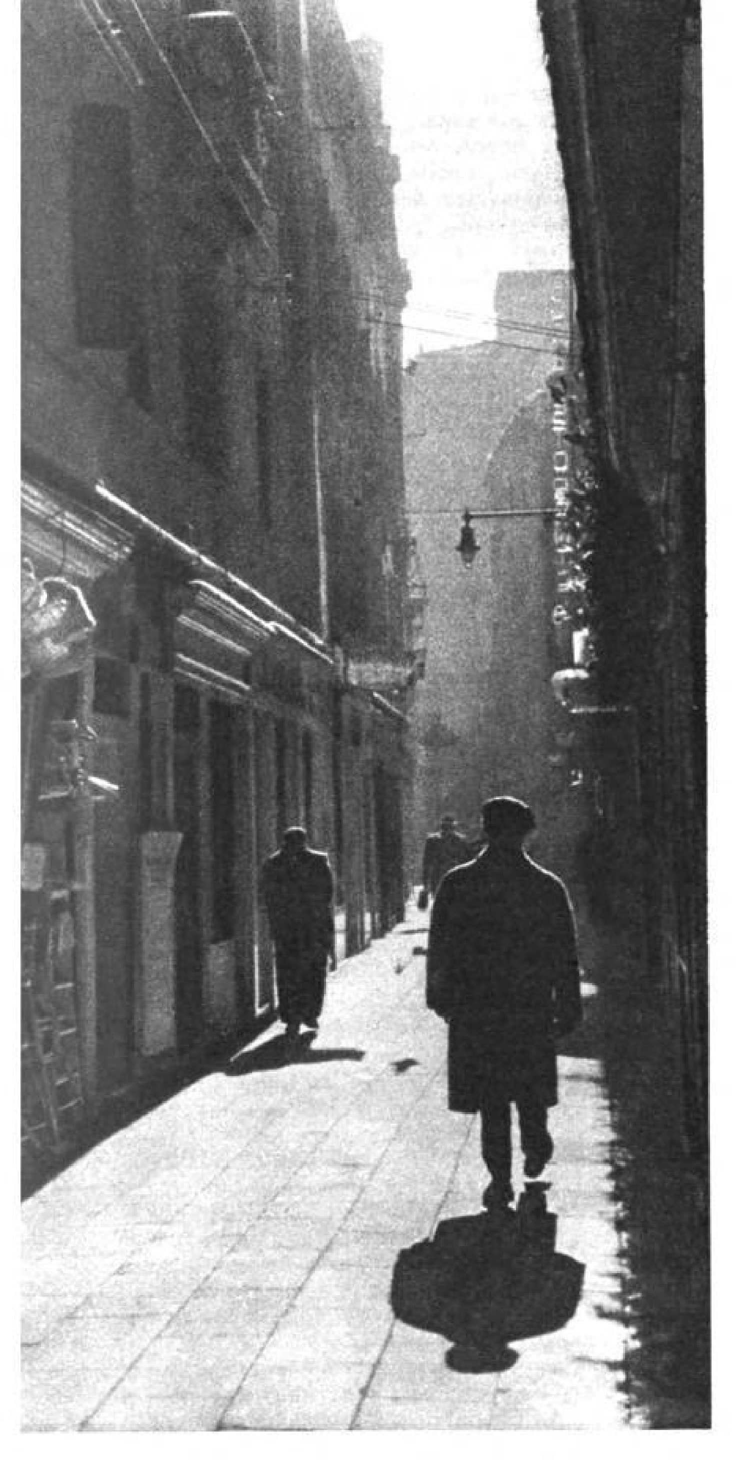
Нелегко живется труженикам, обитающим в старых, сплошной стеной стоящих впритык друг к другу домах, некрашеные стены которых, покрытые вечными пятнами сырости, отражаются в мутной воде узких окраинных каналов. В городе и его окрестностях двести тысяч жителей. Среди них почти двадцать тысяч — безработные. Безработный в Италии — это человек, не имеющий не только постоянного, но даже и временного заработка. Здоровые, крепкие, сильные люди вынуждены жить на подачки родственников, на помощь друзей и знакомых. Многие из них оказались безработными сразу же по окончании школы или после демобилизации из армии. У них нет даже профессии. Они согласны на любую, самую черную работу. Они готовы ехать куда угодно, в любую провинцию Италии. Но везде их крепкие, жаждущие труда руки остаются в бездействии.

Молодая симпатичная учительница, сама имеющая работу, рассказывала нам, как трагична участь ее безработных коллег, в особенности девушек. Учителя, по здешним обычаям, каждый год должны поступать на работу заново, выдерживать конкурс, и многие из них остаются за бортом. Такие учителя целый год кормятся кое-как, то нанимаясь сиделками при больных, то читая вслух книжки богатым барыням, то занимаясь случайной перепиской. И все же триста учителей только из числа преподавателей итальянского и латинского языков без места, без всякого заработка, лишь со смутной надеждой, что через год, через два, через три им, может быть, повезет.

О многих чудесных проявлениях солидарности венецианских тружеников, не опускающих голову под ударами судьбы, узнали мы от Галилео Борини! В годы второй мировой войны на улицах этого островного города

На одном из окраинных каналов.

Улицы Венеции узки.

действовали партизаны. Партизанить здесь было чудовищно трудно. Горстка фашистских солдат с автоматами, заняв мосты, легко брала под огонь все коммуникации. И, тем не менее, партизаны боролись. Борьба была жестокой, кровавой. Недалеко от отеля «Луна», где шли заседания Европейского общества культуры, нам показали мемориальную доску, напоминающую о том, что фашисты расстреляли здесь тринадцать партизан. Среди них был шестнадцатилетний мальчик Бьякотто. Этим именем назвали школу-интернат для сирот, отцы и матери которых пали в боях или погибли в фашистских застенках.

Школа первоначально была на попечении учреждений народного образования, но с некоторых пор они перестали ее финансировать, задолжав ей 45 миллионов лир. Школа должна была закрыться. Труженики Венеции решили не допустить, чтобы восемьдесят партизанских сирот очутились на улице. По заводам пошли подписные листы. Машиностроители, химики, рабочие верфей, знаменитые венецианские стеклодувы, рыбаки, всё люди, как правило, малообеспеченные, решили постоянно отчислять из заработка деньги на содержание школы. В маленьких тратториях на окраине, куда рыбаки, гондольеры, грузчики заходят вечерком пропустить стаканчик — другой вина, прочитать газету и посидеть у телевизора, у касс висят мешочки с надписью: «Для Бьякотто». Человек отказывается от лишнего стаканчика или выпьет вино без закуски, но уж обязательно положит в этот мешочек несколько монет. Вот из этих грошей, отданных тружениками, и складывается сумма, на которую до сих пор существует школа-интернат для детей погибших партизан...

Как-то на заре мы вышли за город, чтобы полюбоваться возвращением рыбачьих лодок. Лагуна еще была задернута легким туманом, с моря тянул резкий свежачок. Но солнце уже поднималось, и в розовых его лучах надутые ветром паруса казались окрашенными в разные цвета и выглядели необыкновенно ярко. Мы подивились тонкости вкуса рыбаков, украшающих паруса такими неповторимыми рисунками. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что вкус тут ни при чем: просто паруса сшиты из разноцветных лоскутов и из-за ветхости украшены разнокалиберными заплатами.

Вообще венецианскому рыбаку не до красивых парусов. Все его имущество — это лодка, которую он унаследовал иногда даже не от отца, а от деда. В ней он и живет вместе с женой и старшими детьми, оставив младших на попечении стариков где-нибудь в хижине на отдаленном острове. Здесь же, вернувшись с лова, заведя лодку в один из окраинных каналов, причалив где-нибудь под мостом, рыбак готовит себе пищу. Это густо сваренная кукурузная каша, кусок хлеба, иногда бутылка вина да две — три рыбки похуже, отобранные из улова. Даже в самые удачные годы рыбаку еле хватает денег, чтобы расплатиться с долгами, починить суденышко, подлатать парус, пополнить снасть. Но венецианский рыбак не унывает.

— Прадед, дед, отец прожили, так и мы как-нибудь проживем, мой милый синьор,— сказал нам один из рыбаков, загорелый крепыш, расположившийся чинить парус прямо на тротуаре возле моста. Он помог нам сойти вниз, в крохотное свое суденышко, показал убогое хозяйство, а жена его, такая же загорелая, крепкая женщина, тщательно обтерев куском бумаги ложку, гостеприимно угостила нас кашей из кукурузы.

Когда же хозяин лодки узнал, что среди его гостей человек из Советского Союза, он полез куда-то под одеяло, сложенное на корме, достал заветную бутылочку, оплетенную соломкой, и разлил вино по алюминиевым кружкам. Нет, синьоры, он на жизнь не жалуется. Бывает хуже. Бывает много хуже!

И тут же была рассказана история о трагедии одного из его товарищей, происшедшей здесь совсем недавно. В месяцы, когда рыба не идет, рыбаки превращают свои лодки в грузовые суда и развозят по городу кладь. Недавно на одном из каналов рейсовый катерок опрокинул одну из таких лодок, медленно двигавшуюся с большим грузом камня. Гондольеры, мгновенно слетевшиеся со всех сторон, спасли рыбака и его жену. Но их сын, четырнадцатилетний мальчуган, который во время катастрофы спал под деревянным навесом на корме, не успел проснуться и выскочить. Он пошел ко дну вместе с судном. И вот рыбаки, эти люди, добывающие себе хлеб невероятно тяжелым трудом, не всегда сытые, часто не имеющие праздничной одежды, собрали между собой сумму, необходимую для организации водолазных работ. Брали деньги взаймы и жертвовали. Тело мальчика найти не удалось, но денег собрали столько, что хватило не только для организации поисков, но и для того, чтобы купить потерпевшему новую лодку.

Чудесна душа венецианских тружеников, их прочная, непобедимая солидарность; она проявляется в малом, сказывается и в большом. Недалеко от города находятся заводы известной в стране компании Бреда.

Кормить голубей — не всегда приятное занятие.

Галилео Борини подарил Б. Полевому свою автолитографию, изображающую мост через Большой канал.

В войну они были завалены военными заказами. После войны из-за того, что Италия вследствие американского диктата оказалась отрезанной от своих традиционных рынков на Востоке, завод остался без заказов, и компания решила его закрыть. Нависла угроза массовой безработицы. И вот рабочие организовали комитет защиты завода и объявили то, что здесь называется «забастовка наоборот». Они заняли цехи и не дали закрыть завод. Они продолжали ходить на работу.

— Вы говорите, что нет заказов, — сказали члены комитета представителям дирекции,— хорошо, будем перестраивать производство.

«Забастовка наоборот» продолжалась. Завод начал ремонтировать торговые суда, потом строить суда для рыбаков. Борьба была выиграна — тысячам людей сохранена работа...

Мы сидим в маленькой мастерской Галилео Борини. Стены ее пестрят плакатами, гравюрами, литографированными пейзажами. Пахнет краской, лаком, скипидаром. Пожилой человек с усталым лицом, с прекрасными черными, вдохновенно сверкающими глазами, которые так напоминают глаза святых подвижников на иконах старых венецианских мастеров, с жаром рассказывает о жизни и борьбе тружеников венецианских окраин. Слушаешь эти рассказы и начинаешь испытывать то же восхищение веселыми, трудолюбивыми, гордыми венецианцами, какое испытываешь в минуты, когда в музеях, храмах или во дворцах стоишь перед творениями всемирно прославленных итальянских художников.

Это совпадение закономерно, ибо и в том и в другом одинаково ярко проявляется прекрасная душа народа.

Возвращаясь после прогулки по окраинам Венеции, куда надо добираться через десятки мостов, возвращаясь из темных улиц, где над каналом развешано сохнущее белье, а у горбатых мостиков молодые женщины с красивыми и строгими лицами мадонн играют в лото, хочется сказать бесчисленным туристам, кормящим голубей на площади Святого Марка, фотографирующим карабинеров или созерцающим пышную, как оперный спектакль, католическую службу:

— Господа, это же не главное. Это музей. Настоящая Венеция там: на рабочих окраинах, на островах, закопченных дымом заводских и фабричных труб.

На базаре у моста Риальто.

ВЕНЕЦИЯ.

Фото А. Н

С вокзала в гостиницу.

На одной из улиц Венеции

Первый полярный летчик

Передо мной лежит двадцать девятый том Энциклопедии. Читаю: «Нагурский Иван Иосифович (1883—1917) — русский военный летчик, совершивший первые полеты в Арктике на самолете. В 1914 году, в поисках русских арктических экспедиций Г. Я. Седова, Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова, Нагурский совершил (с Новой Земли) на гидросамолете 5 полетов, во время которых достиг на Севере мыса Литке и удалился к северо-западу на 100 километров от суши. Нагурский находился в воздухе свыше 10 часов и прошел около 1 100 километров на высоте 800—1 200 метров. Нагурский указал на возможность достижения Северного полюса на самолете».

Скупые строки в Энциклопедии да несколько более подробный, но далеко не точный материал в книгах об освоении Севера — вот и все, что мы знали о Нагурском. Судя по Энциклопедии, умер он в 1917 году.

И вдруг произошло небывалое! Не так давно я был в Варшаве и беседовал с... Нагурским! Высокий, стройный, светлоглазый и светловолосый, он сидел за столом и с увлечением рассказывал о том, как стал летчиком, о своих первых полетах на Севере.

Поляк по национальности, Ян Нагурский (на русской военной службе Ян стал Иваном) родился не в 1883, а в 1888 году и вырос на берегах Вислы, в маленьком городке Влоцлавек. Окончив там прогимназию, юноша недолгое время работал учителем, а затем, скопив немного денег, отправился в Варшаву, чтобы завершить образование. Получив аттестат зрелости, Нагурский попадает в Одесское пехотное училище. Закончив его в чине подпоручика, Ян Иосифович уезжает на Дальний Восток, где начинает службу в 23-м сибирском стрелковом полку, квартировавшем в Хабаровске. В 1910 году молодой офицер, выдержав экзамен, поступает в Петербурге в Высшее инженерное училище. В то время здесь уже существовал первый аэроклуб. Однажды товарищи по училищу пригласили Нагурского пойти с ними на аэродром. Неохотно согласившись на эту прогулку, отрывавшую от занятий, Ян так увлекся картиной полетов, что решил во что бы то ни стало научиться летать.

Курсантов в аэроклубе было немного — всего 12—14 человек. Первый полет Нагурский совершил на самолете, принадлежавшем американским авиаконструкторам и летчикам братьям Райт. Разъезжая по Европе, они демонстрировали свой самолет и затем продали его аэроклубу. Этот «усовершенствованный» аппарат напоминал опрокинутую набок этажерку. Если самолет наклонялся в полете, скажем, влево, то летчик должен был, наклонившись вправо, привести его в нормальное положение. Сиденье летчика было открыто со всех сторон.

В 1911 году о полетах Нагурского писала газета «Новое время». О нем говорили как о способном, смелом летчике.

В 1913 году общественность столицы была взволнована судьбой полярных экспедиций Седова, Брусилова и Русанова, от которых не было никаких вестей. Выдвигались настойчивые требования организовать поиски отважных исследователей Арктики. К тому времени Нагурский, окончив училище, служил в Гидрографическом управлении Морского министерства. Под давлением общественности министерство приступило к организации спасательной экспедиции, заключив контракт с Амундсеном и Свердрупом и закупив суда в Дании и Норвегии. То же управление предложило Нагурскому подготовить к участию в экспедиции самолеты.

Выбор пал на самолет «Морис-Фарман» — биплан с шестицилиндровым мотором мощностью в 100 лошадиных сил, поднимавший более тонны груза, со скоростью 100—110 километров в час при запасе горючего на 5—6 часов полета.

Ян Нагурский в период первых полетов в Арктике.

Один самолет был погружен на борт «Эклипса», которым командовал Свердруп, а второй — на «Герту».

Летом 1914 года «Герта» подошла к Новой Земле и в Крестовой губе высадила Нагурского с его ближайшим помощником, механиком Кузнецовым, матросом Черноморского флота.

После того, как самолет был собран за рекордное время, возник вопрос: как взлететь? Кругом торосы, битый лед, нет ровной площадки или чистой воды. На помощь пришла стихия — сильный ветер отогнал от берега битый лед, и очистилось большое пространство чистой воды. На самолет погрузили снаряжение, запас продовольствия, палатки, спальные мешки, винтовки, лыжи, примус. Нагурский должен был обследовать Новую Землю. Тем временем «Герта» ушла к Земле Франца-Иосифа, а вышедшее из Архангельска судно «Печора» должно было доставить летчику продовольствие и бензин.

Наконец Нагурский вместе с Кузнецовым полетели вдоль западного берега, внимательно осматривая побережье. Пройдена бухта Норденшельда, под крылом остров Панкратьева. Вдруг Нагурский заметил на острове какую-то избушку, а перед ней нечто вроде деревянной арки. Нагурский и Кузнецов посадили самолет вблизи этих островов. Выяснилось, что именно в этой избушке Седов с товарищами провел зиму 1912—1913 годов. Его судно «Св. Фока» встретило здесь тяжелые льды и не могло продолжить путь к Земле Франца-Иосифа. Обо всем этом Нагурский узнал из рапорта, оставленного Седовым в запаянной банке. Седов сообщал также о лишениях, которые пришлось пережить зимовщикам, и о гибели двух товарищей. С наступлением лета Седов продолжил свой путь.

Нагурский решил обосноваться здесь же, на одном из маленьких островков. Было сделано еще несколько полетов, но подошли к концу запасы продовольствия и горючего, а «Печоры» все не было. Наконец, продукты кончились.

— Мы с Кузнецовым вынуждены были заняться охотой,— рассказывает Ян Иосифович.— Убили медведя, потом тюленя подстрелили, но и поголодать пришлось...

«Печора» не могла подойти из-за тяжелых льдов. Грузы, доставленные для Нагурского, отправили на санях. Две недели добирались матросы до первого в мире полярного аэродрома.

Нагурский продолжал полеты. Он пытался долететь до Земли Франца-Иосифа, но не мог этого сделать из-за малого запаса горючего.

— Особенно памятен полет,— продолжает свой рассказ Нагурский,— в направлении острова Рудольфа. Чтобы облегчить машину и максимально использовать запасы горючего, я полетел один. Признаюсь, было жутковато! Куда ни глянешь, все пустынно, а под тобой то лед, то вода...

Таких больших, очень рискованных полетов Нагурский совершил пять, пробыв в воздухе 50 часов. Им были сделаны очень интересные наблюдения за поведением самолета, мотора и приборов в арктических условиях, описана картина ледовой обстановки, уточнены некоторые карты побережья Новой Земли.

Все свои наблюдения, выводы и советы Нагурский изложил в отчете, который был им послан в Гидрографическое управление и Морское министерство. Полеты, которые так удачно начал Нагурский, пришлось прервать в связи с началом войны. Захватив с собой двух пойманных медвежат, он отправился в августе 1914 года в обратный путь.

По возвращении Нагурский получил назначение в Ревель и нес службу в Килькоу, на острове Эзель. Начались вылеты на патрулирование морских рубежей, воздушные бои, охота за вражескими транспортами, перевозившими из Швеции железную руду.

В 1917 году, потеряв всякую связь с родителями, Ян Иосифович решает вернуться на родину. С трудом отыскав отца и мать, оказавшихся в чрезвычайно тяжелом положении, Нагурский остается с ними. Последующие события уже лишили его возможности вернуться в Россию. Не желая служить в армии Пилсудского, Нагурский работает инженером, в нем никто не узнавал отважного русского летчика, пионера полярной авиации.

— Когда фашисты напали на Польшу,— вспоминает Ян Иосифович,— мне грозила каторга, и я вынужден был прятаться по деревням.

В то грозное время Нагурский уничтожил свои драгоценные реликвии: письма Амундсена, Свердрупа, Нансена, фотографии, карты, вырезки из газет.

Теперь, когда Польша стала свободной, Ян Иосифович часто рассказывает молодежи об истории освоения русскими Арктики, внимательно следит за работами советских исследователей, благородными подвигами полярных летчиков, за смелыми экспедициями в Арктику и Антарктиду.

Несмотря на 68 лет, Ян Нагурский остается неутомимым инженером в одном из промышленных конструкторских бюро.

В заключение нашей беседы Ян Иосифович попросил передать сердечный привет Михаилу Васильевичу Водопьянову, Борису Григорьевичу Чухновскому и всем остальным полярным летчикам.

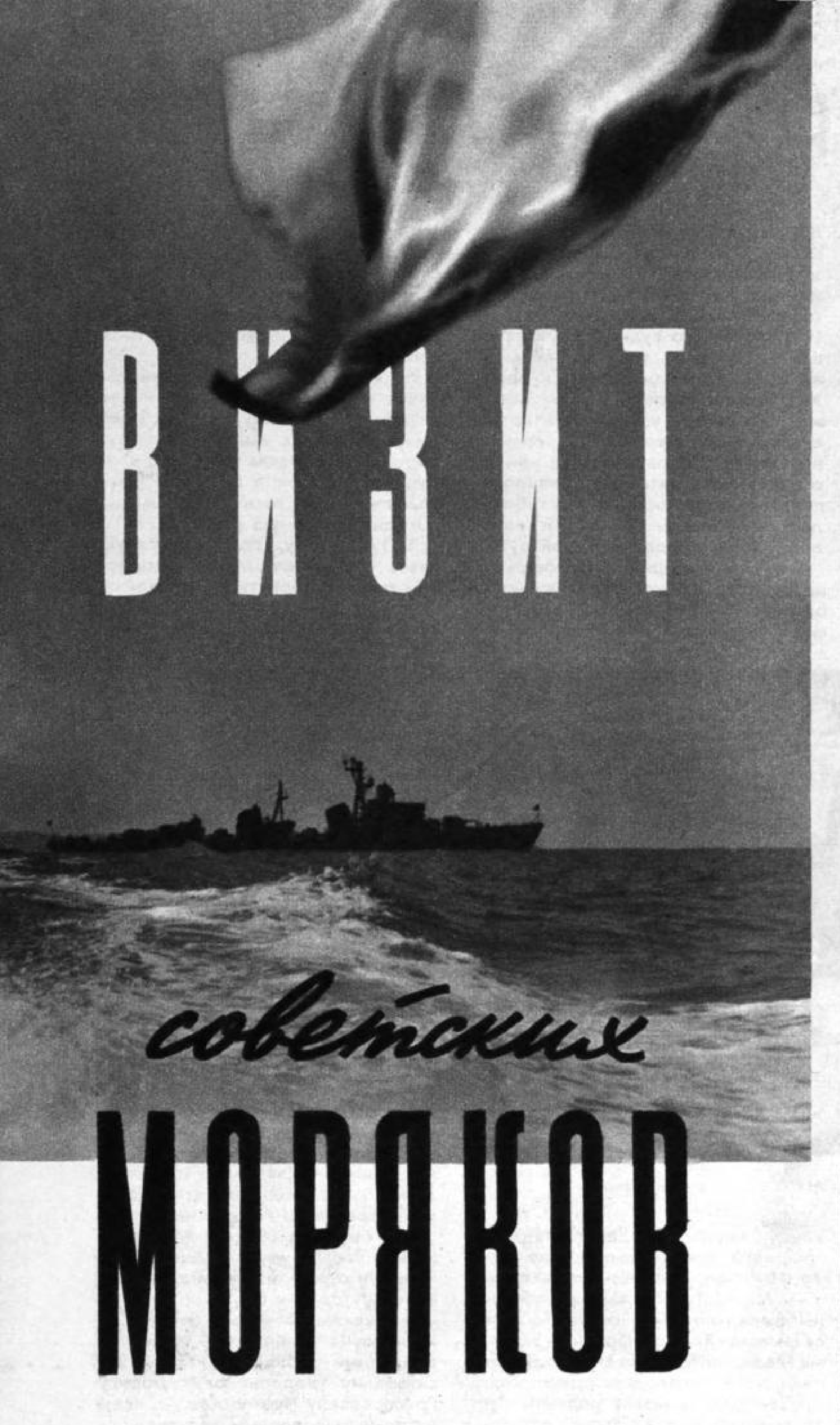

Ян Нагурский. 1956 год.

— А если кто-нибудь захочет написать мне несколько слов, буду очень счастлив,— улыбается Нагурский.— Мой адрес: Варшава, 89. Анин. Улица Лесна, дом № 30.

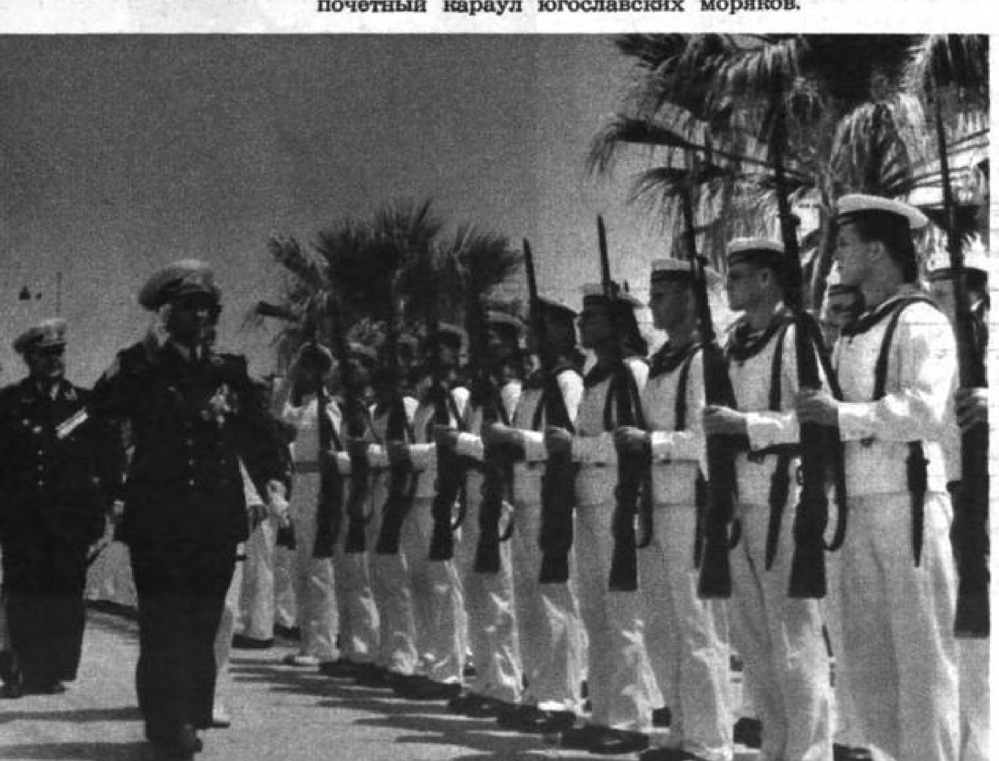
Ю. ГАЛЬПЕРИН

ВИЗИТ *советских* МОРЯКОВ

Я. РЮМКИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Командующий Черноморским флотом адмирал В. А. Касатонов обходит почетный караул югославских моряков.

Советские моряки в гостях у югославских крестьян в сельскохозяйственном кооперативе «Ерко Иованович».

В начале июня корабли советского Военно-Морского Флота — крейсер «Михаил Кутузов», эсминцы «Бессменный» и «Безукоризненный» — нанесли визит дружбы в порты Федеративной Народной Республики Югославии и Народной Республики Албании.

С утра до вечера на палубе «Михаила Кутузова» не прекращался прием гостей. →

На улицах Сплита.

Маленькие албанцы преподнесли советскому адмиралу цветы

На приеме у Председателя Совета Министров Народной Республики Албании Мехмета Шеху. Слева направо: Мехмет Шеху, контр-адмирал А. В. Загребин, адмирал В. А. Касатонов, посол СССР в Албании Л. И. Крылов и первый секретарь Албанской партии труда Энвер Ходжа.

На текстильном комбинате в Тиране.

К 75-летию со дня рождения Г. И. Котовского

Стенд, посвященный герою

Над пулеметной тачанкой поднято боевое красное знамя — исхлестанное ветрами, обожженное в сражениях, прошитое пулями. На потемневшем кумаче видны крупные буквы: «ВЦИК». Это знамя, полученное бригадой Григория Котовского от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Почетный революционный стяг уже давно не овевают походные ветры: он стоит в музее, напоминая о героике незабываемых лет.

Здесь, возле стенда, посвященного Г. И. Котовскому, 75-летие со дня рождения которого исполняется 24 июня, задерживаются многие посетители Центрального музея Советской Армии.

О большой жизни рассказывают им экспонаты.

...Это было в 1921 году. Бригада Котовского, переброшенная с Украины в район Моршанска, громила антоновские банды. Бригада наносила удары один сильнее другого. Сам Антонов был ранен и скрылся в лесах. Избежала разгрома только та часть банды, которой командовал атаман Матюхин. Она укрывалась в лесах, бороться с нею было очень трудно. И Котовский решил предпринять смелый, необычный шаг: бригада «исчезла», а вместо нее появились «кубанские казаки», которые якобы идут на поддержку Матюхина. Котовцы нашили красные лампасы, надели папахи. Сам Григорий Иванович именовался отныне войсковым старшиной, полковником Фроловым.

Военная хитрость удалась: Матюхин попал в западню, согласившись встретиться с Фроловым. Остатки бандитов были истреблены.

Во время схватки с матюхинцами Григорий Иванович был серьезно ранен в руку.

За успешную борьбу с бандами Котовский был награжден почетным революционным оружием — шашкой. Вот она, вынутая из ножен, лежит под стеклом. К рукоятке прикреплен орден Красного Знамени.

Рядом с шашкой подписанная М. В. Фрунзе грамота о награждении Котовского оружием.

Центральный музей Советской Армии к 75-й годовщине со дня рождения Г. И. Котовского подготовил специальную выставку. Среди ее экспонатов — золотые часы Григория Ивановича. Они переданы музею в минувшем году сыном Котовского. Посетители увидят также оригиналы грамот о награждении героя орденами Красного Знамени, фотографии и другие документы.

В. ВАСИЛЬЕВ

УСПЕХ СОВЕТСКИХ ФОТОМАСТЕРОВ

Недавно в Югославии — в Белграде и в городе Нови Сад — состоялись две большие международные художественные фотографические выставки. В них участвовали фотомастера и фотолюбители тридцати пяти стран. Впервые за послевоенные годы в этих выставках приняла участие большая группа советских фотомастеров, объединенная фотосекцией ВОКС.

За высокое качество и сюжетное разнообразие представленных экспонатов вся эта группа получила золотую медаль.

Из числа трех индивидуальных премий, которыми жюри выставок наградило советских мастеров, две присуждены фотокорреспондентам «Огонька». За цветной фотоснимок «Деда! Неверно поешь!» — опубликован в № 19, 1954 год — золотую медаль получил Ник. Козловский; за цветной фотоснимок «Новая картина» («Кукрыниксы») — опубликован в № 12 «Огонька», 1952 год — бронзовую медаль получил Дм. Бальтерманц.

Биография сборной

Кто эти молодые, веселые ребята и какое они имеют отношение к нашей теме о сборной команде СССР? Почему именно с них начинаем мы рассказ о сильнейших футболистах страны? Это игроки дворовых и юношеских команд — завтрашняя смена большого футбола.

Когда мы беседовали с игроками сборной футбольной команды СССР, то перед нами то и дело возникали дворы, пустыри и малые стадионы. Много общего в истории наших известных футболистов с теми, кого мы видим на этой заглавной фотографии.

Не будет ничего удивительного, если через несколько лет многие

М. МАРТЫНОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Правый полузащитник Анатолий Масленкин принял передачу от Николая Тищенко и сейчас направит мяч вперед своим нападающим... Пятнадцатилетним юношей Масленкин начал играть в футбол в команде двора по Большой Калужской улице, № 24. Тогда Толя был нападающим и выступал за сборную команду школы № 16 Ленинского района Москвы, в которой учился.

За десять лет Масленкин играл в различных юношеских коллективах и вот уже несколько лет выступает в команде общества «Спартак» — сначала дублирующим, а затем и в основном составе.

Теперь А. Масленкин — игрок сборной команды СССР.

Борис Татушин радуется забитому голу. Всего несколько лет назад мы услышали это имя. Сегодня двадцатитрехлетний форвард, прославленный правый крайний нападения «Спартака», прочно занимает свое место в составе сборной страны. Он еще очень молод, но его футбольный стаж исчисляется уже двумя пятилетками. Надо ли подробно описывать спортивную биографию Татушина? Она ничем не отличается от биографий многих других спортсменов. Футбольная команда дома № 3 на Троицкой улице в Москве, детская команда спортивного общества «Спартак» и, наконец, место на правом крае нападения сборной команды страны.

→

Соседу Татушина в пятерке нападения, игроку московской команды «Торпедо» Валентину Иванову 21 год. За сборную СССР выступает второй год. В 1946 году он жил на Автозаводской улице, № 44. Там стал играть в дворовой команде, а затем в пионерском лагере в Звенигороде. С тех пор он активный нападающий.

→

Николай Тищенко — правый защитник. Он только что выиграл «воздушный бой». Тищенко — воспитанник одной из дворовых команд улицы Московской в городе Люблино. Когда ему было 18 лет, он, студент Люблинского техникума железнодорожного транспорта, мечтал об одном: съездить в Москву, посмотреть игры его любимой команды ЦДСА. Теперь спартаковец Николай Тищенко — один из лучших защитников.

Самый молодой член сборной команды СССР — Эдуард Стрельцов. Ему скоро будет 19 лет. В то время, когда Разинский, Масленкин, Татушин уже играли в дворовых командах, восьмилетнего Эдика не подпускали к мячу. Но дворовые «специалисты» заметили, что Эдик хорошо водит, сильно бьет, и вскоре стали приглашать его в команду. Это было в Перове... В 17 лет торпедовец Стрельцов, зарекомендовавший себя как один из самых результативных центров нападения, был впервые включен в состав сборной страны. Он успешно выступает в ней третий сезон. В прошлом году в Стокгольме в игре со сборной командой Швеции три гола из шести забил Эдуард Стрельцов.

→

из этих ребят окажутся в командах сильнейших клубов, а может быть, и в команде, составленной из лучших игроков страны. Познакомьтесь с биографией сборной СССР, и вы увидите, что наше предположение не так уж фантастично.

А пока перед нами на поле футболисты в красных майках с буквами «СССР» на груди. В мае они проводили свою первую в нынешнем сезоне международную встречу со сборной командой Дании.

Каждому из них мы задали вопрос:

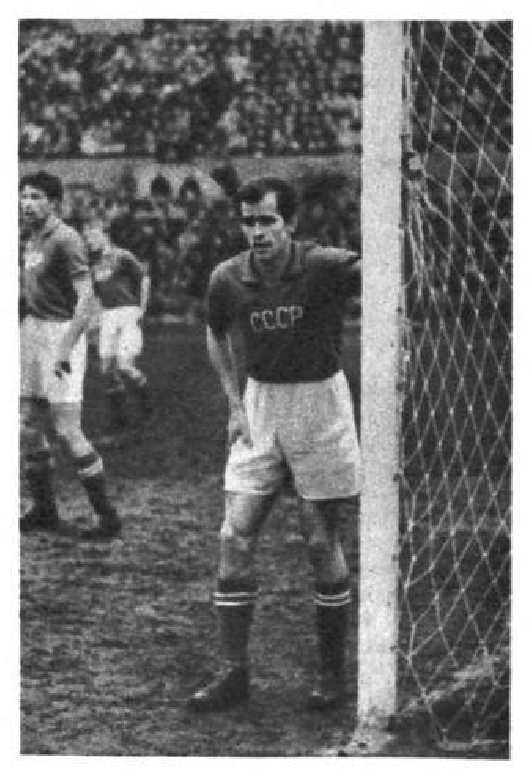
— Где вы играли десять лет назад?

Вратарь Борис Разинский — игрок команды Центрального Дома Советской Армии. Ему было тринадцать лет, когда он впервые вышел на поле. В то время вратарь Разинский играл центрального нападающего в тульской юношеской команде общества «Пищевик».

Кто из любителей футбола не знает Игоря Нетто — капитана московского «Спартака», бессменного игрока сборной команды Советского Союза и ее капитана! Игорь Нетто шестнадцатилетним юношей играл во дворе, но был известен как футболист уже во всем Даевом переулке в Москве. Затем он был принят в юношескую команду стадиона «Юных пионеров».

Интересно отметить, что И. Нетто всегда, начиная со школьной команды и кончая сборной СССР, играет только на месте левого полузащитника. Он считается одним из лучших полузащитников Европы. ↓

← На снимке левый защитник Михаил Огоньков — игрок московской команды «Спартак». Он ждет мяч с углового удара. Огоньков — ровесник Разинского, и путь их к сборной один и тот же. Десять лет назад Миша Огоньков был героем Мытной улицы. Команда дома № 48, в которой он был лидером атак, не знала поражений. У Миши были свои любимцы. Все свободное время проводил Огоньков на стадионе завода «Красный пролетарий», где тренировались торпедовцы. Затем Миша Огоньков стал завсегдатаем стадиона «Динамо». Он восторгался здесь игрой Григория Федотова и Всеволода Боброва и вот теперь сам играет на главном футбольном поле страны.

↑ Анатолий Башашкин — один из самых популярных футболистов в СССР. А. Башашкин — неоднократный участник международных встреч, много раз выступал в составе сборной СССР. Центру защиты Башашкину 31 год. В 1946 году он уже играл в команде Тбилисского Дома офицеров, а затем вошел в состав команды ЦДСА, переняв эстафету у сильнейшего в то время центра защиты Ивана Кочеткова. Его учителем был Г. Федотов.

→ Атакует Сергей Сальников — один из лучших форвардов Европы. Он увлекся футболом в 1941 году в детской команде «Спартака» и десять лет тому назад уже играл в команде мастеров.

В июне 1946 года, выступая в городе Валоне (Албания), он забил гол, который закрепил победу его команды. Много забитых голов числится на его счету и в других международных состязаниях. В матче с Данией С. Сальников забил два мяча.

Анатолий Ильин подает угловой удар. Он игрок «Спартака» и неоднократный участник международных встреч в составе сборной команды СССР.

Десять лет назад Толя Ильин играл в юношеском коллективе общества «Трудовые резервы». →

* * *

Через неделю состоится вторая международная встреча команды СССР, на этот раз в Копенгагене. Биография сборной продолжается. Нет сомнения, что ее состав будет обновляться: у нас много способных молодых спортсменов, а команде СССР нужен непрерывный приток свежих сил: ведь ей предстоят состязания с сильнейшими командами мира!

Из истории почты

Сельский почтальон на ходулях. Франция, XVIII век.

Пересылка известий скороходами известна с глубокой древности. Древнеегипетские памятники хранят изображения почтовых курьеров, передающих известия фараонам. В древней Греции гонцы пользовались большим почетом. Геродот упоминает о Фидиппиусе, который мог пробежать в сутки расстояние, равное 1 200 стадий, то есть около 200 километров.

Эстафетная почта, по свидетельству Марко Поло, была хорошо налажена в Китае. В XIII веке на каждой большой дороге там для путешественников были станции с почтовыми домами и со сменными лошадьми. Станции находились на расстоянии 25—30 миль друг от друга, а между ними располагались деревеньки, в которых останавливались пешие гонцы. Каждый скороход пробегал только три мили. К поясу его были привешены маленькие колокольчики, звон которых извещал сменщика: необходимо подготовиться к приему эстафеты. По прошествии суток, отмечал Марко Поло, царь получал таким способом известия, которые обыкновенным путем дошли бы до него не ранее чем через 10 дней.

Марка, посвященная 75-летию Всемирного почтового союза.

Еще в первой половине прошлого века стоимость почтовых услуг во всех странах зависела от расстояния и была непомерно высока. Средства для доставки почты населению были примитивные. Так, на горных дорогах Испании почту перевозили в дилижансах, запряженных мулами, а в болотистых местностях Франции почтальонов снабжали ходулями.

Единый почтовый тариф, вне зависимости от расстояния, на которое пересылается почта, впервые был введен в Англии в 1840 году. Тогда же появилась и первая почтовая марка.

Однако начало современному международному почтовому обмену было положено лишь в 1874 году, когда в Берне был организован Всемирный почтовый союз.

И. ДАЙХЕС

Законный БРАК

Юр. ЧАПЛЫГИН

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Степан Петрович Куриков, заместитель председателя горсовета, смущаясь, сказал секретарше:

— А знаете, Анна Михайловна, сегодня я вечером работать не буду. Сбегу, понимаете ли. Давнего приятеля неожиданно встретил. Так вот старик зазвал меня на новоселье.

Секретарша одобрительно кивнула головой и улыбнулась: Степан Петрович редко вырывал свободный вечер, а когда это случалось, он всегда отпрашивался у нее кротким, виноватым голосом.

К назначенному часу Куриков подъехал к дому, в котором сегодня торжествовало радостное племя новоселов. Около пышного и парадного главного подъезда, украшенного жирными каменными львами, похожими на объевшихся котов, царило оживление.

Знакомые и близкие поздравляли архитектора. Фотографы спешили запечатлеть для потомства величавое сооружение — огромный девятиэтажный дом № 58, занявший целый квартал по улице Репина. Строители, ликуя, вели корреспондентов газет в нарядное фойе только что отстроенного в нижнем этаже кинотеатра и громко вздыхали, вспоминая на ходу о трудностях. Степан Петрович быстро проскочил мимо этой шумной группы, стараясь остаться незамеченным, — он боялся, как бы его не задержали и не заставили произносить приветственную речь. Его больше интересовала часть неофициальная, обещавшая стать не менее приятной. Новоселы деловито тащили к лифтам из ближайшего «Гастронома» шампанское, фрукты, шпроты, пикули и соус майонез к винегрету...

...Обняв приятеля, Куриков скромно присоединился к общему веселью. Все шло прекрасно: пронзительно играл патефон, бодро и наперебой острили мужчины, охотно и кокетливо смеялись женщины. И вдруг в разгар вечеринки раздался неожиданный треск. Оказалось, на кухне осыпаются, словно осенние листья с дерева, кафельные плитки.

Затем «прибежали в избу дети». Второпях зовя отца, бледные и напуганные, они сказали:

— Папа, папа, там видно улицу!

— Ну и чего вы испугались, глупенькие? — спросил Иван Григорьевич, глава семьи. — На то и окно, чтобы видеть из него улицу.

— Нет, не в окно, а прямо в стену. Там такая большая-большая щель. Проходит петькин кулак.

Воцарилось неловкое молчание. Пытаясь вернуть праздничное настроение, гость-оптимист запел: «Виют витры, виют буйны...» Никто не подтягивал. Это было бы просто нетактично. Все стали замечать, что «буйны витры» в квартире действительно «виют».

Пир уже был, как говорится в былинах, в полупире, когда хозяева и гости начали замечать новые странные явления. Едва успевали они запеть взамен «Витров» «Выходила на берег Катюша», как откуда-то слышалось: «Выйду ль я на реченьку». Правда, некоторое созвучие в этих двух песнях и было, но все же восторженное настроение хозяев поубавилось.

— Звукопроводность классическая, — мрачно заметил гость-пессимист. — Советую продать радиоприемник: будете слушать бесплатно два соседских.

Вечер кончился грустно. Куриков прощался с другом, стараясь не глядеть ему в глаза.

Дней через десять Степан Петрович поехал навестить новосела. «Не может быть, черт возьми, — думал он, — чтобы экий громадный дом был построен так скверно». Куриков вошел в квартиру приятеля одновременно с ним: Иван Григорьевич только что вернулся с работы. Оба они замерли на пороге, потрясенные драматическим зрелищем.

Близкие Ивана Григорьевича забрались на кровати и диваны и, подобно княжне Таракановой на известной картине, жались к стене, с ужасом разглядывая бушующую на полу водную стихию. Оказалось, лопнули трубы парового отопления.

В комнатах прочно установилась температура холодильника. Дети учили уроки в перчатках и шубах. Они отказывались смотреть по телевидению «Деда Мороза». Мороз надоел ребятам в жизни.

В коридоре то и дело раздавались звонки. Это жильцы соседних квартир приходили делиться своим невеселым опытом. Многие из них, не сходя с постели, могли любоваться зимним пейзажем: у стен на полу появлялись снег и лед. В других квартирах превалировал весенний пейзаж: звонкая капель будила жильцов — это протекали потолки. Всюду паркет вздыбился волнами, будто море при легком ветре.

— Да, оно действительно... того...— не находя более убедительных слов, пробормотал Степан Петрович, когда наконец остался вдвоем с приятелем.

И тут приятель, тихий научный работник, всегда с пренебрежением относившийся к бытовым заботам и дрязгам, не выдержал. Он сознался, что окончательно выбит из колеи. Вечерами он, вместо того чтобы писать докторскую диссертацию, наскоро обогревал закоченевшие руки у синего огня газовой плиты и садился строчить очередное заявление. Нет, нельзя было молчать! Он впервые столкнулся с таким откровенным бракодельством и в таком масштабе. Построить дом стоило 25 миллионов рублей. И вот из-за чьего-то равнодушия вместо радости для сотен жильцов этот дом стал сплошным огорчением — двадцатипятимиллионным браком. Государство не жалеет средств, чтобы дать как можно больше благоустроенных квартир. Строителям поручили воздвигнуть дом со всеми удобствами. А у них вышел дом со всеми неудобствами.

— Правильно, правильно, старина! — сказал Куриков. — А ну, давай твое заявление. Я разберусь сам, я им покажу, этим халтурщикам, бракоделам. Они у меня на всю жизнь запомнят!

Утром следующего дня Степан Петрович вызвал к себе начальника строительного управления Барсова. Склонившись не слишком подобострастно, но вполне почтительно, начальник управления мягким, успокаивающим нервы баритоном осведомился о том, чем он может быть полезен.

— Как это получилось?! — уже не сдерживая своего возмущения, закричал Куриков. — Какой головотяп разрешил принять недостроенный дом?

Приятный, ласкающий слух баритон произнес в ответ:

— Ну, зачем же так резко, Степан Петрович! Согласитесь: головотяп — это уж слишком...

— Не спорьте со мной! Именно злостный головотяп. И не вздумайте его укрывать, раскаетесь. Называйте имя!

— Ну, уж если вы так настаиваете... Куриков Степан Петрович...

Заместитель председателя горсовета остолбенел и мгновенно вспомнил все... Была большая запарка — конец квартала... Сам Сидор Кузьмич позвонил тогда ему, Курикову, и спросил:

— Ну, как у тебя с планом жилищного строительства? Вытянешь?

Куриков был отнюдь не уверен в том, что план удастся вытянуть, но больше всего на свете он боялся испортить отношения с Сидором Кузьмичом, а поэтому поспешил ответить как можно более веселым голосом:

— Будьте спокойны, Сидор Кузьмич. Обязательно вытянем!

В эту критическую минуту вошел добрый гений... Барсов передал рапорт треста о завершении стройки дома № 58 по улице Репина.

Это был козырной туз, который сразу принес выигрыш. Огромный дом, едва успев попасть в отчет, обеспечил выполнение плана на целых 103 процента. Наскоро осведомившись: «А все ли тут в порядке»,— и получив милое, успокоительное заверение рокочущего баритона, Куриков подписал отчет и вздохнул с облегчением: «Уфф, гора с плеч!..» С тех пор прошли месяцы, и Куриков забыл о доме № 58. Как он ни велик, а в городе строится много больших домов... И вот теперь...

Степан Петрович очнулся... Барсов все еще стоял у стола, галантно склонив голову, украшенную аккуратным пробором.

— Идите, — глухо сказал ему Куриков. — Я разберусь сам.

На душе заместителя председателя было очень противно. Ему беззастенчиво втерли очки, и вот теперь сам он стал очковтирателем. Почему же все так вышло? Где же был стройконтроль? Что смотрела санитарная инспекция? Два дня разбирался потом Куриков, желая понять причину загадочного поведения стройконтроля и санинспекции.

Оказалось, что дóма, который стоит несколько миллионов рублей, никто не принимал. Прораб строительства обошел вместе со слесарем домоуправления несколько квартир. И слесарь кудрявым почерком лихо расписался в приеме многомиллионного сооружения. Начальник треста браво отрапортовал по начальству: так и так, стараемся изо всех сил, дом готов к эксплуатации.

Прочитал молодецкий рапорт гибкий Барсов и грянул в колокола — вписал лакомый процент в сводку о ходе жилищного градостроительства. А заместитель председателя Куриков умилился и подмахнул бумажку, разрешавшую заселить дом немедленно.

После такого благословения состояние маниловского умиления охватило и Госархстройконтроль. Руководитель этой организации Косиков поступил по примеру шекспировского Полония, который в разговоре с Гамлетом готов был считать облако похожим и на верблюда и на любое другое животное, каковое назовет принц. Куриков сказал: «Дом готов». Косиков видел, что дом не достроен. Знал, что ему надо использовать свои права и обязанности — запретить вселение. Однако он не захотел ссориться с заместителем председателя и любезно поддакнул ему. А для безопасности Косиков дипломатически написал в акте, что вселение в недостроенный корпус «распоряжением тов. Курикова разрешается».

Требовалось еще разрешение санинспекции. Главный врач санэпидстанции смело и решительно заявил, что корпус с такими недоделками заселять не позволит. Но вот он заметил, что предложение о заселении корпуса вызвало благосклонную улыбку Курикова. Тут мгновенно твердые убеждения главврача переменились, и он тотчас разрешил заселение.

— Надо доделывать дом,— сказал себе Куриков. — Так нельзя!

Однако для того, чтобы доделывать дом, нужны были немалые деньги. Пришла весна, настало лето... Степан Петрович уже начал забывать о доме № 58 и снова обрел было обычную свою самоуверенность. Но вот на одном совещании с людьми науки встретил он своего приятеля Ивана Григорьевича. Куриков хотел было юркнуть в ближайшую дверь, но тихий Иван Григорьевич доверчиво улыбнулся, горячо пожал руку и спросил:

— Ну, как, Степа, с моей петицией?.. Понимаешь, я не из личных соображений. Какой из меня склочник! Только вот были у нас комиссии — установили: зимой средняя температура от одного до четырех градусов тепла! Ужас! Ведь это ж, пойми, преступление. Сам посуди: бракоделов, которые выпускают плохие кастрюли, чайники или перочинные ножи, у нас привлекают к уголовной ответственности. Но двадцатипятимиллионный дом — это не кастрюля. А тут очковтирателей и бракоделов чуть ли не поздравляют: «С законным браком!..»

Куриков неловко закивал головой и засуетился, сделав вид, что очень спешит. Дня через два он все-таки съездил к дому № 58, побродил по двору и даже зашел в одну — две квартиры. Все оставалось попрежнему. Только домоуправление, желая, видимо, продемонстрировать свою заботу об огорченных жильцах, вывесило во всех подъездах объявление: «Даются уроки игры на семиструнной гитаре». Подняться к Ивану Григорьевичу Куриков так и не решился.

Вернувшись в горсовет, Степан Петрович приказал вызвать Барсова. Он уже твердо и окончательно решил: — Надо признаться в ошибке, запросить денег на достройку. Пусть строго накажут виновных. И меня в том числе.

В это время зазвонил телефон. Знакомый бас Сидора Кузьмича властно сотрясал мембрану:

— Здорово! Как дела? Со строительным планом меня не подведешь? Ну, ну! Я вот хочу тебя похвалить в докладе. Пусть другие учатся! Ну, ну!

Степан Петрович даже покрылся легкой испариной, подумав о том, какой опасности он себя чуть было не подвергнул. Вот уж было бы некстати это неуклюжее признание ошибок!

— Будьте спокойны, Сидор Кузьмич! — торопливо ответил он. И ему показалось, будто его голос стал тоньше и напоминает слышанный часто в школьные годы голос первого ученика, которого не любили товарищи за то, что он слишком уж старался понравиться классному руководителю.

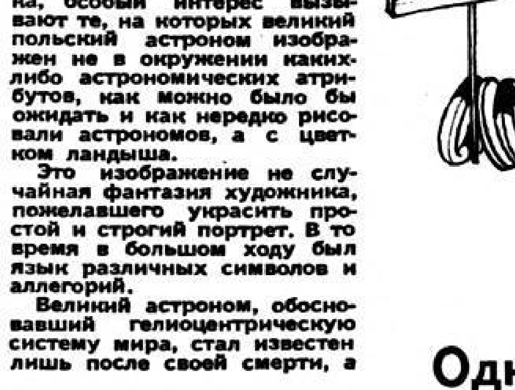
Куриков положил трубку; ему было и хорошо и неловко.

— Вы меня звали? — проурчал приятный баритон Барсова.

— Да, — ответил Куриков. — По поводу того заявления. О доме № 58. Ответьте им что-нибудь. Нельзя столько времени мариновать письмо трудящихся... Ну там: «Принимаются меры...» В общем, вы знаете, как ответить.

— Разумеется, знаю, Степан Петрович, — радостно отозвался Барсов и подарил своего шефа очаровательным, лучезарным взглядом, исполненным беспредельной преданности.

Портрет Коперника

Среди портретов, сохранивших нам облик Коперника, особый интерес вызывают те, на которых великий польский астроном изображен не в окружении какихлибо астрономических атрибутов, как можно было бы ожидать и как нередко рисовали астрономов, а с цветком ландыша.

Это изображение не случайная фантазия художника, пожелавшего украсить простой и строгий портрет. В то время в большом ходу был язык различных символов и аллегорий.

Великий астроном, обосновавший гелиоцентрическую систему мира, стал известен лишь после своей смерти, а

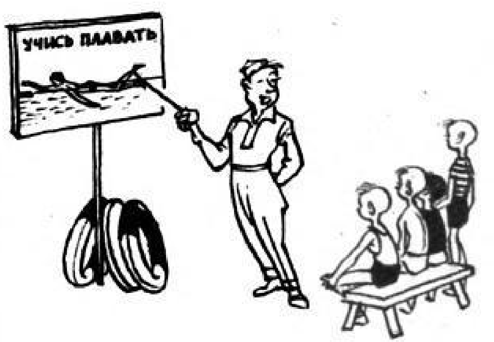
среди современников он славился прежде всего как государственный деятель и искусный врач. Он успешно практиковал, никогда не отказывая во врачебной помощи неимущим больным. Популярность его как врача была велика, а эмблемой врачей в старину был ландыш, настойка из цветов которого до сих пор является важным сердечным средством.

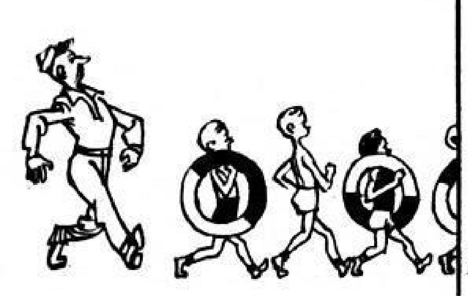
Вот почему Коперник изображен со скромным, но прекрасным цветком ландыша.

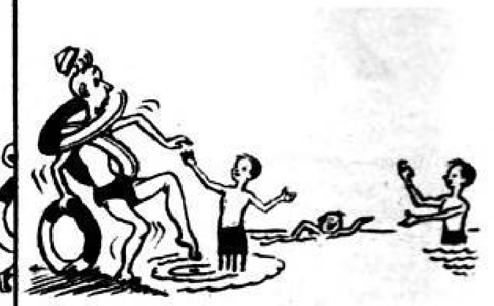
Б. АЛЕКСЕЕВ

Рисунок И. Оффенгендена.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.

Рисунки Ю. Черепанова

Одно из чудес Камчатки

— Вон уже и Паратунку видать! — воскликнул наш каюр, белобрысый паренек лет четырнадцати — пятнадцати.

Вдали виднелись приземистые, утонувшие по окна в снегу домики. Над восточной околицей села висело густое белое облако.

— Что это там дымит? Не пожар ли?

Каюр весело рассмеялся.

— Какой пожар! Это же и есть ванна. Вода-то горячая, пар из нее и валит.

Санаторий Паратунка расположен в нескольких десятках километров от Петропавловска-Камчатского. Со всех сторон березовый лес, а дальше круговой цепью возвышаются сопки, надежно защищающие санаторий от штормовых ветров.

В Паратунке нет теплого моря и солнечного пляжа, но зато есть такое, чего не увидишь на южных курортах,— это открытый бассейн, в котором лечащиеся принимают ванны и летом и зимой. Не прохладно ли в такой ванне, скажем, в феврале? Ничуть! В горячей ключевой воде смело купаются даже такие мерзляки, которые дома привыкли умываться теплой водой. Снег в Паратунке выпадает в конце сентября и лежит до июня. В мае здесь еще бывают пурги, наметает сугробы под крыши. Весь этот период не прекращается прием ванн на свежем воздухе. Над бассейном с горячей водой создается теплый, мягкий микроклимат.

Село Паратунка. Над бассейном облако пара.

В километре от санатория находится живописное Корниловское озеро. В июле — августе здесь можно купаться, что на Камчатке удается довольно редко. Недалеко и река Паратунка. Рыбы в ней столько, сколько никогда не снилось волжским или днепровским рыболовам-любителям. В нерест идет кета, горбуша, чавыча. А голец здесь «нахальный»: хватает крючок без наживы.

Другим лечебным средством санатория являются грязи Утиного озера. Их запасы практически неисчерпаемы.

В санатории успешно лечат ревматизм, радикулит, многие гинекологические болезни.

Лечебные источники и грязи санатория называют «одним из чудес Камчатки».

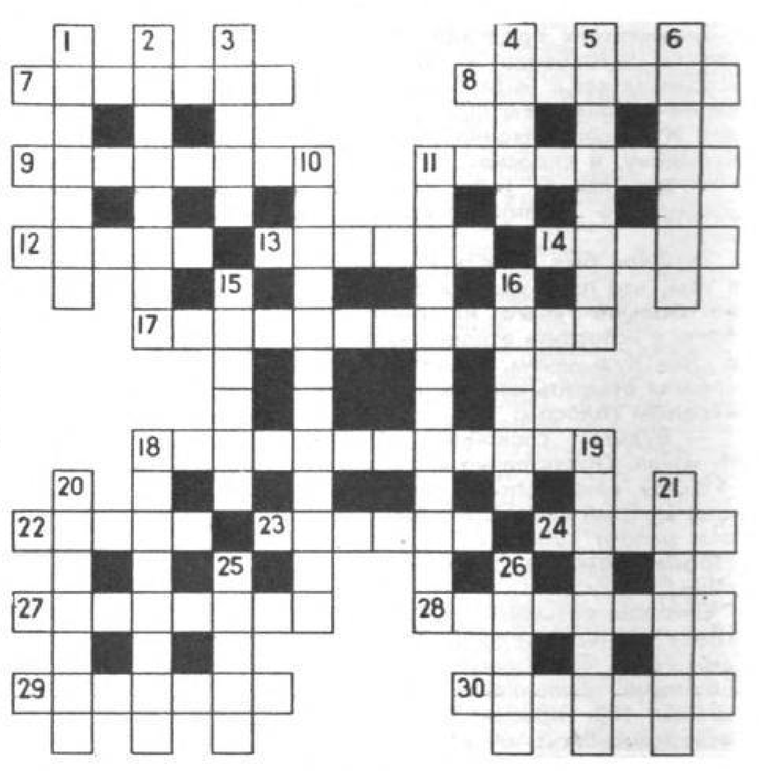
В. ТРИХМАНЕНКО

Японские пословицы и поговорки

Лучше видеть один раз, чем слышать сто раз.
Колодезная лягушка большого моря не знает.
Куница важничает, когда ласки нет поблизости.
Голодная собака палки не боится.
В споре не побеждает тот, кто громче кричит.
Даже дорога в тысячу ли начинается с одного шага.
Разбушевавшийся воробей человека не боится.
Для дураков нет лекарств.
Охотник, преследующий оленя, горы не видит.
И в львиной шкуре иногда заводится моль.
Не пренебрегай слабым противником, не бойся сильного.
Один журавль кричит громче тысячи воробьев.
Когда умирает тигр, остается шкура. Когда умирает человек, остается имя.
О море нужно спрашивать у рыбака.
Оторванные от дерева ветки больше не цветут, разбитое зеркало больше не отражает.
Водка и поздний сон ведут к нищете.

Перевел с японского М. Ефимов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Советский конструктор автоматического оружия. 8. Оборонительная постройка. 9. Спортивная лодка. 11. Польский поэт, революционер. 12. Порывистый ветер. 13. Привилегия. 14. Тропическое южноазиатское дерево. 17. Спортсмен. 18. Раздел медицины. 22. Литературное произведение в стихах. 23. Рыбообразное животное. 24. Слой глины, покрывающий поверхность керамического изделия. 27. Предположение. 28. Ископаемый человек. 29. Войсковое соединение. 30. Советский физик, академик.

По вертикали:

1. Древнеримский поэт. 2. Помещение в общественном здании. 3. Кожа. 4. Часть города. 5. Закрытое учебное заведение. 6. Медицинский работник. 10. Необходимость выбора между исключающими друг друга возможностями. 11. Наука о земной атмосфере. 15. Часть суши. 16. Приток Северной Двины. 18. Музыкальное произведение. 19. Птица семейства ястребиных. 20. Расположение фигур в шахматной игре. 21. Советский писатель. 25. Порт в Польше. 26. Памятник устного киргизского народного творчества.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 25

По горизонтали:

5. Поручение. 8. Парораспределение. 9. Систематика. 14. Асафьев. 17. Атласов. 18. Везувий. 19. Неолит. 20. Плутон. 21. «Рудин». 22. Самбо. 23. Стекло. 25. Реотан. 26. Балатон. 27. Экспорт. 28. Армения. 31. Фольклорист. 34. Главнокомандующий. 35. Зимородок.

По вертикали:

1. Можайск. 2. Туапсе. 3. Пещера. 4. Гиревик. 6. Картофелекопатель. 7. Литературоведение. 9. Спектрограф. 10. Мазут. 11. Автопортрет. 12. Ессентуки. 13. Горожанин. 15. Великан. 16. Филатов. 24. Тагил. 29. Флюорит. 30. Виндзор. 32. Кротон. 33. Оратор.

На вкладках этого номера — П. В. Васильев «Портрет старого рабочего», шесть этюдов А. А. Кокорекина, эскизы В. В. Руднева из поездки в Сирию и Египет и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

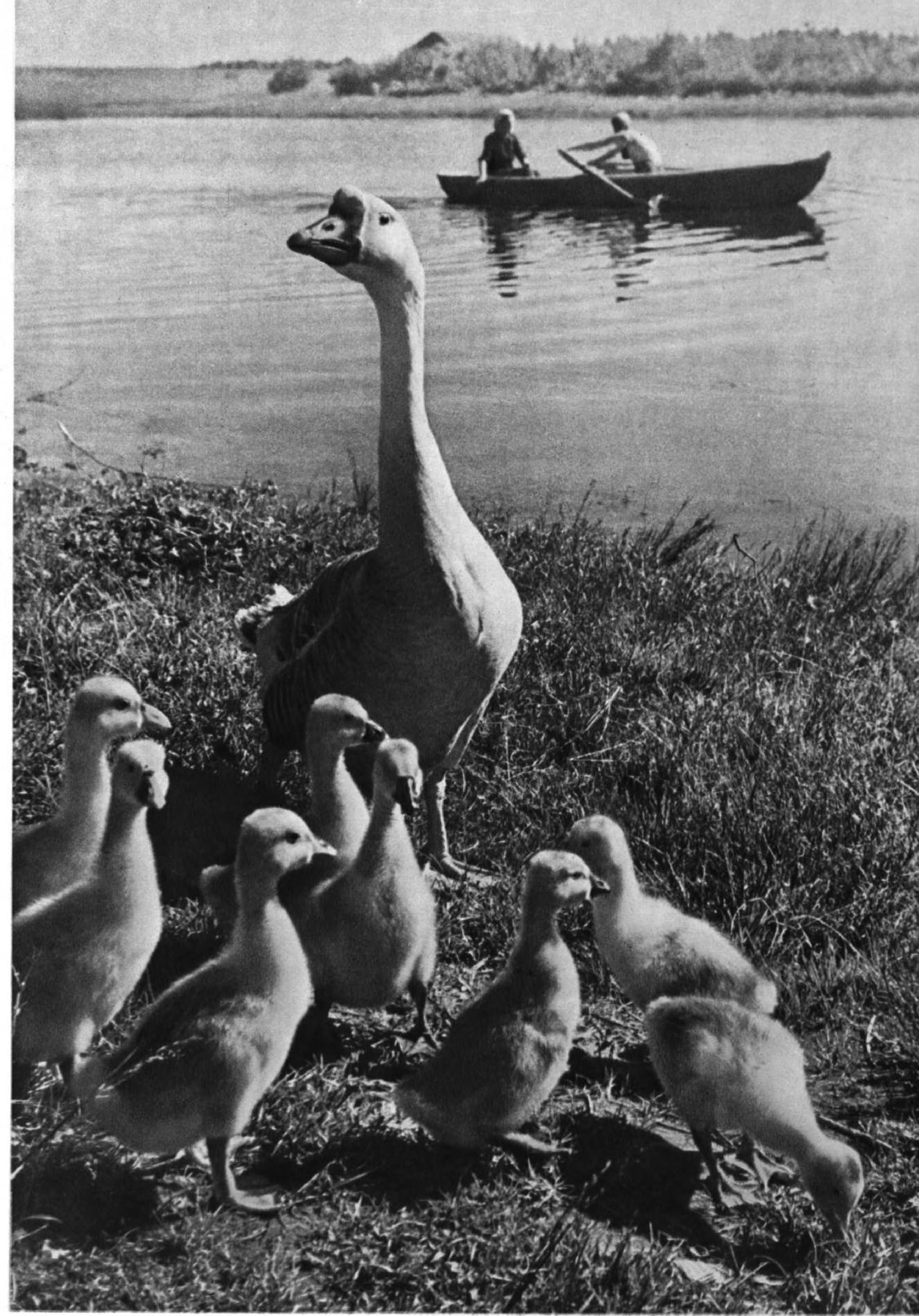
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-39-05; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05798. Подп. к печ. 20/VI 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 540. Заказ № 1595. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

У РЕЧКИ.

Фото О. Кнорринга.

